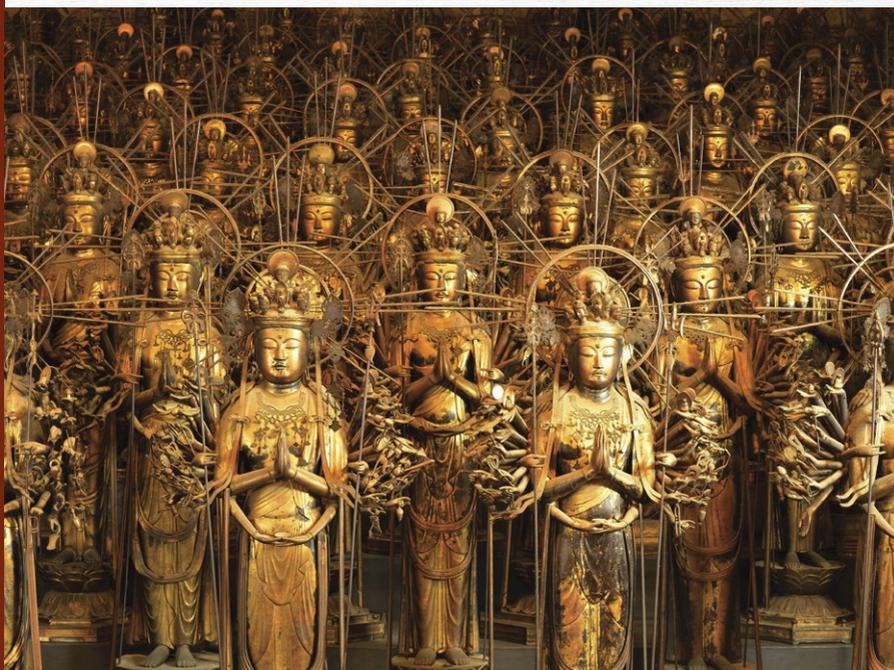

ВОСТОК-ФОКУС

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА**

2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

ВОСТОК-ФОКУС

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР
СТРАН ВОСТОКА**

VII Международная научно-практическая конференция
(Новосибирск, 4–5 октября 2024 г.)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Новосибирск • 2024

УДК 327.5+323.2+94+7
ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7
А43

Сборник рекомендован к печати ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета

Отв. редактор сборника

д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Председатель редколлегии

д-р ист. наук, проф., директор Гуманитарного института НГУ А. С. Зув

Редколлегия

канд. ист. наук, доцент А. В. ВАРЕНОВ (отв. секретарь)

канд. ист. наук, профессор С. А. КОМИССАРОВ

канд. ист. наук, доцент Е. Л. ФРОЛОВА

канд. ист. наук, ст. преп. Е. А. ГИРЧЕНКО

ст. преп. В. В. АХМЕТОВ

ст. преп. А. А. РЕЧКАЛОВА

А43 **ВОСТОК-ФОКУС: актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: материалы VII Международной научно-практической конференции** (Новосибирск, 4–5 октября 2024 г.) / редкол.: Е. Э. Войтишек (отв. ред.), А. В. Варенов (отв. секр.) [и др.]; Новосибир. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. — 290 с.

ISBN 978-5-4437-1701-2

В сборнике представлены труды участников VII международной научно-практической конференции «ВОСТОК-ФОКУС: Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», проходившей 4–5 октября 2024 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Конференция получила широкий общественный и международный резонанс. Это подтверждает не только география участников из крупных востоковедческих центров России, Израиля, Франции и Узбекистана, а также университетов Китая, Республики Кореи, Японии, но и научный статус докладчиков, специалистов в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. В программу конференции впервые был включен Круглый стол, посвященный буддийской проблематике.

УДК 327.5+323.2+94+7
ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7

ISBN 978-5-4437-1701-2

© Новосибирский
государственный
университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

Часть первая

АРХЕОЛОГИЯ, ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

ВАРЕНОВ А. В.
Ритуальные бронзы Саньсиндуй
и древнеиндийская мифология 10

ФУНК М. А., ГИРЧЕНКО Е. А.
Новые находки культуры Саньсиндуй и их связи
с материалами жертвенных ям №1 и №2 19

КОМИССАРОВ С. А., СОЛОВЬЕВ А. И.
Коллекция дяньских бронз в собрании Шанхайского музея 25

ГИРЧЕНКО Е. А.
Некоторые вопросы организации солдатского быта
северо-западных гарнизонов Ханьской империи
(по материалам цзюйяньских ханьцзяней) 35

КУДИНОВА М. А.
Импортные предметы из гробницы Ли Сяня:
обзор материалов и исследований 42

СТОЯКИН М. А.
О защитных конструкциях горного городища Ваньду в Когурё 47

АХМЕТОВ В. В.
Сравнительная характеристика бохайских могильников
в нижнем течении р. Муданьцзян 52

КОБЗЕВА О. П., ХАЛИКУЛОВ А. Б., ВАИСОВА Н. А.
Согдийцы на Шелковом пути 57

ТОШБОВЕВ Ф. Э.
К религиозным верованиям скотоводов древней Уструшаны 63

КАРИМОВА Н. И.
История торговли бакалейными товарами
на Великом Шелковом Пути в эпоху древности 68

НА SUMIN
Usage of Fragrances in Agriculture:
Insights from “Gyuhap Chongseo”, “Sangarak” 73

Часть вторая

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ДАЦЫШЕН В. Г. Столица Синьцзяна Урумчи в русско-китайских отношениях во второй половине XIX века	78
МУБИНОВ М. А. Распространение сведений о Бухарском эмирате в Соединенных Штатах Америки в XIX — начале XX века	86
ФЕДОРОВА А. А. Административное устройство колонии Франции в Юго- Восточной Азии	90
PHILIPPOV A. V. Vassily Kostylev as the first Historian on Japan in Russia	96
ПОЖИЛОВ И. Е. О вступлении Чжу Дэ в коммунистическую партию	103
ВЕРЧЕНКО А. Л. Из истории деятельности ВОКС по развитию контактов с Китаем в области просвещения в 1930-е годы	109
КУЗЬМИН К. Е. Нанкинская резня в исторической памяти Китая: от забвения к актуализации	115
БУТЬКО Е. С. Ревизия взглядов на участие Республики Корея во Вьетнамской войне в южнокорейском обществе на рубеже XX–XXI веков	120
ROQUEPLO OLIVIER P. The Spring Revolution in Myanmar (2021–2024): a New 1988, a New Civil War	127
ДУБИК К. А. Взаимодействие Японии и АСЕАН с малыми государствами Индо-Тихоокеанского региона	136
ШАПОШНИКОВ С. В., ЮРИ САДОИ Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Японии	143
ПОДАЛКО П. Э. Интернационализация без исторического образования. Особенности преподавания гуманитарных наук в современной Японии	150
ЗАБЕРЕЖНАЯ О. А., МИСОЧКО Г. О. Восприятие иностранцев в современной Японии	157

Часть третья

**БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
И ГЛОБАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ:
УРОКИ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО**

Железняков А. С., Никифоров С. В. Буддийский фактор в политических процессах Монголии и приграничных регионов России с точки зрения цивилизационной политологии	166
Дансарунова С. А. Буддизм в общественных процессах современной России	176
Кудинова М. А. Понятие «буддийской дипломатии» в научном дискурсе КНР: предварительное сообщение	181
Шутова М. А. Буддизм и власть в современной Корее: отношения ордена Чоге и президентской администрации Юн Согёля	186
Сеитов Р. М. Международная деятельность нитирэнистских религиозных движений	191
Фролова Е. Л. Дискриминационные посмертные имена в буддийских храмах Японии	196
Фесюн А. Г. Что ждет буддиста в аду (разнообразии наказаний и возможность их избежать)	201
Шмакова А. С., Кравцова А. Д. Источники, свидетельствующие об изменении статуса буддизма на Корейском полуострове в период с IV по XVI века . . .	209
Гирченко Е. А. Институционализация политической власти династии Цин в регионе Амдо в XVII–XVIII веках	216
Ван Тин, Войтишек Е. Э. Специфика распространения тибетского буддизма на Северо-Востоке Китая	222
Яо Сун Влияние китайской буддийской философии и мировоззрения на русско-китайские отношения (на материале русской литературы)	230

Дедюхина К. И. Образ обезьяны как политический символ в Южной Азии	235
Зинченко А. В. Трансформация японского чайного действия в период Эдо (1603–1868)	240
Маматова М. Б. Роль чая в буддизме	246

Часть четвертая

ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРА И ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Кутафьева Н. В. Глаголы со значением множественности в японском языке	255
Кирюхина Л. В. Подход Чэнь Чэнцзэ к проблеме «необычного функционирования» китайской лексики	261
Пелевин М. С. Агиография и политика: легитимация власти в литературе индо-афганской диаспоры	266
Цой И. В. Использование метафорических карт как одного из универсальных инструментов в преподавании корейского языка на разных уровнях (на примере Кафедры корееведения СПбГУ)	271
Миёси Мария Нетворческая работа с текстом на уроках японского языка как родного и как это затрудняет подготовку к субтесту «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1	279

От редактора

Данный сборник представляет труды участников VII международной научно-практической конференции «ВОСТОК-ФОКУС: Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», проходившей 4–5 октября 2024 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ГИ НГУ).

Нынешняя международная конференция, собравшая свыше 70 участников из разных стран, состоялась в юбилейные дни, когда Новосибирский государственный университет праздновал 65-летие со дня своего основания, а кафедра востоковедения отмечала 25 лет своего полноформатного существования. В приветственных речах на пленарном заседании и ректор НГУ, академик М. П. Федорук, и директор ГИ НГУ, профессор А. С. Зуев, отметили не только поступательное развитие востоковедческого направления в университете с конца 60-х гг. XX в., но и первостепенную важность его задач с учетом геополитической ситуации и стратегических вызовов настоящего времени.

Конференция «ВОСТОК-ФОКУС» в седьмой раз собрала представителей востоковедческого сообщества России, а также видных специалистов из стран дальнего и ближнего зарубежья. География участников, представлявших крупные российские и зарубежные научно-образовательные центры, охватывала следующие регионы: Россия (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Благовещенск, Махачкала), Израиль (Аругот), Узбекистан (Ташкент, Бухара, Джизак, Карши), Китай (Харбин), Республика Корея (Сеул, Пуё, Тэджон), Япония (Токио, Нагоя, Киото, Тэнри), Франция (Париж).

Нынешняя конференция прошла под знаком празднования не только официальных дат в НГУ — свои личные 60-летние юбилеи встречали выдающиеся российские востоковеды, а именно: директор ИСАА МГУ профессор А. А. Маслов (Москва), профессор СФУ В. Г. Дацышен (Красноярск) и профессор П. Э. Подалко (Токио, Япония). По воле судьбы все они теснейшим образом в разные периоды времени были связаны с востоковедческим направлением в НГУ, оставаясь верными коллегами и единомышленниками

кафедры востоковедения ГИ НГУ и в настоящее время. Все они блестяще выступили на пленарном заседании конференции, осветив различные аспекты своих исследований — от трансграничных отношений Китая со странами Азии и особенностей преподавания гуманитарных наук в странах Азии до сложного и извилистого пути становления профессионального востоковеда. В приветственных речах коллег из НГУ в честь именинников прозвучали целые доклады, посвященные обзору основных вех творческой биографии юбиляров и анализу их вклада в развитие проблематики теоретических и практических аспектов современно го востоковедения.

Международная конференция 2024 г. на кафедре востоковедения ГИ НГУ была отмечена серьезными новациями: помимо изменения названия впервые в программу работы секций был включен Круглый стол, посвященный буддийской проблематике, где прозвучали доклады не только признанных специалистов в этой области, но и сообщения молодых исследователей. По ряду актуальных вопросов, связанных с проблемами перспектив «буддийской дипломатии», ее роли в международных отношениях, потенциала буддизма в решении социально-политических вопросов в современном мире, соотношения буддизма и власти, состоялись активные дискуссии.

Свои доклады в пяти секциях и Круглом столе в течение двух дней представляли не только известные, состоявшиеся специалисты, но и молодые исследователи в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. Несмотря на взаимодействие в гибридном режиме, между участниками по разные стороны мониторов состоялись весьма оживленные и плодотворные дискуссии. Такой формат научных форумов уже прочно зарекомендовал себя на международных дискуссионных площадках.

Ответственный редактор сборника —
заведующая кафедрой востоковедения

Гуманитарного института

Новосибирского государственного университета,

ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН (Москва),

приглашенный профессор Университета иностранных языков Киото,

приглашенный исследователь Института

культурного наследия Нара (Япония),

д-р ист. наук, профессор Е. Э. ВОЙТИШЕК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Археология,
древняя и средневековая история**

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВАРЕНОВ

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

E-mail: avarenov@mail.ru

Ритуальные бронзы Саньсиндуй и древнеиндийская мифология

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>.

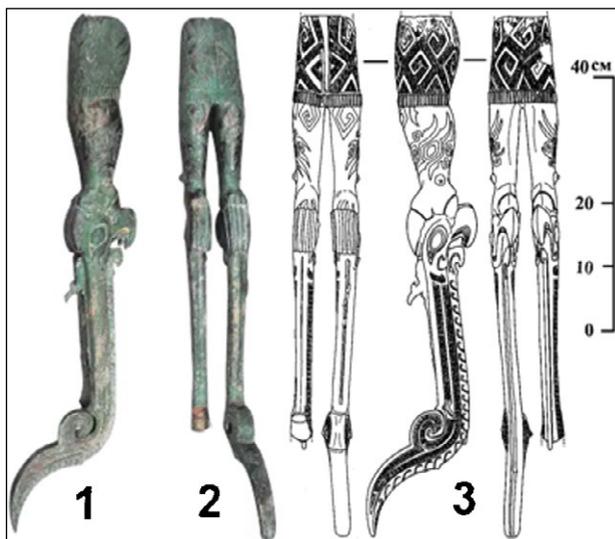
Аннотация: На памятнике Саньсиндуй в 1986 г. в жертвенной яме JK2 открыта одетая в юбку бронзовая фигура человека с птичьими когтями вместо ступней и с зажатыми в них двумя змеевидными созданиями. Она относится к культуре бронзового века, распространенной в пров. Сычуань КНР. Статую можно интерпретировать при помощи древнеиндийских мифов о Гаруде. В пользу подобной интерпретации свидетельствует находка в Саньсиндуде больших бронзовых колес с пятью спицами каждое. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежутки между спицами любого из колес, что соответствует мифологемам о Гаруде, изложенным в «Махабхарате». В статье кратко описаны результаты новых раскопок в Саньсиндуде в 2020–2022 гг.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, Саньсиндуй, антропоморфные статуи, мифология, Гаруда.

© А. В. Варенов

Введение

Саньсиндуй — культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Практически все бронзовые изделия Саньсиндуйа, известные до 2020 г., происходили из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища в 1986 г. Из числа находок в жертвенных ямах наибольшее внимание всегда привлекали бронзовые антропоморфные скульптуры [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 162–169]. Например, в 1986 г. в жертвенной яме JK2 открыта одетая в юбку бронзовая

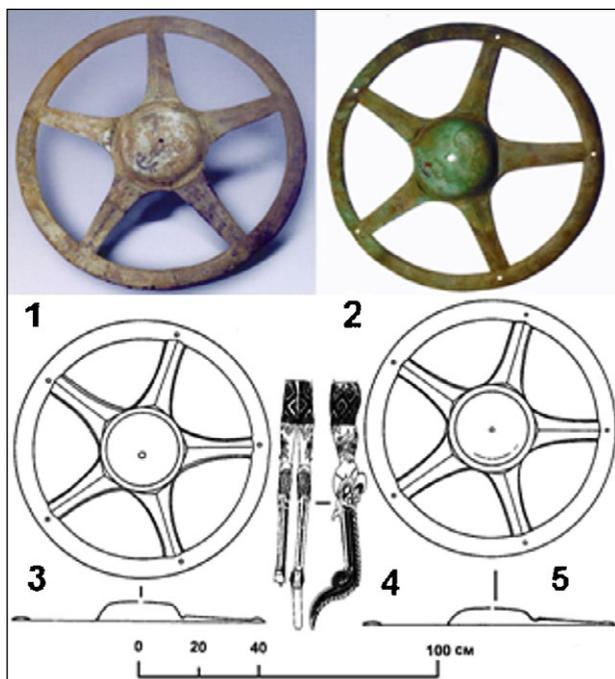
Илл. 1. Бронзовая статуя с птичьими когтями на ногах

1, 2, 3 — статуя с птичьими когтями на ногах.

По: 1-2 — [Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83, рис. 4];

3 — [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, рис. 87].

Здесь и далее масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым.

Илл. 2. Бронзовые колеса и статуя с птичьими когтями на ногах

1 — колесо Обр. K2(2):67,

2 — колесо Обр. K2(3):1,

3 — колесо Обр. K2(3):1,

4 — статуя с птичьими когтями на ногах,

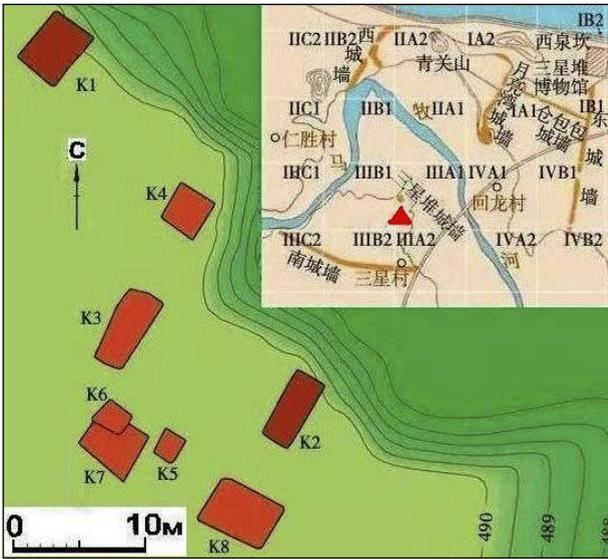
5 — колесо Обр.

K2(2):67.

По: 1 — [Саньсиндуй юй Наньсылу, 2007, с. 57, рис. 73];

2 — [Чэнь Дэань, 2000, с. 61];

3-5 — [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 171, 239, рис. 87, 134].

Илл. 3. План расположения жертвенных ям Саньсиндуя

K1 и K2 — жертвенные ямы, раскопанные в 1986 г., K3–K8 — жертвенные ямы, раскопки которых начаты в 2020 г. На врезке справа вверху — план городища Саньсиндуй. Красным треугольником обозначен район расположения жертвенных ям. По: [Жань Хунлинь и др., 2022, с. 16, рис. 2].

фигура человека с птичьими когтями вместо ступней и с зажатými в них двумя змеевидными созданиями (илл. 1, 1–3). Ранее мы продемонстрировали, что конструктивные особенности этой статуи позволяют синхронизировать время ее создания с бытованием в Саньсиндуе бронзовых масок типов А и С, а также бронзовых «деревьев духов» № 2 и № 1 и тогда же предложили интерпретировать рассматриваемую статую при помощи древнеиндийских мифов о Гаруде [Варенов, Гирченко, 2017, с. 17–21]. В пользу подобной интерпретации свидетельствует находка в Саньсиндуе больших бронзовых колес с пятью спицами каждое (илл. 2, 1–2). Эти колеса сопоставимы по абсолютным размерам со статуей с птичьими когтями на ногах [Варенов, 2019, с. 78]. Статуя может спокойно, с запасом пройти в промежуток между спицами любого из колес, что соответствует мифологемам о Гаруде, изложенным в «Махабхарате» [Темкин, Эрман, 1982, с. 66–70, 250].

Возобновление раскопок в Саньсиндуе

Осенью 2020 г. раскопки в Саньсиндуе были возобновлены после тридцатичетырехлетнего перерыва. Объединенные силы археологов из 39 научных учреждений приступили к изучению так называемого «района жертвоприношений», суммарно обследовав площадь

около 13 тыс. кв. м. В результате в дополнение к двум ранее известным, было выявлено шесть новых «жертвенных ям», расположенных неподалеку от двух первых. Предварительные результаты этих исследований публиковались в СМИ, в основном, электронных.

В центральной китайской археологической научной периодике увидела свет лишь одна статья, посвященная возобновившимся исследованиями Саньсиндуня. В ней приводятся предварительные результаты начала расчистки новых жертвенных ям JK3–JK8 и публикуются отдельные небольшие, но яркие находки из их верхних слоев [Жань Хунлинь и др., 2022, с. 16–30]. Обобщая результаты своих исследований, китайские археологи пришли к выводу, что, исходя из планиграфии, т. е. взаимного расположения, размеров, ориентации по странам света и других особенностей, все восемь жертвенных ям можно объединить в четыре группы: 1) JK1, JK4; 2) JK2, JK3; 3) JK5, JK6 и 4) JK7, JK8 (илл. 3).

Наиболее интересные для данного исследования результаты принесла жертвенная яма JK8. Она перекрыта третьим слоем стратиграфической колонки района раскопок и впущена из четвертого слоя в ее пятый слой, с ориентацией на юго-восток-восток, по азимуту 117 градусов. Устье ямы в плане трапециевидное, его западная сторона чуть шире восточной, находится на глубине 35–40 см от поверхности земли. Устье ямы длиной 5,01 м, шириной 3,31–4,03 м и площадью около 20 кв. м. Стенки ямы вертикальные, с легким наклоном, глубина доходит до 2 м, но дно еще не расчищено (илл. 4, 2). Из поддающихся опознанию изделий в северном углу ямы JK8 замечено «стоящее на сосуде *цзунь* изображение человека со змеиным телом и винным кубком *гу* на макушке» (илл. 4, 1). Встречены и известные по находкам 1986 г. бронзовые головы, маски, изображения солнца (т. е., колес со спицами), драконов и глаз, бронзовые чарки *цзунь* и вазы *лэй* [Там же, с. 29–30].

Новые надежды и неизбежные сомнения

В ходе дальнейшей расчистки «изображения человека со змеиным телом» как *in situ*, так и в лабораторных условиях, стало понятно, что это сложная отливка. Она включала невысокое четырехугольное основание, видимо, изначально предназначенное для вкапывания в землю с целью придания устойчивости всей конструкции. К основанию крепилась (похоже, что была прилита) чарка *цзунь*, закрытая выпуклой крышкой. На этой крышке стояло на руках изваяние человека. Руки антропоморфной фигуры обломались еще в древности,

на крышке остались лишь их кисти, а остальное, по-змеиному неестественно изогнутое вверх ниже плечевого пояса тело фигуры лежало рядом, но отдельно (илл. 5, 1). Ее голова была увенчана сосудом, похожим на винный кубок *gu*, видимо, тоже прилитым (илл. 5, 2).

17 июня 2022 г. онлайн версия китайской правительственной газеты «Жэньминь жибао» сообщила о расчистке в жертвенной яме JK8 бронзовой фигуры, стыкующейся с обломком статуи «Гаруды», найденной в яме JK2 в 1986 г. В заметке ее назвали «статуя изогнутого тела с птичьими лапками и сосудом на голове» [Статуя Саньсиндуй, 2022]. Тело скульптуры, одетое в подпоясанный кушаком распашной халат с длинными рукавами, от района плеч резко задрано вверх и в области пояса стыкуется с находкой 1986 г. (илл. 6, 1–2). Нетрудно заметить, что новая саньсиндуйская статуя

Илл. 4.
Жертвенная яма JK8

1 — статуя «Гаруды» в яме JK8 в начале ее расчистки, 2 — общий вид ямы JK8 в начале процесса ее расчистки. По: 1 — [Статуя Саньсиндуй], 2022; 2 — [Жань Хунлинь и др., 2022, с. 29, рис. 33].

Илл. 5. Расчистка статуи «Гаруды»

1 — статуя «Гаруды» в яме Ж8 в процессе расчистки, 2 — расчистка статуи «Гаруды» в лаборатории. По: 1–2 — [Статуя Саньсиндуй, 2022].

не вписывается в привычную иконографию Гаруды. На опубликованных фотографиях можно увидеть стоящую на руках фигуру с зачесанными назад волосами, круглыми выпученными глазами, выступающими изо рта клыками и снабженную водруженным на голову винным кубком гу (илл. 7, 1).

Талия старой находки 1986 г. смыкается с поясом новой не очень четко, в районе стыка остаются заметные невооруженным глазом зазоры. Орнамент (ромбические меандры) на юбке старой находки отличается от узоров на халате новой (илл. 7, 2). С другой стороны, до этого не встречавшийся в Саньсиндуйе винный кубок гу, водруженный на голову монстра, как раз и мог содержать похищенный им напиток бессмертия — амриту. Да и «змеевидность» новой статуи можно объяснить близким родством Гаруды и нагов. Просто «птичьи» и «змеиные» черты в саньсиндуйской иконографии распределились между ними поровну: головы с клювами достались «нагам», лапы с когтями — «Гаруде», а крылья — никому.

**Илл. 6. Общий вид статуи
«Гаруды с совмещением
всех обломков»**

По: 1 — [Лу Хайцзы];
2 — [Чжао Дяньцзэн, 2022, с. 83,
рис. 3].

**Илл. 7. Крупные
планы статуи
«Гаруды»**

1 — вид анфас,
2 — вид в профиль.
По: 1-2 — [Статуя
Саньсиндуй, 2022].

Заключение

Если реконструкция китайских археологов, предполагающая стыковку фрагментов двух статуй, найденных в жертвенных ямах JK2 и JK8, действительно надежно обоснована, это означает частичную или полную синхронизацию момента создания (захоронения) двух упомянутых закрытых комплексов Саньсиндуня. Такая синхронизация даст возможность применить разработанную нами ранее на материалах жертвенных ям JK1 и JK2 схему технологической эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуня к новым находкам, как минимум, из ямы JK8, а возможно, и ко всем остальным.

ЛИТЕРАТУРА

- Варенов А. В.** Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуня и ритуальные одеяния древнего царства Шу // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1. С. 69–85.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые антропоморфные статуи из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. №4: Востоковедение. С. 16–23.
- Жань Хунлинь, Лэй Юй, Чжао У, Се Чжэнь, Ли Хайчао, Ван Чун, Сюй Фэйхун, Сюй Даньян.** Сычуань Гуанханьши Саньсиндунь ичжи цзисыцуй [冉宏林、雷雨、赵昊、谢震斌、黎海超、王冲、徐裴宏、许丹阳. 四川广汉市三星堆遗址祭祀区]. Район жертвоприношений на памятнике Саньсиндунь, близ г. Гуанхань, пров. Сычуань // Каогу. 2022. №7. С. 15–33 (на кит. яз.).
- Лу Хайцзы.** Сычуань шэн вэньу каогу яньцзююань вэньбао чжунсин [鲁海子. 四川省文物考古研究院文保中心]. Центр охраны памятников Академии археологии и материальной культуры пров. Сычуань. <https://news.cctv.com/2022/07/10/ARTItozx4DBvZ5v4ewWaDbER220710.shtml> (на кит. яз.) (дата обращения 02.04.2024).
- Саньсиндунь цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуня. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.).
- Саньсиндунь юй Наньсылу: Чжунго синань дицзюй дэ цинтун вэньхуа. [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Саньсиндунь и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая / Под ред. Сяо Сяньцзинь [肖先进]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.).

Статуя Саньсиндуй была собрана воедино после 3000 лет // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17/06/2022. <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0617/c31516-10111242-4.html> (дата обращения 02.04.2024).

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М.: ГРВЛ, 1982. 272 с.

Чжао Дяньцзэн. Саньсиндуй цзисы ходун дэ цзибэнь цзягоу: шэнь тань, шэнь мяо, цзисыкэн [赵殿增。三星堆祭祀活动的基本架构: 神坛、神庙、祭祀坑]. Основные опоры ритуальной жизни Саньсиндуя: священные алтари, храм духов, жертвенные ямы // Сычуань вэнью. 2022. № 5. С. 80–94. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди [陈德安。三星堆: 古蜀王国的圣地]. Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.).

ANDREY V. VARENOV
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
avarenov@mail.ru

Ritual Bronzes of Sanxingdui and Ancient Indian Mythology

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 24–28–01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>.

Abstract: The bronze skirt-wearing human figure, with talons instead of feet holding two snake-like creatures, was discovered in 1986 at JK2 sacrificial pit of the Sanxingdui site. It belongs to the Bronze Age culture spread in the Sichuan province of the PRC. The statue being discussed can be interpreted with the help of ancient Indian myths about Garuda. The discovery in Sanxingdui of big bronze wheels featuring five spokes each supports such an interpretation. The statue can easily pass between the spokes of every wheel. The results of new excavations at Sanxingdui in 2020–2022 are briefly mentioned.

Keywords: China, Bronze Age, Sanxingdui, anthropomorphic statues, mythology, Garuda.

УДК 94(31)

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-2

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ФУНК

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

m.funk@g.nsu.ru

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГИРЧЕНКО

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

ekaterina.girchenko@gmail.com

Новые находки культуры Саньсиндуй и их связи с материалами жертвенных ям № 1 и № 2

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации гранта РФФ № 24–28–01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>.

Аннотация: Невероятные находки памятника Саньсиндуй провинции Сычуань, открытого в 1986 г., поражают разнообразием ритуальной бронзовой скульптуры, большим количеством тонких нефритовых скипетров и клевцов, технологиями изготовления тонких покрытий из золотой фольги. Необычная стилистика, явно имеющая в основе богатую мифологию, совершенно не похожа на синхронные культуры сопредельных территорий. Этническая принадлежность носителей культуры Саньсиндуй вызывает множество теорий, которые базируются на анализе физиономических характеристик антропоморфных фигур. Радикальное отличие как изобразительных традиций, так и состава бронз, подводит исследователей к мысли, что, возможно, имели место не один, а несколько центров возникновения китайской цивилизации и один из них был в Сычуаньской котловине. В 2020 г. были открыты еще шесть ям — № 3–8, расположенных рядом с ямами 1986 г. № 1 и № 2, многие из них стилистически очень похожи на находки первых ям, а некоторые демонстрируют совершенно новые категории ритуального инвентаря.

Ключевые слова: Китай, археология, эпоха бронзы, Саньсиндуй, ритуальные бронзы, жертвенные ямы.

© М. А. Функ, Е. А. Гирченко

Долгое время равнина Чэнду на юго-западе Китая считалась далекой периферией и «белым пятном» на археологической карте Китая. О Древнем Шу, существовавшем здесь в бронзовом веке, рассказывали лишь предания народов Сычуани, государство считалось легендарным, так как не было никаких археологических свидетельств его существования. Первыми исследователями древней истории Сычуани были английские и американские миссионеры второй половины XIX в., в частности, В. Г. Донниторн и Д. С. Дай. Они опрашивали местных жителей и выкупали у них случайные находки, занимались изучением ритуального назначения найденных древних предметов. В первых публикациях исследователи классифицировали распространенные формы орудий и каменных колец, зафиксировали разнообразие их диаметров и связали с культом Неба. Первые раскопки на территории равнины Чэнду провел в 1934 г. американский ученый Д. Грэм [Graham, 2006, с. 58–80]. Он описал основные формы и орнаменты керамики, а также нефриты, как кольца, так и орудия. После образования КНР в 1950-е гг. сотрудники Музея провинции Сычуань исследовали два земляных вала Юэлянвань и Саньсиндуй близ г. Гуанхань, подтвердив их искусственное происхождение. На вершинах были обнаружены мастерские по обработке нефрита и производству керамики. В 1963 г. археолог Фэн Ханьцзи, продолживший исследования, предположил, что здесь мог располагаться центр полумифического государства Древнее Шу. В 1980 г. были определены границы памятника, оказалось, что это укрепленное городище, так как оно имело стены с западной, восточной и южной сторон. С северной стороны естественной границей выступала река или северная глинобитная стена была ею разрушена. В 1986 г. с южной стороны холма Саньсиндуй работники местного завода по производству кирпича при заборе глины зацепили край ямы. Изначально считалось, что это могила шуского вана, после раскопок исследователи сошлись на мнении, что это жертвенник, потому что вещи укладывались в определенном порядке, были фрагментарны и обожжены, а затем помещены в яму. Линь Сян связал эту яму с церемонией «сакральной смерти вещей» после проведения шаманских обрядов [Линь Сян, 2004, с. 8]. В последний день работ в 20–30 м от первой жертвенной ямы рабочие обнаружили вторую жертвенную яму с находками, идентичными вещам из первой ямы. Всего к двум первым жертвенным ямам относятся более 4000 находок.

На момент открытия новых ям исследователями уже было установлено, что древний город был густо заселен как с внутренней,

так и с внешней стороны стен, а также разделен на жилой, хозяйственный и религиозный районы, организованные вокруг доминирующей центральной оси. Именно вдоль нее на четырех террасах обнаружена большая часть ям-жертвенников. На территории памятника было раскопано более 50 строений, относящихся к стратиграфическим горизонтам разного времени, что говорит о том, что люди жили там продолжительный период времени, а жилища перестраивались в связи с меняющимися запросами населения. Планиграфия новых ям позволила уточнить расположение ритуального района на территории городища, так как оказалось, что все ямы расположены концентрированно.

Новые шесть ям были открыты в 2019 и 2020 гг. (соответственно они получили номера с 3 до 8), исследования велись Институтом археологии и музеологии Сычуаньского университета. Наиболее масштабной является яма №8 общей площадью 19 кв. м, самая маленькая яма №5—3,5 кв. м. Все в раскопках и последующих исследованиях задействовано 34 научных учреждения Академии наук КНР.

Ямы №3–8 расположены рядом с ямами №1 и 2 и все имеют прямоугольную форму, размером от 3,5 до 20 кв. м. Над ними были построены четыре купола для поддержания постоянной температуры и влажности во время раскопок. Кроме того, на месте была также создана лаборатория, что гарантирует, что артефакты будут обработаны сразу после извлечения из земли. Полимерные бинты использовались для извлечения хрупких органических находок, таких как слоновая кость, которые сразу же отправлялись в лабораторию для дальнейшей очистки.

Артефакты были захоронены по похожей на ямы №1 и №2 схеме в ямах №3, 4, 7 и 8, то есть слоновая кость лежала в верхних слоях, а бронзовые артефакты — в нижних слоях. Яма №5 содержала в основном небольшие золотые предметы и изделия из слоновой кости, в то время как яма №6 продемонстрировала совсем новые категории находок, такие как, например, «деревянный сундук», покрытый красным пигментом, предположительно киноварью.

Найденные бронзовые предметы в основном представляют собой сосуды и статуи. По сравнению с жертвенными ямами №1 и 2, наблюдается большая вариативность уже известных форм. Например, коленопреклоненная статуэтка с бронзовым ритуальным сосудом *цзунь* на голове из ямы 3 похожа на уже известную находку ямы №2, однако «старая» фигурка придерживает сосуд руками, а «новая» держит руки перед собой, на уровне плеч, в руках должен находиться круглый предмет. *Цзунь* как будто стоит

на квадратной пластине, под которой находится коленопреклоненная статуэтка; между двумя элементами можно увидеть очевидные следы сварки. Тело, руки и ноги коленопреклоненной статуэтки также были отлиты отдельно и сварены вместе. В яме №4 была найдена коленопреклоненная статуя с перекрученной затылочной прической, отлитая целиком. На ее теле был изображен узор «в виде ласточкиного хвоста», который часто встречается на бронзовых изделиях того времени в среднем и нижнем течении реки Янцзы.

Бронзовая витая шкатулка, обнаруженная в яме №7, содержала внутри зеленый нефрит. Верх и низ сосуда покрыты сетчатыми крышками в форме, напоминающей панцирь черепахи, а боковины ящика украшены бронзовым шарниром, ручками в форме голов дракона и несколькими бронзовыми лентами. Анализ микроследов на бронзе показал, что шкатулка была обтянута шелком.

В яме №8 обнаружены бронзовые головы с покрытием из золотой фольги, бронзовая зооантропоморфная скульптура, бронзовый алтарь, стилистически близкий найденному в яме №2, а также гигантское мифическое существо, также отсылающее к нижнему уровню «священного алтаря» ямы №2 и бронзовый предмет в форме «дракона со свиным носом», как его называют археологи.

Украшения из золотой фольги встречаются в форме полос, кругов и птиц. Золотая маска весом около 280 гр. из ямы №5 похожа на подобные из старых ям, но она значительно толще и была изготовлена из сплава золота и серебра с содержанием золота около 85%. На сегодняшний день эта маска считается самой большой и тяжелой из известных золотых масок периода Шан–Чжоу.

В 2023 г. исследования на территории городища были продолжены, было подтверждено, что в северной части расположены дворец и мастерские, а в южной, примерно в 1 км от мастерских — район для жертвенных церемоний. Недавно найденные артефакты включают необработанный нефрит и каменные орудия для обработки нефрита, отходы производства, фрагменты и готовые изделия, что позволяет проследить относительно полную цепочку технологических стадий производства ритуальных нефритов.

Сейчас площадь исследований составляет уже около 3,6 квадратных километров, обнаружено более 60 000 объектов археологии. С момента своего открытия новый музей Саньсиндуй привлек уже более 5 миллионов посетителей. Новые находки снова вызвали невероятный интерес к Саньсиндуй со стороны мирового научного сообщества. Этническая принадлежность носителей культуры вызывает множество теорий, которые базируются

на анализе физиономических характеристик антропоморфных фигур. Радикальное отличие как изобразительных традиций, так и состава бронз, подводит исследователей к мысли, что, возможно, имели место не один, а несколько центров возникновения китайской цивилизации и один из них был в Сычуаньской котловине.

ЛИТЕРАТУРА

Линь Сян. Сычуань пэньдидэ луншань шидай вэньхуа [林向。四川盆地的龙山时代文化]. Культура луншаньского времени Сычуаньской котловины // Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [三星堆于长江文明]. Саньсиндуй и культура Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 24–31. (на кит. языке).

Хуан Цзяньхуа. Гушу Цзиньша. Цзиньша ичжи юй гушу вэньмин таньси [黄剑华。古蜀金沙。金沙遗址与古蜀文明探析]. Цзиньша Древнего Шу. Исследования памятника Цзиньша и цивилизации Древнего Шу. Чэнду: Ба — Шу шушэ, 2003. 360 с. (на кит. языке).

Graham D. C. A Preliminary Report of the Hanchow // Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуй. Чэнду: Сычуань чубань цзитунянь, 2006. С. 58–80.

MARIA A. FUNK

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
m.funk@g.nsu.ru

ЕКАТЕРИНА А. ГИРЧЕНКО

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
ekaterina.girchenko@gmail.com

New Finds of the Sanxingdui Culture and Their Relations with Materials from Sacrificial Pits No. 1 and No. 2

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the Russian Scientific Foundation (RSF) grant no. 24–28–01554, <https://rscf.ru/project/24–28–01554>.

Abstract: The incredible finds of the Sanxingdui site located in Sichuan Province, discovered in 1986, amaze with the diversity of ritual bronze sculpture, a large number of thin jade scepters and dagger axes, and the technology of making thin gold foil coatings. The unusual style, clearly based on a rich mythology, is completely unlike the synchronous cultures of adjacent territories. Many researchers, having

paid attention to the unusual physiognomic characteristics of the anthropomorphic figures, have made various assumptions about the ethnicity of the people of Sanxingdui culture and even about a possible alternative center for the emergence of Chinese civilization in the Sichuan Basin. In 2020, six more pits were discovered — Nos. 3–8, located next to the 1986 pits No. 1 and No. 2, many of them are stylistically very similar to the finds of the first pits, and some demonstrate completely new categories of ritual inventory.

Keywords: China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui, ritual bronzes, sacrificial pits.

УДК 069+904(513)

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-3

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОМИССАРОВ

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

sergai@mail.ru

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СОЛОВЬЕВ

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

easolovievy@mail.ru

Коллекция дьяньских бронз в собрании Шанхайского музея

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23–28–00820.

Аннотация: В докладе представлена небольшая коллекция из полутора десятков дьяньских вещей в Шанхайском музее. Предварительно представлена история формирования музейных фондов, начиная с образования музея в 1952 г., и отмечена исключительная роль руководителя музея Ма Чэньюаня. Поскольку основная масса вещей в Шанхайском музее происходит не из научных раскопок, а из различного рода донатов, то бывает трудно произвести их точную атрибуцию. Однако для большей части дьяньских бронз указано их происхождение из раскопок в Шичжайшань в 1956 г. и Лицзяшань в 1974 г. В докладе делается попытка определить подлинность выставленных артефактов и объяснить этот феномен в практике музея.

Ключевые слова: Шанхайский музей, культура Дянь, бронзовые изделия.

© С. А. Комиссаров, А. И. Соловьев

На протяжении второй половины XIX — первой половины XX вв. Шанхай был главным антикварным рынком страны. Жители иностранных сеттльментов, а также китайские нувориши нередко за бесценок скупали раритеты и создавали коллекции старинной керамики и фарфора, живописи, каллиграфии и, конечно,

бронзовых изделий. В 1874 г. был основан музей Северо-Китайского отделения Королевского общества, в основном посвященный природной тематике, но имевший и исторический раздел. В годы анти-японской войны на территории сэтльментов пытались укрыться состоятельные беженцы со своими коллекциями, а в 1949–1950 гг. появилась новая волна беглецов, которые пытались за любые деньги продать свои раритеты и покинуть страну, а если не удавалось ни то, ни другое — безвозмездно передавали вещи новой власти, надеясь на спасение. Иногда получалось.

Поэтому, когда в 1952 г. был создан Шанхайский музей, то он получил в распоряжение значительный фонд реквизированного и выморочного имущества. В 1954 г. на работу в музей пришел Ма Чэньюань, который вскоре стал руководителем отдела по изучению бронзовых изделий, а на период 1985–1999 гг. — директором [Ма Чэньюань, 2023]. При его активном участие развитие музея в целом и бронзовой составляющей в частности достигли заметных успехов. В годы «большого скачка» сотрудники музея разъезжали по стране, осматривая пункты сбора металла на переплавку, куда охваченные энтузиазмом трудящиеся сносили все, что под руку попадало, в т. ч. и культурные ценности, в частности, сам будущий директор отправился в сложный регион Северо-Запада (Синьцзян, Цинхай, Тибет) [Becker, 2001]. Удалось спасти около 800 бронзовых изделий, поступивших в хранилища музея¹. В годы «культурной революции» некоторые ошельмованные представители интеллигенции пытались откупиться от власти своими антикварными собраниями. Так, проф. Чэнь Мэнцзя, специалист по древней письменности, направил письмо своему другу Ма Чэньюаню о том, что передает в Шанхайский музей уникальную коллекцию средневековой мебели и ряда других древностей. Но жизнь ему столь щедрый дар не спас. А мебель, в конечном счете все же поступившая в музей, представлена ныне в мемориальном отделе, посвященном Чэнь Мэнцзя.

С началом периода «реформ и открытости» музей вышел на новый высокий уровень. И если пожертвования прежних лет не всегда носили добровольный характер, то начиная с 1980-х гг.

¹ Шанхай бу чу ту цинтунци, вэйхэшанхай боугуаньлидэ цинтун намэ до? Ю 4 гэ юаньинь [上海不出土青铜器，为何上海博物馆里的青铜器那么多？有4个原因 // 百家号]. В Шанхае не раскопаны бронзовые изделия, почему же в Шанхайском музее так много бронзы? Четыре причины // Байцзяхао [Номер для «ста школ»]; обществен. депозитарий популярных и художественных текстов. 04.09.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1808995660874464223&wfr=spider&for=pc> (на кит. яз.) (дата обращения: 01.09.2024).

отмечается рост количества донатов от зарубежных китайцев, жителей Гонконга, а в последние годы все больше и больше от жителей и компаний континентального Китая. Стена донаторов в музее заполнена практически полностью, и приходится все чаще уплотнять экспозицию. В настоящее время фонды музея содержат более 1 020 000 единиц хранения (против 13 000 в 1955 г.), из которых 140 000 вещей удостоено уровня национального достояния². Поскольку места для всех экспонатов постоянно не хватало, то в 1996 г. построено новое здание, а в начале 2024 г. введен в строй Восточный филиал музея в свободной экономической зоне Пудун, куда и переехала все собрание бронзы, а также нумизматика, печати и ряд других коллекций.

В том же здании представлена скромная экспозиция, посвященная археологии Шанхая. Для времени неолита и палеометалла она содержит интересные экспонаты, важные для реконструкции местной истории, но мало информативные для китайской истории в целом. Так, для всей эпохи Чжоу найдено лишь два бронзовых артефакта: обломок клевца-гэ и церемониальный кубок-цзунь [Chen Jie, 2011, p. 72–74], что подтверждает контакты с царствами периода Чжаньго, но и только. Тогда как в главной галерее бронзовых изделий представлено 7 911 экспонатов, включающих огромные ритуальные котлы и треножки, наборы оружия, украшения. Отдельной экспозицией в состав галереи входят и интересующие нас дьяньские вещи. Главный экспонат — бронзовая ситула, со «стадом» из восьми быков на крышке, к которым по бокам снизу подбираются полосатые куцехвостые кошачьи хищники (илл. 1). Кроме того, в коллекцию входят наверхшие в виде головы быка (илл. 2, 1); втульчатый чекан с фигурами двух выдр на обухе, которые «делят» рыбу (илл. 3, 1); наконечник копья с фигуркой хвостатого пятнистого кошачьего хищника (барса —?) на втулке (илл. 3, 2); раздвоенный наконечник с головой змеи на втулке, так что лезвие как бы имитирует язык пресмыкающегося (илл. 3, 3); накладки на ножны с витым узором и изображением головы быка (илл. 3, 4); втульчатый топор скрипковидной формы с маской в верхней части (илл. 3, 5); позолоченная бляшка, изображающая схватку кошачьего хищника с быком (илл. 4, 1); поясное украшение с цветным камнем посредине и десятью обезьянами по кругу (илл. 4, 2); бронзовая бляшка в виде кошачьего хищника, стоящего на змее, кусающей его

² About the Museum // Shanghai Museum site. URL: <https://www.shanghaimuseum.net/mu/frontend/pg/m/en/infomation/about> (Accessed: 01.09.2024).

Илл. 1. Бронзовая ситула из Шичжайшань с восемью быками на тимпане

1 — вид анфас; 2 и 3 — ручки в форме куцехвостых хищников; 4 — вид с боку. Все фотографии на илл. 1–4 сделаны А. С. Комиссаровым в Шанхае в, 2024 г., подготовлены к публикации А. И. Соловьевым.

Илл. 2. Бронзовые изделия: изголовье из Лицзяшань с пятью быками и навершие из Шичжайшань

1 — навершие в форме головы быка из Шичжайшань;
2, 3 и 4 — изголовье из Лицзяшань, вид сбоку, сзади и спереди;
5, 6 — детали оформления изголовья

Илл. 3. Бронзовые изделия культуры Дянь

- 1 — чекан из Шичжайшань с выдрами и рыбой на обухе;
- 2 — наконечник копья из Шичжайшань с фигуркой барса (?) на втулке;
- 3 — раздвоенный наконечник («вилы») из Шичжайшань с головой змеи на втулке;
- 4 — накладки на ножны с витым узором, место находки не указано;
- 5 — втульчатый топор скрипковидной формы, место находки не указано;
- 6 — украшение пояса из Шичжайшань с бирюзовыми вставками

Илл. 4. Бронзовые изделия из могильника Шичжайшань

- 1 — позолоченная бляшка, изображающая схватку кошачьего хищника с быком;
2 — поясное украшение с цветным камнем посредине;
3 — бляшка в виде кошачьего хищника, стоящего на змее, добывшего бычка;
4 — фигура служанки (деталь конструкции).

хвост, и закинувшего на спину молодого бычка, вероятно добычу (илл. 4, 3); и др. Описывающие их таблички отличаются от большинства во всей галерее. Мы уже говорили о том, что поскольку абсолютное большинство бронзы происходит не из научных раскопок, то бывает сложно указать их происхождение. В дяньском же разделе точно указано, что 10 предметов происходят из раскопок в Шичжайшань в 1956 г., один — из раскопок Лицзяшань в 1972 г., и только два (втульчатый топор и накладка на ножны) — без атрибуции. Поэтому не удивительно, что очень схожие изображения мы встречаем в публикациях по Шичжайшань (напр., [Чжан Цзэнци, 1998]), но не всегда можно сказать: это одни и те же находки или очень близкие аналоги.

Мы пока не можем однозначно объяснить, появление этих вещей в Шанхае и предлагаем четыре возможных версии:

- 1) **Бюрократическая.** Шанхайский музей, как расположенный в признанной «культурной» столице государства, привлекающий миллионы туристов и, что еще важнее, сотни донаторов, получил возможность, вслед за Музеем китайской истории (вошел в состав Национального музея Китая) отбирать в коллекцию некоторые вещи из запасников провинциальных музеев; публикации подтверждающего документа на сей счет у нас нет;
- 2) **Личностно-историческая** (в смысле «роль личности в истории»). Маршал (с 1955 г.) Чэнь И — человек очень влиятельный в КНР и при Мао, и после Мао — в начале 1950-х гг. руководивший Шанхаем и очень благоволивший созданному музею, узнав о замечательных находках в Шичжайшань (о них много тогда писали в прессе), высказал пожелание, чтобы дяньские вещи были и в собрании его музея. А дальше Ма Чэньюань сделал, чтобы не слишком обижать коллег, вполне представительную, но небольшую подборку, не тронув самые эффектные находки. Правда, в эту схему плохо вписывается «изголовье с пяти быками» из Лицзяшань, раскопанное в 1972 г. (илл. 2, 2-6), когда Чэнь И уже был на посту министра иностранных дел, а Ма Чэньюань «перевоспитывался» в трудовом лагере;
- 3) **Детективная.** Возможно, часть находок из Шичжайшань и Лицзяшань, уже после публикации и передачи в Музей пров. Юньнань, была похищена и вывезена из Китая. Ма Чэньюаня привлекли на помощь как имевшего обширные связи среди коллекционеров и антикваров всего мира и обладавшего опытом подобных операций. Так, 1993 г. он сумел отыскать в Гонконге (тогда еще британском) и вернуть в КНР (выкупить) набор колоколов из могилы цзиньского хоу [Сичжоу, 2024].

А поднимать шум в прессе в данном случае власти не захотели, так тоже бывало;

- 4) Самая простая, **музейно-просветительская**. Все «шичжайшаньские» вещи в шанхайской коллекции оказываются искусными копиями, о чем музейная администрация не сочла нужным уведомить посетителей.

Выбрать единую версию мы не можем без доступа к внутренним документам музея (описям, отчетам), что мало возможно, или поучения новых материалов (мемуаров, газетных и Интернет-публикаций и др.), что вполне возможно. Пока же можно лишь отметить несомненную ценность для дальнейшей работы двух вещей (втульчатый топор, накладка на ножны) неизвестной атрибуции, и большую полезность детальных фотографий 10 вещей из Шичжайшань и одной из Лицзяшань, которые мы по какой-то причине (возможно, их не все выставляли) не смогли увидеть в Музее пров. Юньнань в Куньмине. Отметим, что при всем типологическом сходстве некоторых вещей из этих музеев: ситула, зеркало с окантовкой из цепочки обезьян, подголовник с фигурками быков и др. — экспонаты Шанхайского музея выглядят заметно репрезентативнее (зрелищнее), что тоже дает определенную пищу для размышлений.

В музее также выставлена небольшая коллекция из четырех бронзовых барабанов, которая будет представлена в отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ма Чэньюань** [马成源 // 百度百科]. Ма Чэньюань // Байду байкэ [эл. энцикл.]. 11.12.2023. URL: https://baike.baidu.com/item/马承源/5664468?fr=ge_ala (на кит. яз.) (дата обращения: 01.09.2024).
- Сичжоу цзинь хоу су чжун [西周晋侯苏钟 // 百度百科]. Колокола Цзиньского хоу Су эпохи Западное Чжоу // Байду байкэ [эл. энцикл.]. 09.07.2024. URL: https://baike.baidu.com/item/西周晋侯苏钟/64120?fr=ge_ala (на кит. яз.) (дата обращения: 01.09.2024).
- Чжан Цзэнци**. Цзиньнин шичжайшань [张增祺. 晋宁石寨山]. (Могильник Шичжайшань в уезде Цзиньнин. Куньмин: Юньнань мэйшу чубань-шэ, 1998. 316 с., 60 с. цв. ил. (на кит. яз.).
- Becker J.** Ma Chengyuan and the creation of Shanghai Museum // South China Morning Post. 03.01.2001. На сайте Goteborg.com. URL: <https://goteborg.com/qa/mrma.shtml> (accessed: 01.09.2024).
- Chen Jie.** Archaeological view of Ancient Shanghai / Transl. by Chen Zhen. Shanghai: Shanghai Chinese Classics Publishing House, 2011. 134 p.

SERGEI A. KOMISSAROV

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
sergai@mail.ru

ALEKSANDR I. SOLOVIEV

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
easolovievy@mail.ru

Dian Bronzes in the Collection of the Shanghai Museum

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23–28–00820.

Abstract: The report presents a collection about a dozen of Dian items in the Shanghai Museum. The history of the formation of museum funds, from the establishment of the museum in 1952, is preliminarily presented, and the exceptional role of the head of the museum, Ma Chengyuan, is noted. Since the bulk of the things in the Shanghai Museum do not come from scientific excavations, but from various kinds of donations, it can be difficult to make their exact attribution. However, for most of the Dian bronzes, their origin is indicated from excavations in Shizhaishan and Lijiashan. We try to determine authenticity of the exhibited artifacts and explain this phenomenon in the practice of Shanghai museum.

Keywords: Shanghai Museum, Dian Culture, bronze artefacts.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГИРЧЕНКО

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

ekaterina.girchenko@gmail.com

Некоторые вопросы организации солдатского быта северо-западных гарнизонов Ханьской империи (по материалам цзюйяньских ханьцзяней)

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 22–78–10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии».

Аннотация: В статье рассмотрены данные о жизни солдат северо-западных гарнизонов Ханьской империи по материалам деревянных и бамбуковых плашек *ханьцзяней*, хранящихся в Музее провинции Ганьсу и в Музее деревянных плашек в г. Ланьчжоу. Переводы данной ежедневной административной документации позволяют проанализировать быт и должностные обязанности конных войск *циши*, солдат, служащих на сторожевых маяках — *суйцзу*, солдат-земледельцев *тяньцзу*, а также необходимые критерии для поступления на службу, стратегии и методы отражения набегов кочевников на ханьские территории, особенности получения пайков и жалования для солдат, офицеров и членов их семей, специфику административного управления в северо-западных округах Китая на рубеже эр.

Ключевые слова: Западная Хань, северо-западные округа, ханьцзяни, пограничная служба, хунну, приграничные конфликты.

© Е. А. Гирченко

В период Западной Хань (202 г. до н. э. — 9 г. н. э.) северо-западные рубежи империи постоянно подвергались набегам со стороны кочевых народов, обитавших у границ Ханьского Китая. С 198 г. до н. э. китайские императоры являлись данниками хуннских шаньюев, поэтому грабительские вторжения были регулярной практикой и с каждым разом кочевники проникали все дальше

вглубь Китая, доходя в своих набегах до верховий Хуанхэ, а значит, практически до столицы империи — Чанъани. Хунну основывали целые поселения на ханьской территории и императорская армия, остро нуждавшаяся в обновлении, ничего не могла противопоставить быстрой и легкой кочевой коннице. Несмотря на то, что попытки реорганизовать армию предпринимались и ранее, только императору У-ди (годы правления 141–87 гг. до н. э.), седьмому императору династии Хань, удалось переломить противодействие консервативно настроенной знати и перевооружить китайскую армию, введя в состав войск как тяжеловооружённую конницу, так и легкую кавалерию. В активе армии появились эффективные и дальнобойные самострелы, способные отражать нападения кочевников. Только в 121 г. до н. э. хунну были оттеснены из коридора Хэси (Ганьсуйского коридора) далее на запад, а на новых территориях нужно было в максимально короткие сроки создать условия для постоянного нахождения там военных гарнизонов, готовых в любой момент отразить атаки врага. Были образованы четыре новых округа — Хэси сы цзюнь — Увэй, Чжанъе, Цзюцюань и Дуньхуан. Их основной задачей было укрепление позиций империи в коридоре Хэси, что впоследствии так же приобрело и другую важную стратегическую задачу — обеспечение стабильно-го и безопасного функционирования Великого Шелкового пути.

В рамках данного цикла исследований, посвященных изучению ежедневных воинских задач новых округов, была предпринята рабочая поездка в научные учреждения г. Ланьчжоу (провинция Ганьсу) в Музей провинции Ганьсу (кит. 甘肃省博物馆) и в Музей деревянных и бамбуковых дощечек (кит. 简牍博物馆) с целью изучения ежедневной административной документации новых округов — бамбуковых и деревянных плашек ханьцзяней (кит. 汉简), представляющих собой полоски длиной в среднем около 22–25 см и шириной 2–4 см. Сейчас в Музее деревянных и бамбуковых плашек собрано порядка 40 тыс. документов ханьского времени. Как правило, ханьцзяни представляют собой отдельные небольшие лаконичные заметки, но иногда несколько ханьцзяней с большим объемом информации связывались между собой в свитки-цзюани. Иногда комбинировались кусочки разной длины, написанные разными почерками, что свидетельствует о том, что «к делу подшивались» дополнительные документы, сделанные в другое время другой рукой [Staak, 2023, p. 52].

Музейные коллекции ханьцзяней происходят преимущественно из раскопок как 1970–1990 гг., так и 2010-х гг. в районе заставы Цзюйянь (кит. 居延). Большая часть коллекции относится к периоду

примерно между 100 г. до н. э. и 170 г. н. э. В Китае регулярно выходят научные каталоги, посвященные разбору текстов, представляющих собой данные о текущих задачах различных категорий солдат и офицеров, нападениях кочевых отрядов, результатах отражения атак и нанесенном ущербе [Увэй ханьцзянь, 2005; Чэн Пэнвань, 2017].

В отличие от официальных династийных хроник, фиксирующих крупные исторические события, бамбуковые плашки содержат информацию о ежедневных операциях, показывая без прикрас рутину приграничных конфликтов на рубеже эр. Отдельные набеги небольших групп всадников с целью наживы или повреждения стен или сторожевых башен, фиксируемые в локальной документации, не имели большой ценности для отчетов высокого уровня. Переводы текстов на бамбуковых и деревянных плашках могут служить информативным источником для анализа масштабов, периодичности вторжения кочевников на ханьские территории, стратегии и методов их отражения, быта и должностных обязанностей обитателей гарнизонов.

Основную силу гарнизонных войск, охранявших границу, составляли солдаты, призванные на государственную службу со всех регионов империи, причем, вопреки сложившемуся мнению, арестанты или освобожденные преступники не составляли большинства населения округов, а дувэями не назначались ссыльные чиновники, проштрафившиеся на службе в центре империи, что в целом вполне логично, ведь доверять охрану границы неблагонадежному населению или неграмотным чиновникам было бы опасно. Тем не менее, из-за огромной территории и малонаселенности на северо-западе часто предпочитали скрываться преступники из остального Китая, сбивавшиеся в преступные шайки, что создавало дополнительную напряженность на границе.

«Личные карточки» содержали информацию об имени, возрасте, ранге, местах происхождения всех солдат гарнизона. В разные периоды действовали разные правила призыва на службу, так, например, в период правления императора У-ди, а затем его сына Чжао-ди, солдат набирали на службу в возрасте от 23 до 56 лет. Если на ханьцзяне с личной информацией не указана личность военнотружущего гарнизона и его ранг, то скорее всего это «карточка» заключенного преступника. Солдатам на постоянной службе разрешалось переселяться на северо-запад с семьями, домашним скотом и имуществом, регулярный паек получали все обитатели округов, вплоть до младенцев месячного возраста, что было связано с желанием развить у солдат большую мотивацию для защиты

крепостей. Кроме того, жалование могло приходиться с задержкой до два-три месяцев, а иногда — до восьми, девяти месяцев, о чем неоднократно повествуют донесения на ханьцзянях [Цзюйянь ханьцзянь..., 2018]. Семье с небольшим хозяйством было проще выжить в таких ситуациях. Особенно трудно пришлось обитателям северо-западных гарнизонов, когда власть в империи захватил Ван Ман, основав династию Синь (9–23 гг.), тогда любое финансирование из центра было прекращено. Рекруты, отбывавшие срочную службу, не получали жалование, а только базовый паек, комплект одежды и вооружения.

Солдаты в целом делились на три категории: конники *циши* (кит. 騎士), смотрители сторожевых маяков *суйцзу* (кит. 燧卒), солдаты-земледельцы *тяньцзу* (кит. 田卒). Имела и более узкая специализация — солдаты-строители, отвечавшие за строительство и ремонт строений, солдаты, отвечавшие за рытье каналов и колодцев, стражники пропускных пунктов, зернохранилищ и почтовых станций и т. д. Если планировалось выполнение срочных инженерных работ, то могли призываться солдаты разных категорий. Солдаты-земледельцы призывались в основном из внутренних уездов с развитым сельским хозяйством. В военное время они могли участвовать в оборонительных операциях. Конные войска по своему статусу и обращению были выше, чем обычные солдаты. Встречаются ханьцзяни, указывающие на то, что *циши*, как правило, были местными, в отличие от солдат-земледельцев, и могли отбывать службу со своей личной лошадью [Там же].

Сторожевые сигнальные башни являлись одним из самых важных оборонительных объектов ханьского Китая. Существовали комбинации сигналов, которые солдаты должны были передавать каждой последующей башне, представлявшие собой информацию о количестве приближающихся врагов, месте вторжения, направлению их движения, что позволяло иметь более точное представление о ситуации и своевременно на нее реагировать, поэтому солдат-срочников на такую работу не брали. Проблемы в работе одной башни приводили к тому, что разрывалась цепочка передачи информации, поэтому при постоянной угрозе вторжения хунну военное управление крепости Цзюянь регулярно отчитывалось по работе каждого из сторожевых маяков и существовал запрет на частую смену личного состава крепостей. В ненастные ночи армия Хань могла использовать только конников для передачи сообщений между сторожевыми башнями, но такие посланники могли быть перехвачены противником. Также в обязанности солдат входило поддержание системы *тяньтянь*, когда

на ночь на территорию вокруг объекта наносился слой мягкого песка или земли, что позволяло утром увидеть, передвигался ли кто-либо под покровом ночи — кочевники или дезертиры. Днем нужно было снова замести следы, разрыхлить землю граблями и подготовиться к новой ночи. Плашки отражают регулярное использование этой системы: «<зафиксированы>¹ следы на тяньтянь близ заставы Уюэ» (№ EPT58:17), «В четвертый месяц день Исы зафиксированы следы» (№ EPF22:319). В задачи призывников также входили проверка тайных веревок, натянутых в тех местах, где могли передвигаться враги (из ханьцзяней можно узнать, что один человек мог отвечать за 4 ли (2 км, 1 ли = 500 м), укрепление стен и расчистка окружающих полей) [Ма Чжицюань, 2021]. В отчетности также регулярно фигурируют данные ревизии состояния и количества боеприпасов, их использования, например, «Чжан Цзюнь, старший офицер Тан и другие <во время нападения врага> произвели более десяти выстрелов каждый» [Там же]. Помимо дежурств, солдатам приходилось делать мишени для стрел, заготавливать траву для лошадей, накапливать топливо для маяков и т. д. «Рабочую тетрадь» необходимо было заполнять каждый день, чтобы подвести итоги работы за день. Солдаты, отвечавшие за передачу сигналов, должны были быть образованы, здесь имеются в виду не только базовые навыки чтения, письма и арифметики. Чтобы овладеть системой кодирования сигналов, солдатам также необходимо тренировать свои навыки в системе «девя-ти-девяти» (китайской таблице умножения), «небесных стволов и земных ветвей», заучивать тексты для улучшения памяти и де-лать упражнения для тренировки рефлексов.

Что касается пограничных конфликтов, с которыми регулярно сталкивались солдаты, несущие службу на границе, то вся информация о них должна была также строго фиксироваться. Например, плашка № 57–29 Цзюйяньской коллекции описывает один из набегов: «В девятый месяц первого года правления императора Сюань-ди, в год Гэнцзы (прим. 73 г. до н. э.), варвары захватили в плен девяносто конников и продвинулись по северной дороге к Цзяцюй хоугуань (прим. сторожевой башни с огневым маяком военного гарнизона Гуанчжи). Они убили одного солдата, украли три самострела для стрельбы каменными ядрами и один арбалет, также двенадцать стрел, одного быка и одежду. Гарнизонный сыма выезжает из ставки дувэя в сопровождении ста восьмидесяти двух человек с целью преследования». Плашки

¹ Здесь и далее в треугольных скобках — уточнения автора статьи.

содержали личные отчеты: «Конница из более чем восьмидесяти лошадей прибыла из-за пределов крепости. Все их атаки были отбиты (№ 534–30А)», «Когда я ехал по северной дороге, увидел следы лошадей, входящие в реку. Там было более 20 лошадей...» (№ ЕРТ48:55А) [Ма Чжицюань, 2021].

Тем не менее, несмотря на тяготы службы, встречаются ханьцзяни о проведении каждой осенью соревнований по стрельбе из лука. Каждые 6 стрел, попавших в цель, засчитывались как 15 дней службы, что могло приблизить потенциальное повышение в должности [Цзюйянь ханьцзянь..., 2018].

Таким образом, всестороннее изучение деревянных табличек ханьцзяней позволяют реконструировать особенности ежедневного быта солдат и офицеров, военных конфликтов с кочевыми народами, специфику административного управления в северо-западных округах Китая на рубеже эр.

ЛИТЕРАТУРА

- Ма Чжицюань.** Цзюйянь ханьцзянь фаньин дэ хань-сюн бьяньсай чжаньши [马智全. 居延汉简反映的汉匈边塞战事]. Приграничные конфликты между Хань и хунну по материалам цзюйяньских цаньцзяней // Музей Чжаоцзюнь г. Хух-Хото. <http://yuding.zjbwy.org.cn/zjwh/info/1352.html> (дата обращения: 10.08.2024).
- Увэй ханьцзянь [武威汉简]. Ханьцзяни округа Увэй. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005. 272 с. (на кит. яз.).
- Цзюйянь ханьцзянь ли дэ ханьдай бяньцзян вэйши шэнхо ши [居延汉简里的汉代边疆卫士生活史]. Жизнь солдат-пограничников династии Хань по материалам цзюйяньских цаньцзяней // Информационный портал Соху. URL: https://www.sohu.com/a/240287650_100140957 (дата обращения: 10.08.2024).
- Чэн Пэнвань.** Цзяньду бошу гэши яньцзю [程鹏万. 简牍帛书格式研究]. Исследование документов на бамбуковых дощечках и книг из шелка. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2017. 403 с. (на кит. яз.).
- Staik T.** Bindings of Ancient Chinese Bamboo and Wood Scrolls. In: Tied and Bound: A Comparative View on Manuscript Binding. Berlin: De Gruyter Publ., 2023. Pp. 39–72.

EKATERINA A. GIRCHENKO

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

ekaterina.girchenko@gmail.com

**Some Issues of Organizing Soldiers' Life
in the Northwestern Garrisons of Han Empire
(Based on Materials of the Juyan Hanjian)**

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation (RSF) project no. 22–78–10121 “Connections between the cultures of Siberia and Northern China in the era of antiquity and the early Middle Ages according to archaeological data”.

Abstract: The article examines the data on the life of soldiers in the northwestern garrisons of the Han Empire based on the materials of wooden and bamboo slips *hanjians* stored in the Gansu Provincial Museum and the Museum of Wooden Slips in Lanzhou. Translations of this daily administrative documentation allow us to analyze the life and official duties of the cavalry troops *qishi*, soldiers serving at watch-towers, *suizu*, soldier-farmers *tianzu*, as well as the necessary criteria for entering the service, strategies and methods for repelling nomad raids on Han territories, the specifics of rations and salaries receiving for soldiers, officers and their families, the specifics of administrative management in the northwestern prefectures of China at the turn of the eras.

Keywords: Western Han, northwestern prefectures, *hanjian*, border service, Xiongnu, border conflicts.

МАРИЯ АНДРЕЕВНА КУДИНОВА

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru

Импортные предметы из гробницы Ли Сяня: обзор материалов и исследований

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22–78–10121.

Аннотация: Дано описание импортных предметов из погребения 2-й пол. V в., принадлежавшего Ли Сяню и его супруге (г. Гуюань, Нинся-Хуэйский АР КНР). Изложены основные версии, касающиеся мест производства и путей попадания этих изделий в Гуюань. Особое внимание уделено серебряному кувшину с позолотой. Вопросы происхождения сосуда и семантики образов его декора остаются дискуссионными. Ли Сянь как крупный чиновник и военачальник мог получить предметы центрально-азиатского и иранского импорта в дар от правящего дома или напрямую от торговых и дипломатических миссий, проходивших через Гуюань.

Ключевые слова: Китай, Гуюань, гробница Ли Сяня, Шелковый путь.

© М. А. Кудинова

Импортные предметы из гробницы Ли Сяня и его супруги У Хуэй¹ (серебряный кувшин с позолотой, золотой перстень с лазуритом, стеклянная чашечка и железный палаш) находятся в фокусе внимания специалистов в течение нескольких десятилетий. Проблемам датирования, происхождения и маршрутов, по которым эти изделия могли попасть Гуюань, посвящены десятки научных работ на разных языках.

Серебряный позолоченный кувшин с рельефными изображениями трех пар персонажей, каждая из которых включает стоящих

¹ О погребении и погребенных подробнее см.: [Кудинова, Шульга, 2023, с. 21–24].

лицом друг к другу мужчину и женщину, привлекает наибольшее внимание исследователей. Хань Чжаоминь (с опорой на мнение авторитетных исследователей археологии Китая «исторического периода» Су Бая и Ся Ная) и Ван Вэймин считали, что сосуд изготовлен иранскими мастерами под влиянием греко-бактрийской традиции [Хань Чжаоминь, 1985, с. 11–12; Ван Вэймин, 1985, с. 65]. У Чжо [1987, с. 69–72] и Сунь Цзи [1999, с. 73–74] связывают происхождение кувшина с эфталитами, не исключая авторство римских ремесленников, попавших в плен или добровольно отправившихся на заработки в Центральную Азию. У Чжо [1987, с. 68] интерпретирует композиции на тулове сосуда как сцены проводов в поход мужчины-воина. А. Карпино и Дж. М. Джеймс предполагают, что кувшин был произведен в Иране, Индии или Центральной Азии, и трактует его декор в целом как отражение синкретических религиозных представлений, включавших элементы греко-римской и иранской зороастрийской традиции, а женский образ — как изображение древнеиранской богини воды и плодородия Анахиты [Carpino, James, 1989, p. 73–74]. Б. И. Маршак и вслед за ним Ло Фэн полагают, что на кувшине показаны сюжеты мифов о Троянской войне: суд Париса, похищение Парисом Елены и возвращение Елены к Менелаю [Масакэ, Анадзава Вакоу, 1992, с. 93–94; Ло Фэн, 2000, с. 317]. Б. И. Маршак приводит еще две, менее вероятные, на его взгляд, версии. Согласно первой из них, одна из сцен — это Эрфила, принимающая в подарок от Полиника ожерелье Гармонии, еще две композиции должны быть также связаны с мифами фиванского цикла. По другой версии, на сосуда могут быть изображены Афродита с Гермесом или Аресом [Масакэ, Анадзава Вакоу, 1992, с. 94]. Что касается места производства, Б. И. Маршак и Ло Фэн связывают изготовление кувшина с бактрийскими мастерами [Масакэ, Анадзава Вакоу, 1992, с. 93–94; Ло Фэн, 2000, с. 320]. Отталкиваясь от идеи Б. И. Маршака о том, что на сосуда изображены сцены из троянских мифов, А. Сетайоли предположил, что одна пара героев действительно соответствует Елене и Парису. Еще четыре фигуры представляют персонажей «суда Париса»: самого Париса и трех богинь — Афину, Геру и Афродиту, однако изготовивший сосуд мастер (вероятно, из Гандхары), ошибочно изобразил Афину мужчиной, по-видимому, введенный в заблуждение наличием у нее оружия [Setaioli, 2020].

Золотой перстень со вставкой лазурита округлой формы был обнаружен внутри гроба супруги Ли Сяня — госпожи У Хуэй и, по-видимому, принадлежал ей при жизни. Поверхность камня украшена гравированным изображением танцовщицы с гирляндой. Этот

образ находит аналогии в сасанидском искусстве [Ван Вэймин, 1985, с. 66–67] и может быть интерпретирован как изображение Анахиты (ср.: [Тревер, Луконин, 1987, с. 119]). Схожие ювелирные изделия известны по материалам погребальных комплексов эпохи Южных и Северных династий из разных районов Китая [Чжан Цинцзе, Чан Иминь, 2003; Отани Икуэ, 2017].

Еще одним предметом иранского импорта является округлая чашечка из прозрачного стекла светло-зеленого оттенка с узором в виде выпуклых кругов, изготовленная из натрий-кальциевого сырья посредством дутья, поверхность готового изделия отшлифована. Аналогичные предметы известны в III–VII вв. на широкой территории от Ирана до Японии, но наибольшее сходство наблюдается с сосудами, найденными в Гиляне (северо-западный Иран) и датированными IV–V вв. [Ань Цзяю, 1987, с. 173–180]. С районами Центральной или Западной Азии связано и происхождение железного палаша, на что указывает специфическое оформление ножен серебряными ушками для крепления [Амброз, 1986, с. 28–30; Ло Фэн, 1999, с. 19–20].

Таким образом, импортные изделия из гробницы Ли Сяня и У Хуэй, наиболее вероятно, были изготовлены в ремесленных центрах Сасанидского Ирана и могли попасть к Ли Сяню напрямую от следовавших через Гуюань дипломатических миссий и торговых караванов или же в форме пожалований от правящего дома, получившего их, в свою очередь, в дар от посольств Сасанидской Империи или государства эфталитов, сведения о визитах которых сохранились в письменных источниках. В частности, в «Повествовании о Западном крае» («Сиюй чжуань») из «Истории Вэй» («Вэй шу»), составленной Вэй Шоу в 551–554 гг., говорится о посольстве эфталитов, которое в 525 г. направлялось с дарами ко двору Северной Вэй через Гуюань, однако было задержано здесь повстанцами под предводительством Моци Чоуну, и смогло продолжить путь в столицу лишь после разгрома мятежников (в 530 г.). Из жизнеописания Ли Сяня в «Истории Чжоу» («Чжоу шу»), составленной Линху Дэфэнем в 636 г., известно, что он принимал участие в подавлении этого восстания. Возможно, престижные импортные предметы могли остаться в Гуюане именно в ходе этих событий (см.: [Хань Чжаоинь, 1985, с. 19; У Чжо, 1987, с. 74–75]). Что касается, проблемы дешифровки семантики изображений, использованных в декоративном оформлении кувшина и перстня, то несмотря на усилия многих специалистов, она в настоящее время не решена.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброс А. К.** Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // Сов. археология. 1986. №3. С. 28–35.
- Кудинова М. А., Шульга Д. П.** Три элитных погребения эпохи Северного Чжоу в окрестностях Гуяюаня в Нинся, КНР // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. №4: Востоковедение. С. 18–31.
- Тревер К. В., Луконин В. Г.** Сасандиское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII вв. М.: Искусство, 1987. 240 с.
- Carpino A., James J. M.** Commentary on the Li Xian Silver Ewer. *Bulletin of the Asia Institute*, 1989, vol. 3, p. 71–75.
- Setaioli A.** Harbingers of the Trojan War on a Gilt Silver Ewer from Guyuan. *Giornale Italiano di Filologia*, 2020, vol. 72, p. 9–17.
- Ань Цзяю.** Бэй Чжоу Ли Сянь му чутудэ боливань — сашань болицидэ фасянь юй яньцзю [安家瑶. 北周李贤墓出土的玻璃碗——萨珊玻璃器的发现与研究]. Стекланная чашечка из погребения Ли Сяня эпохи Северная Чжоу: обнаружение и исследование сасанидских стеклянных сосудов // Каогу. 1986. №2. С. 173–181, вкл. 8 (на кит. яз.).
- Ван Вэймин.** Бэй Чжоу Ли Сянь фуфу му жогань вэньти чутань [王卫明. 北周李贤夫妇墓若干问题初探]. Предварительное изучение некоторых вопросов, связанных с погребением Ли Сяня и его жены эпохи Северная Чжоу // Мэйшу яньцзю. 1985. №4. С. 62–71 (на кит. яз.).
- Ло Фэн.** Бэйчао суй тан шицидэ Юаньчжоу муцзан [罗丰. 北朝隋唐时期的原州墓葬]. Погребения периодов Северных династий, Суй и Тан в Юаньчжоу // Юаньчжоу гуму цзичэн [原州古墓集成]. Полное собрание древних погребений Юаньчжоу. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. С. 9–25 (на кит. яз.).
- Ло Фэн.** Бэй Чжоу Ли Сянь му чутудэ чжунъя фэнгэ люцзинь иньпин — и Бакэтэлия цзиньшучжипинь вэй чжунсинь [罗丰. 北周李贤墓出土的中亚风格鎏金银瓶——以巴克特利亚金属制品为中心]. Позолоченный серебряный кувшин в центральноазиатском стиле, найденный в погребении Ли Сяня периода Северной Чжоу, как произведение бактрийской торевтики // Каогу сюэбао. 2000. №3. С. 311–330 (на кит. яз.).
- Масакэ /Маршак Б. И./, Анадзава Вакоу.** Нинся Гуяюань Бэй Чжоу Ли Сянь му цзи цичжун чутудэ ши и гусила шэньхуа гушидэ люцзинь иньху шупин [马萨柯、穴泽和光. 宁夏固原北周李贤墓及其中出土的饰以古希腊神话故事的鎏金银壶书评]. Заметки о погребении Ли Сяня и его жены эпохи Северная Чжоу в Гуяюане, Нинся, и обнаруженном в нем позолоченном серебряном кувшине, украшенном греческими мифологическими сценами // Гуяюань шичжунань сюэбао. 1992. №2. С. 92–94 (на кит. яз.).

- Отани Икуэ.** Хань тан ичжи чутудэ чжихуань цзи ци чусяньдэ бэйцзин [大谷育惠. 汉唐遗址出土的指环及其出现的背景]. Кольца, найденные на памятниках периода Хань-Тан, и контекст их появления // *Ляоси дицью дун цзинь шилуго шици дучэн вэньхуа яньцзю* [辽西地区东晋十六国时期都城文化研究]. Изучение культуры столичных городов периода Восточной Цзинь и Шестнадцати варварских государств в регионе Ляоси. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2017. С. 226–241 (на кит. яз.).
- Сунь Цзи.** Цзяньго илай сифан гу циу цзай вогодэ фасянь юй яньцзю [孙机. 建国以来西方古器物在我国的发现与研究]. Обнаружение и исследование древних западных артефактов в Китае со времени образования КНР // *Вэнью.* 1999. №10. С. 69–80 (на кит. яз.).
- У Чжо.** Бэй Чжоу Ли Сянь му чуту люцзинь иньху као [吴焯. 北周李贤墓出土鎏金银壶考]. Исследование позолоченного серебряного кувшина, найденного в погребении Ли Сяня эпохи Северная Чжоу // *Вэнью.* 1987. №5. С. 66–76 (на кит. яз.).
- Хань Чжаоминь.** Нинся Гуюань Бэй Чжоу Ли Сянь фуфу му фацзюэ цзяньбао [韩兆民. 宁夏固原北周李贤夫妇墓发掘简报]. Краткий отчет о раскопках погребения Ли Сяня и его жены эпохи Северная Чжоу в Гуюане, Нинся // *Вэнью.* 1985. №11. С. 1–20, вкл. 1–3 (на кит. яз.).
- Чжан Цинцзе, Чан Иминь.** Бэй Ци Сюй Сяньсю му чутудэ цянльаньбаоши цзинь цзечжи [张庆捷、常一民. 北齐徐显秀墓出土的嵌蓝宝石金戒指]. Золотой перстень с сапфиром из погребения Сюй Сяньсю эпохи Северная Ци // *Вэнью.* 2003. №10. С. 53–57 (на кит. яз.).

MARIA A. KUDINOVA

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
maria-kudinova@yandex.ru

Imported Items from the Li Xian's Tomb: A Review of Materials and Research

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant no. 22-78-10121.

Abstract: The paper describes imported items from a tomb of the 2nd half of the 5th century AD that belonged to Li Xian and his wife (Guyuan, Ningxia, PRC). The main versions concerning the production centres and the routes of these items to Guyuan are presented. Particular attention is paid to a silver ewer with gilt decoration. The issues of the origin of the ewer and the semantics of its images remain controversial. Li Xian, as a high-ranking official and military leader, could have received of Central Asian and Iranian items as a gift from the imperial house or directly from trade and diplomatic missions passing through Guyuan.

Keywords: China, Guyuan, Li Xian's Tomb, Silk Road.

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СТОЯКИН

Институт культурного наследия Кореи

Тэджон, Республика Корея

stake-14@yandex.ru

О защитных конструкциях горного городища Ваньду в Когурё

Аннотация: В статье рассматриваются особенности фортификации горного городища Ваньду, расположенного рядом с долинным городищем Куннэ у г. Цзиань провинции Цзилинь КНР. Тут одно время могла находиться столица Когурё среднего этапа. Раскопки на городище вначале XXI в. позволили изучить форму, размер, технологию возведению валов, конструкционные особенности защитных сооружений. Они представлены укреплениями ворот в виде захабов, защитными конструкциями вала. Рассмотрена конструкция ворот, это были строения под черепичной крышей. На валу зафиксированы следы ремонта. Стратегическое расположение городища и мощная фортификация укрепляла столичный регион. Городище Ваньду являлось типичным примером горного городища в Когурё.

Ключевые слова: Когурё, средний период, столица, фортификация, горное городище.

© М. А. Стоякин

Горное городище Шаньчэнцзы (山城子山城) (далее: Ваньду / Хвандо (丸都) расположено в 2,5 км на северо-запад от городища Куннэ (Гонэй), ныне центра г. Цзиань на востоке пров. Цзилинь КНР. В китайской историографии оно соотносится с городами Винаамсон (3 г. н. э.) и Хвандо (конец II в.) [Вэй Цуньчэн, 1994]. Судя по письменным источникам, тут одно время могла находиться столица Когурё среднего периода, и в середине III в. и IV в. было захвачено и разрушено [Ким Бусик, 1995, с. 40, 65–68, 78].

Городище началось исследоваться с начала XX в. японскими исследователями. Они провели первые измерения памятника, составили план города и валов. В 2001–2003 гг. впервые были проведены

археологические раскопки, изучены дворцовый комплекс, наблюдательная башня, ворота и водохранилище [Институт..., 2004]. Ниже мы рассмотрим защитные конструкции городища Ваньду, которые позволят определить уровень строительных технологий и особенности оборонительных сооружений в государстве Когурё.

Протяженность вала горного городища, имеющего в плане неправильную четырехугольную форму, составляет ок. 6950 м. Валы сложены типичным в Когурё приёмом из сухой каменной прочной кладки с двух сторон из хорошо подогнанных килевидных гранитных блоков дл. 0,35–0,45 м, шир. 0,35–0,45 м и толщ. 0,2–0,3 м. В основании часто ступенчатой формы. Внутреннее пространство было заложено веретенообразными камнями (дл. 0,45–0,6 м × 0,2–0,3 м × 0,15–0,25 м), пустоты — мелким камнем. Максимальная шир. и выс. валов достигают 5 м.

Городище относится к типу горузон, где валы, проходящие по склонам, окружают большую относительно ровную жилую территорию в распадке. Этот метод является типичным для когурёского градостроительства, а позже и для городов государства Восточная Ся (но с преобладанием технологии «ханту») в Маньчжурии и Приморье в первой трети XII в.

Наверху части восточного, западного и северного валов были обнаружены зубцы (парапет) в виде кладки выс. 0,5–1 м и шир. до 1 м. Местами с внутренней стороны к ним примыкали ямы «толкудони» в валу подквадратной формы длиной 0,2–0,4 м и глуб. 0,3–0,5 м. Считалось, что тут стояли столбы от защитных конструкций. Однако они обнаружены и на труднодоступных, крутых местах, так что вопрос функции остается открытым.

В южной стене находятся три дренажные конструкции в виде короба выс. 1,4 м и дл. 13 м, стенки сложены из 2–3 крупных блоков и перекрыты длинной плитой-крышкой. Еще один дренаж под южными воротами не сохранился. Такое большое количество обусловлено тем, что тут находилась самая низкая часть горного городища, куда устремлялась вода во время осадков.

На Ваньду имелось 7 (или 8) ворот. Самые главные южные ворота, где находился выход в долину р. Тунгоу, были защищены мощной конструкцией в виде внутреннего захаба. Он имел подпрямоугольную форму дл. 115 м и шир. 56,5 м в самой широкой части. Сохранившаяся выс. стены западного участка захаба составляет 4 м, а шир. 6 м.

Проезд в ворота находился в средней части захаба. Он был сильно разрушен протекающим под ним ручьем. Ширина проёма равна ок. 10 м, с двух сторон в основании возведен 1 слой продольной

кладки — опора конструкции ворот. Тут находилась крупная надвратная башня. Ее красную черепичную крышу украшали концевые диски с лotosовым (9 цветками), жимолостным и зооморфным орнаментами. Привлекает внимание сильно изогнутое украшение крыши дл. более 35 см с орнаментом в виде монстра с большим ртом. К железным изделиям относятся гвозди и крепежи от постройки, наконечник копья и долото.

Ворота № 2 расположены в западной части южного вала, обнаружены впервые в ходе раскопок. Фиксировались следы пожара на камнях, горелое дерево. Ворота имели шир. ок. 5 м. и дл. 8,4 м. Пол был тщательным образом выложен небольшими камнями, а с двух сторон продольной кладкой. Тут же находилось по одному пяточному и поворотному камню с углублениями, на которые устанавливался столб со створкой дверей ворот. Вал от ворот, делая крутой поворот, формировал перед собой узкий тамбур — внешний захаб. Его северный участок имел дл. 19 м, шир. 3,7–6,5 м, а южный — дл. 27,6 м и шир. 10 м. Последний был сложен только из веретенообразных камней, чередуясь со слоем гальки с лесом. В северной стороне захабa обнаружена небольшая каменная стена (дл. ок. 5 м, шир. 0,75 м). Судя по найденным двум монетам «Цяньлун тунбао» и «Даогуан тунбао», она могла быть возведена в поздний период династии Цин [Институт..., 2004, с. 29].

Над воротами была крупная деревянная башня. Среди более 10 тыс. фрагментов черепицы есть не только красная, но и менее 10% серо-красных изделий. Встречено много предметов с прочерченными отдельными иероглифами и рисунками, в том числе «птичек», цветов лotosов, построек [Стоякин, 2014]. Большое число концевых дисков (90 шт.) имеют лotosовый (с 6, 8 и 9 цветками) и зооморфный орнаменты. Судя по всему, на воротах проводился ремонт.

Ворота № 3 находились в южной части западного вала, впервые обнаружены и раскопаны в начале XXI в. Они представляли собой проём дл. 5,25 м и шир. 3,6 м в валу, закругленного с двух сторон, и имели выступы с классической прочной, ровной кладкой (шир. ок. 5 м, сохр. выс. 1,4–1,8 м). Снаружи проход резко обрывался к крутому склону. Тут найдена черепица, но без концевых дисков.

Остальные ворота не раскопаны. Рядом с ними обнаружены фрагменты черепицы — остатки от деревянной надвратной конструкции.

Ранее сообщалось о специальных квадратных площадках на валах для метательных машин [Воробьев, 1961, с. 83]. Однако на городище отсутствуют фронтальные и угловые башни, что необычно для городищ Когурё. Внутри, однако, есть наблюдательная башня,

расположенная в 100 м на север от южных ворот и в 320 м от дворцового комплекса, рядом находились остатки «казарм». Башня возвышалась на холме, с нее открывается хороший обзор на долину р. Тунгоу. Она состоит из самой башни подпрямоугольной формы 6,7 × 4,5 м, при сохранившейся выс. 4,5 м, и двух каменных лестниц, отходящих в разные стороны на длинной северной стороне и имеющих в основании закругленные края. Сохранилось 10 и 12 ступеней выс. 2–2,5 м. Объект сложен типичной кладкой, при этом на верху части камней сделаны пазы во избежание соскальзывания верхних камней. Восточная сторона в основании была подкреплена ступенчатой кладкой из более 10 ярусов. Вверх не сохранился, однако судя по большому количеству фрагментов черепицы (часть обнаружена с рисунками), тут стояла деревянная черепичная постройка. Она была украшена концевой черепицей с лотосовым (9 цветками) и зооморфным орнаментом. Найдено много железных наконечников стрел, гвоздей и крепежей. Подобные наблюдательные башни встречены и на других горных городищах Когурё, например, Чэнцзышань и Чэншань.

Археологические исследования горного городища Ваньду предоставили многочисленный материал для реконструкции фортификации государства Когурё. Валы сооружались типичной для городищ Когурё кладкой. Часть ворот с черепичными постройками защищена захабами. Китайские археологи считают, что комплекс сторел и был заброшен после нападения мужунов в 342 г. [Институт..., 2004]. Судя по некоторым строительным элементам вала (использование скальника в основании вала, ямы толькудо-ни и пр.), которые фиксируются и на нескольких ранних горных городищах в бассейне р. Ялуцзян, как Уньюй, Хэкоу и Гаоцзяньдэ и Дахэйшань, начальное время сооружения горного городища Ваньду можно было отнести к этому периоду. Но по типологии находок ранний материал не обнаружен, основные объекты существовали со второй половины V в. [Ян Сиын, 2020, с. 76]. Необходимы новые археологические работы для выявления находок, могущих подтвердить его функционирование на более ранних этапах.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьёв М. В.** Древняя Корея (историко-археологический очерк). М.: Издательство восточной литературы, 1961. 194 с.
- Ким Бусик.** Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Т. 2. М.: Восточная литература, 1995. 320 с.

Стоякин М. А. Граффити на черепице у когурёсцев // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 98–100.

Вэй Цуньчэн. Гаогули каогу [魏存成. 句麗考古]. Археология Когурё. Цзилинь: изд-во Цзилиньского ун-та, 1994. 124 с. (на кит. яз.).

Институт культурных реликвий и археологии провинции Цзилинь, Музей г. Цзиань. Ваньду шаньчэн: 2001–2003 нянь Цзиань Ваньду шаньчэн дяоча шицзюэ баогао. [吉林省文物考古研究所, 集安市博物馆. 丸都山城: 2001–2003 年集安丸都山城调查试掘报告. 北京: 文物出版社]. Горное городище Ваньду: доклад о предварительных исследованиях в 2001–2003 гг. горного городища Ваньду в г. Цзиань. Пекин: Вэньу, 2004. 424 с. (на кит. яз.).

Ян Сиын. Тосон [양시은. 도성]. Столицы // Когурё когохак [고구려 고고학]. Археология Когурё. Квачхон: Чининджин, 2020. С. 45–74 (на кор. яз.).

МАКСИМ А. СТОЯКИН

National Research Institute of Cultural Heritage
Daejeon, South Korea.
stake-14@yandex.ru

About the Defensive Structures of the Koguryo Wandu Mountain City

Abstract: The article discusses the features of the fortification of the Wandu Mountain City, located next to ancient Guonei city near the Ji'an city, Jilin province of the China. It was a place where at one time, the capital of Koguryo in the middle stage could have been located. Excavations at the site at the beginning of the 21st century provide a lot of information about shape, size of the ramparts, walls construction technology, and features of defensive structures on the gate and walls. The design of the gates with the finds are also considered, it be reconstructed as buildings with a tiled roof. The strategic location of the Mountain City and powerful fortification strengthened the capital region. Wandu Mountain Site was one of the typical examples of a mountain city site in Koguryo.

Keywords: Koguryo, middle period, capital, defensive structures, mountain city site.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ АХМЕТОВ

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

akhmetovladimir@yandex.ru

Сравнительная характеристика бохайских могильников в нижнем течении р. Муданьцзян

Аннотация: В нижнем течении р. Муданьцзян расположено несколько бохайских могильников. В этом районе проходила северная граница территории Бохая. Здесь известно как минимум 7 могильников. Из них выделяются могильник Шичангоу и группа могильников Тоудаохэцзы. Погребальный обряд, зафиксированный на могильниках в нижнем течении р. Муданьцзян, аналогичен тому, который известен по материалам других бохайских могильников. Погребальный инвентарь также характерен для бохайских могильников.

Ключевые слова: Бохай, Муданьцзян, Шичангоу, Тоудаохэцзы, мохэ.

© В. В. Ахметов

Бохайские памятники в подавляющем большинстве расположены на юге Маньчжурской равнины [Стоякин, 2012, с. 171]. В свою очередь, бохайские могильники в Китае концентрируются в долинах нескольких рек: р. Муданьцзян и ее притоках, р. Хайланхэ [Ахметов, 2023, с. 16].

Отдельно можно рассмотреть группу памятников в нижнем течении р. Муданьцзян — на отрезке от впадения в р. Муданьцзян ее левого притока р. Хайланхэ и до впадения самой р. Муданьцзян в р. Сунгари. Этот район уже был северной окраиной распространения бохайских памятников. Это переходная местность от Восточно-Маньчжурской горной страны, в которой и располагается большая часть памятников Бохая, к Северо-Ханкайской равнине. Вообще, на сравнительно обширной равнинной территории бохайские памятники локализуются, пожалуй, только в Приморье в долине р. Раздольная.

Ниже рассматриваемые могильники расположены к северу от Муданьцзянской крепостной стены, сооруженной к северу от современного г. Муданьцзян. Стена подходит к левому берегу р. Муданьцзян в районе г. Хуалинь (который расположен на противоположном берегу). Далее приведены сведения о могильниках начиная от расположенных в непосредственной близости от крепостной стены и далее на север.

Могильник Шичангоу расположен в долине р. Лалохэ, правом притоке р. Муданьцзян. Здесь были исследованы 18 погребений. Все погребения каменные склепы с земляной насыпью. Авторы раскопок датируют могильник по найденной монете «Кайюань тунбао» в могиле 16 кон. VII в. — сер. VIII в. Кроме того, они утверждают, что могильник этот имеет смешанные черты и бохайские и мохские (имея в виду хэйшуй-мохэ). Погребальный обряд представлен вторичными и первичными погребениями. Встречаются как одиночные первичные захоронения (могила 11), так и тройные вторичные (могила 17) [Чжао Хунгуан, 2021].

Могильник Саньдаогуань расположен на р. Эрдаохэ, правом притоке р. Муданьцзян. Могильник состоял из около 30 погребений, расположенных в ряды по линии восток-запад. Могильные камеры сооружены из камня с перекрытием каменными плитами. Затем над ними сооружались насыпи из камня и грунта.

Могильник Тоудаохэцзы является общим названием для группы из 4 могильников: 1 и 2 — это Янцаогуоу, 3 — Тоудаохэцзы, 4 — Бэйчжань. Расположены они южнее впадения р. Тоудаохэ в р. Муданьцзян. Могильник 1 состоит из 72 погребений, могильник 2 — из 66 погребений, могильник 3 — из 33 погребений, могильник 4 — из 55 могил. Большая часть погребений на этих могильниках возведены на поверхности, поэтому сохранность их была плохая. Погребения в плане подквадратные и подпрямоугольные. На могильнике 3 (Тоудаохэцзы) раскопаны 2 могилы в 1958 г. Могила 1 — подпрямоугольный в плане каменный склеп на поверхности с земляной насыпью. В камеру вел вход с южной стороны в виде двух поставленных вертикальных камней. Пол в камере выстлан галькой в один слой. Потолок состоял из 4 каменных плит. В могиле найдены фрагменты человеческих костей, около входа в погребение найден фрагмент венчика сосуда. Могила 2 по типу сооружения практически идентична могиле 1. Находок в ней не было [Пальхэый, 2014, с. 429–455].

На могильник Бэйчжань (могильник 4) в 1983 г. раскопано 3 погребения. Перед сооружением погребальной каменной конструкции под нее выкапывалась неглубокая яма. Затем стенки

сооружались из каменных плит. Вход делали в виде вертикально поставленных каменных валунов. Вход сверху перекрывался каменной плитой. В могиле 1 зафиксированы следы воздействия огня на остатках костей погребенного. В могиле 2 были найдены кости черепа у входа, кости нижних и верхних конечностей — в восточной и центральной части погребения. В могиле 3 кости погребенных были беспорядочно расположены в погребальной камере. Всего в могиле было погребено 4 человека. Часть костей со следами воздействия огня. Вероятно, во всех раскопанных могилах были захоронения по вторичному обряду.

Могильник Янцаогоу делится на северный (могильник 2) и южный участки (могильник 1). Погребения на могильнике — каменные склепы с входом. На северном участке все погребения с южной ориентацией (вход с юга). На южном участке погребения в западной части ориентированы на юго-восток, в восточной части — на юго-запад. Погребения на могильнике сооружались следующим образом: в могильной яме сооружали каменные стенки. Пол погребальной камеры выстилался либо галькой, либо плоскими камнями, либо песком с глиной, либо кирпичом. Сооружался вход в виде вертикально поставленных каменных валунов. Вход перекрывался еще одним камнем. Затем из камней к входу выкладывался небольшой проход. Камера перекрывалась плоскими каменными плитами.

Могильник Миньли упоминается в научной литературе, однако о нем известно лишь то, что на его территории был собран подъемный материал — фрагменты бохайской керамики, фрагменты каменных изделий.

Могильник Дунша состоит из 7 погребений, из них 3 было раскопано. Могильник находится на правом берегу р. Муданьцзян к востоку от селения Дуншацунь. Все погребения — каменные камеры. Сохранность погребений была плохая. Одно из погребений было парным с потолочным перекрытием в виде каменной плоской плиты.

Могильник Эрдаохэцзы расположен на левом берегу р. Муданьцзян в месте впадения в нее р. Эрдаохэцзы. Всего зафиксировано 20 погребений. В 1983 г. исследовано 4 могилы. Могила 1 — каменный ящик с земляной насыпью, внутри найдены кости погребенного (фрагменты черепа и костей конечностей) со следами воздействия огня. Могила 2 — каменный ящик, в погребении зафиксированы фрагменты костей погребенного. Могила 3 — каменный ящик с земляной насыпью. Ориентация юг-север. Могила 4 — крупный каменный склеп с земляной насыпью с ориентацией

по линии запад-восток. В центральной части главная погребальная камера, по бокам от нее — две меньших размеров. В главной камере по центру западной стенки был сооружен вход. В камере найдены лишь фрагменты кости человека и зубы лошади.

Могильник Саньдаочжунсюэ располагался на левом берегу р. Муданьцзян, южнее места впадения в нее р. Саньдаохэ. Считается самым северным бохайским могильником. Могильник состоит из 10 погребений с южной ориентацией. Все погребения каменные: «лопатообразные» (с подквадратными и подпрямоугольными могильными камерами со входом по центру), «ножевидные» (подпрямоугольная могильная камера со входом смещенным к стенке). Пол в погребениях был выстлан серым или бурым кирпичом. Погребальный обряд представлен первичными и вторичными погребениями.

Погребальный обряд зафиксированный на выше перечисленных могильниках аналогичен тому, который фиксируется на бохайских могильниках с других участков их концентрации. На могильниках встречается как первичный, так и вторичный обряд погребения (в т. ч. с количеством погребенных больше 2). Можно сказать, что вторичный более частотный. Однако этот обряд характерен и для других бохайских могильников.

Расположение погребений на поверхности, как на могильнике Тоудаохэцзы, встречается в долине р. Раздольной — например, могила 1 в Дачэнцзы, могила 46 на Чернятино-5; в верховьях р. Муданьцзян — могила 1 (участок 1) в Людиншань; на могильнике Дунцин (могила 8). Не только по расположению на поверхности, но и схожее по погребальной конструкции погребение зафиксировано на Дачжунтунь (могила 2, раскопки 1962 г).

Погребальный инвентарь также характерен для бохайских могильников. Прямоугольная бляха из могилы 10 в Шичангоу встречается на могильниках Дунцин, Сишиган и т. д. Бохайские сосуды представлены вазовидным сосудом в могиле 114 в Тоудаохэцзы; ваза с высокой горловиной в могиле 201 в Тоудаохэцзы; за в могиле 4 в Эрдаохэцзы. В целом, керамические сосуды характерны скорее больше для племен сумо мохэ, чем хэйшуй мохэ (чья керамическая традиция хорошо изучена на найфельдской группе памятников в Приамурье).

Как уже говорилось в начале, рассмотренные могильники находились к северу от муданьцзянской крепостной стены. Эта стена, предположительно, строилась для защиты от племен хэйшуй мохэ. Однако могильники за пределами стены схожи с бохайскими могильниками с других территорий. Видимо, к моменту их

появления хэйшуй мохэ (во всяком случае те, кто не готов был покориться Бохаю) покинули эти территории (С. П. Нестеров датирует переселение хэйшуй мохэ в Приамурье в нач. VIII в.).

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметов В. В.** Некоторые особенности погребального обряда бохайцев (по материалам памятников долины р. Хайланьхэ, КНР) // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: СО РАН, 2023. С. 16–20.
- Пальхэый** кобун мунхва I (Хыкрёнгансон). Бохайские погребения I (Хэйлунцзян)). Квачхон: Чининджин, 2014. 481 с. (на кор. яз.).
- Стоякин М. А.** Бохайские городища на территории Китая и КНДР // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 170–181.
- Чжао Хунгуан.** Могильник Шичангоу в посёлке Хуалинь-Чжэнь городского округа Муданьцзян провинции Хэйлунцзян // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. №1. С. 22–37.

VLADIMIR V. AKHMETOV

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
akhmetovvladimir@yandex.ru

Some Features of Bohai Funeral Rite (Based on Materials of Sites of the Hailan River Valley, PRC)

Abstract: There are several Bohai burial grounds in the lower Mudanjiang River. The northern border of Bohai territory is located in this area. Seven burial grounds are known here. The Shichangou burial ground and the Toudaohezi group of burial grounds are the most studied among them. The funeral rite at the burial grounds in the lower Mudanjiang River is similar to that known from other Bohai burial grounds. Funeral objects are also typical for Bohai burial grounds.

Keywords: Bohai, Mudanjiang River, Shichangou, Toudaohezi, mohe.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА КОБЗЕВА

kobzeva75@internet.ru

АХМАДЖОН БОЙМАХАМАТОВИЧ ХАЛИКУЛОВ

a.kholikulov@nuu.uz

НОДИРАБЕГИМ АВАЗОВНА ВАИСОВА

vaisovanodirabegim86@gmail.com

*Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улужбека
Ташкент, Узбекистан*

Согдийцы на Шелковом пути

Аннотация: В статье раскрывается феномен «согдийской колонизации Шелкового пути», вызванной, как внутренними причинами (завоевание Трансоксианы эфталитами и тюрками), так и попытками установления контроля над торговыми трассами между тремя крупнейшими империями — Византийской, Сасанидским Ираном и Великим Тюркским кагаганатом. Анализируется роль согдийцев, как инфлюэнсэров Шелкового пути, их адаптивность после переселения в Китай, процессы их китаизации. Рассматриваются вопросы, связанные с развитием международной торговли, открытием новых торговых маршрутов с участием согдийцев. Показан синтез и симбиоз культур на Великом Шелковом пути в раннесредневековый период, выявлено влияние согдийского этноса на формирование различных видов и форм дипломатических и культурных связей.

Ключевые слова: Шелковый путь, раннее средневековье, Китай, эфталиты, тюрки, согдийцы, дипломатия, торговля, международные отношения, культура.

© О. П. Кобзева, А. Б. Халикулов, Н. А. Ваисова

Эпоха раннего средневековья (V–VIII вв. н. э.) становится переломным моментом в истории развития Шелкового пути и народов и государств Евразии. Именно в это время Китай окончательно перестает быть монополистом в производстве шелка и технологии его производства становятся известны в Иране, Византии Центральной Азии, ставшей в то время «плавильным котлом народов» — эфталитов, тюрков, иранцев. Последнее, в свою очередь,

способствовало усилению процесса «согдийской колонизации» Великого Шелкового пути и обострению противоречий в борьбе за приоритетную торговлю шелком в международном масштабе.

Важнейшую роль в развитии торговли и дипломатии на Шелковом пути сыграли согдийцы, которые являются древнейшим народом Средней Азии. Родина согдийцев — Согдиана и они сами упоминаются в «Авесте», Бехистунской надписи, трудах древнегреческих историков. Влияние согдийской культуры и их бытовой цивилизации ощущалось на всем евразийском пространстве от Индийского океана и Южно-Китайского моря до Северного Кавказа и Средиземного моря [Хансен, 2014].

Многие письменные источники, в частности, найденные М. А. Стейном в развалинах сторожевой башни Великой Китайской стены «старые согдийские письма» (II в. н. э.), документы с горы Муг, а также более поздние согдийские документы (VII–X вв.) свидетельствуют о согдийской колонизации Великого Шелкового пути и появлении согдийских факторий и согдийцев в Восточном Туркестане, Китае, Японии [Согдийские документы..., 1962].

Согдийцы упоминаются в китайских источниках II в. н. э, когда активизируются связи по Великому Шелковому пути и первые дипломатические контакты устанавливаются с Парфией и Римом, а согдийцы становятся посредниками в торговле между Китаем и этими государствами [Ртвеладзе, 1999].

Стремление контролировать торговлю на Шелковом пути (или, по крайней мере, на значительных его отрезках) для получения сверхприбылей, подвигло согдийцев начать переселение на Восток, вероятно, в I в. до н. э. [Чэнь Хайтао, Лю Хуйцнь, 2006].

Крупные согдийские колонии в Чаньани, Ланчжоу, Дуньхуане просуществовали несколько столетий до IX–X вв.

Выходцы из Самарканда (царства Кан), во главе со своим предводителем Кан-Яньтянем, в 627–644 гг. основали три укрепленных поселения вокруг соленого блуждающего озера Лобнор. Одно из них со временем стало «городом виноградников» — Путночэн, где согдийцы выращивали виноград, делали вино и изюм на продажу [Кобзева, 2013].

Изююань, Гуцзане, Хауяйна, Цзиньчэн, Чанбан (Хумдан) — вот лишь немногие из китайских городов в которых были согдийские общины имевшие постоянные связи с самаркандскими купцами, которые зачастую субсидировали сделки и представляли кредиты на покупку товаров для международной торговли.

Современные китайские исследователи отмечают, что различные владения (города-государства) Согда в древних китайских

источниках именовались «Девять фамилий Чжао У», то есть города — государства Кан, Ань, Ми, Хэ, Ши, Цао и т. д. [Ло Фэн, 1999]

В период с III по VIII век по различным причинам: торговля, деятельность на Шелковом пути, проповедование вероучений, смуты и войны в регионе — часть согдийского населения переселилась в Китай.

При династии Тан (618–907 гг.) это движение достигло грандиозных масштабов, и его можно охарактеризовать, как Великую согдийскую колонизацию Шелкового пути. Согдийские диаспоры в некоторых городах Китая, например Дуньхуане достигали более 1000 человек [Ахметшин, 2002].

Переселившиеся согдийцы и их потомки активно участвовали в политической, дипломатической экономической и культурной жизни династии Тан и оказывали большое влияние на развитие китайской культуры.

Научно-исследовательские работы, проводимые китайскими археологами с 80-х гг. XX в. в провинциях Шаньси, Ганьсу и Нинся выявили богатые следы согдийской культуры.

Важнейшими среди них являются согдийские родовые кладбища в средней и южной части Нинся-хуэского района — места, где уже со времен династии Северной Вэй (385–534 гг.) массово жили согдийцы.

Во времена династии Тан по приказу правительства было создано шесть специальных округов, для переселения в них согдийцев, а также тюрок, сдавшихся в плен династии Тан.

Так, в городе Гуюне (провинция Нинся) обнаружено массовое захоронение согдийцев по фамилии Ши, Кан, Нэ (VI–VII вв.) [Чжао Сяоцзя, 2015]. Город Гуюань, основанный в 114 г. до н. э. в древности именовался Даюань. Расположившись на главной трассе Великого Шелкового пути он сыграл большую роль в культурном обмене между Западом и Востоком.

В богатых захоронениях согдийцев, Гуюаня обнаружены склепы, коридоры, каменные ложа, настенные рисунки и подробные эпитафиями. Судя по ним согдийские представители прибыли в Гуюань между III–V вв. н. э. из Шахрисабза.

Эпитафии также рассказывают о роде деятельности согдийцев и их продвижении по карьерной лестнице в Китае. Так, если родоначальники семей были купцами и торговцами, то среди представителей следующего поколения видим: «выдающегося полководца, участвовавшего во многих сражениях», «чиновника, управлявшего конным двором», и переводчика в центральном правительстве, «начальника округа Гуочжоу» (провинция Хэнам).

В материалах эпитафий представлена богатая информация о семейной генеалогии, профессиях, брачных контрактах, процессе китаизации. Последний, в частности, выражался в том, что со временем, среди переселившихся согдийцев увеличился процесс браков с китайцами. Также происходит китаизация согдийских имен.

Согдийские проповедники и миссионеры принесли в Китай, в том числе, знания о несторианстве и манихействе. Распространился и зороастризм, который в китайских письменных источниках назывался «религия Небес». Первые согдийские храмы огня — «Сянь-цы» появились в китайских городах Восточного Туркестана, что соответствует логистике переселения согдийцев в восточном направлении. В столице империи Тан Чаньане, такой храм был возведен в 627 г., затем подобные храмы были построены в Лояне, Кайфане и других городах, где компактно проживали согдийцы.

Согдийцы способствовали распространению в Китае элементов музыкальной и танцевальной культуры среднеазиатских народов. Так, при дворе династии Тан (VII–VIII вв.) появились такие новые для Китая музыкальные инструменты, как: сиринкс, лютня, арфа, поперечная флейта. Переселившиеся из Бухары, Самарканда, Чача (Ташкент), Кобадияна, Кумеда, Маймурга, Хутталаяна согдийцы были талантливыми артистами, музыкантами, танцорами [Буряков, Грицина, 2006].

Учитывая тот факт, что основными занятиями согдийцев у себя на родине были земледелие, ремесло и торговля, закономерно, что и в Китае они распространили некоторые сельскохозяйственные культуры (фисташки, гранат, грецкий орех, лекарственные травы и сборы) и особенности их возделывания (виноград). В Таншу упоминается, что в первой половине VIII в Китай из Центральной Азии привозили 200 разновидностей лекарственных растений и стеклянные сосуды зеленого и красного цвета. Скорее всего, это были специальные сосуды для хранения жидких снадобий, производившиеся в Чаче, Илаке, Самарканде [Ртвеладзе, 2008].

Важную роль согдийские купцы и согдийские фактории на Великом Шелковом пути играли и в поставках сырья, в частности: агата, бирюзы, сердолика, лазурита, серебра и золота, которые добывались в рудниках Чача, Бадахшана, Тохаристана.

На наш взгляд, роль согдийцев в экономическом и культурном взаимодействии народов Евразии в эпоху раннего средневековья до конца еще не изучена.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметшин Н. Х.** Тайны Шелкового пути. Записки историка и путешественника. М.: Вече, 2002. С. 223–226.
- Буряков Ю. Ф., Грицина А.** Мавераннахр на Великом Шелковом пути. Бишкек–Самарканд, 2006 С. 13–14.
- Кобзева О. П., Джалилов О. З.** Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специи и чай. Монография. Т.: Университет, 2013. 140 с.
- Ло Фэн.** Великий Шелковый путь и древние захоронения в Гуюане Северных династий и династий Суй и Тан // Вестник Гуюаньского педагогического института. Гуюань, 1999. № 5. (на кит. яз.).
- Ртвеладзе Э. В.** Великий Шелковый путь. Т., 1999. С. 144.
- Ртвеладзе Э. В.** Цивилизации, государства культуры Центральной Азии. Т., 2008. С. 250.
- Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. II. 224 с.
- Хансен В.** Великий Шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай–Согдиана–Персия–Левант. М., 2014. 477 с.
- Чжао Сяоцзя.** О памятниках согдийцев — эмигрантов по фамилии Ши 6–7 веков в Китайском Гуюане // Актуальные проблемы Центральной Азии и Кавказа. М.: Социум, 2015. С. 133–139.
- Чэнь Хайтао, Лю Хуйцин.** Народ из перекрестка цивилизаций — исследование о согдийцах — эмигрантах в Китае династии Тан. Пекин, 2006 (на кит. яз.).

OLGA P. KOBZEVA

kobzeva75@internet.ru

AHMAD B. KHOLIKULOV

a.kholikulov@nuu.uz

NODIRABEGIM A. VAISOVA

vaisovanodirabegim86@gmail.com

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek
Tashkent, Uzbekistan

Sogdians on the Silk Road

Abstract: The article reveals the phenomenon of “Sogdian colonization of the Silk Road”, caused both by internal reasons (the conquest of Transoxiana by the Hephthalites and Turks), and by attempts to establish control over trade routes between the three largest empires — the Byzantine, Sasanian Iran and the Great Turkic Khaganate. The role of Sogdians as influencers of the Silk Road, their adaptability

after resettlement to China, and the processes of their sinicization are analyzed. Issues related to the development of international trade and the opening of new trade routes with the participation of Sogdians are considered. The synthesis and symbiosis of cultures on the Great Silk Road in the early medieval period is shown, the influence of the Sogdian ethnic group on the formation of various types and forms of diplomatic and cultural ties is revealed.

Keywords: Silk road, early Middle Ages, China, Hephthalites, Turks, Sogdians, diplomacy, trade, international relations, culture.

ФУРКАТ ЭШБОЕВИЧ ТОШБОЕВ

Джизакский государственный педагогический университет

Джизак, Узбекистан

furqat7312@mail.ru

К религиозным верованиям скотоводов древней Уструшаны

Аннотация: В данной статье автор рассказывает о религиозных представлениях и мифологии скотоводческих племен. Первые искры религиозных воззрений начались с поклонения людей солнцу. Одним из наиболее распространенных символов в изученных наскальных рисунках является символ солнца. Мифология уструшанских скотоводов, мистическое или магическое содержание их религиозных воззрений соответствует «скифо-сибирскому» методу. У кочевников была сильна традиция различных тотемистических воззрений и веры в духов предков.

Ключевые слова: горная коза, повозка, солярный предмет, кремация, Чирикрабод, скифо-сибирский метод, образ коня, скифское искусство, синий дух (бог), шаманизм, Орхун-Энасой, тотем волка, Калай Кахкаха I, Каракиясой, Юкорисой.

© Ф. Э. Тошбоев

Изучение истории скотоводов Уструшаны по материалам курганов помогает в определенной степени восстановить некоторые архаические этапы развития мировоззрения и верований людей древности. По имеющимся источникам можно сказать, что особые культы, такие как деревья, горы, камни, животные, источники воды, которые росли отдельно в первобытный период, становились непременно поклонением племен в любую эпоху. Культы обожествляются отдельно и почитаются как защитники человеческой судьбы, здоровья, плодородия и несчастий. Огонь, костер, кости животных, различные предметы, перья птиц и т. д., использующиеся в качестве поклонения, освящались на основании верования в то, что в них обитают духи [Богомолов, 2021, с. 83]. Подобные традиции восходят к самому древнему обществу в истории человечества.

Одним из наиболее распространенных символов, встречающихся на наскальных рисунках, найденных в оазисе, является солнца. Помимо самого солнца, это рог дикий горный козьи, олень, баран, быка и колеса телеги. На наскальных рисунках искусно изображены такие дикие животные, как быки, первобытные коровы, горные козлы, архар, джейраны, сайгаки, олени, дикие лошади и хищники. На основании этого можно сказать, что в мифологии уструшанских скотоводов объект солнца и его культы был доминирующим.

По мнению М. Д. Хлобыстина, скрытая фигура в центре облика быка изображает женщину, олицетворяющую тотемную жену быка — с пышными волосами и корой. Его рога, уши и часто ноздри играли важную роль в придании быку образа солнца. Рог быка в основном олицетворял солнце [Хлобыстина, 1971, с. 75]. Среди них изображения быка представляли тотемистические представления, связанные с происхождением племени, и символы с поклонением солнцу. Представления, связанные с поклонением солнцу, также хорошо представлены в поклонении горам, символу огня, созданию огня в могиле, сжиганию умершего и других формах.

Хорошо изучена мифология кочевых сообществ, мистическое или магическое содержание их религиозных воззрений, «скифосибирский» метод создания изображений домашних и диких (хищных) животных в их изобразительном искусстве. В скифском изобразительном искусстве широко распространена резьба по дереву и кости различных мотивов — лошадей, овец, быков, оленей, волков, драконов, диких птиц [Ильинская, 1965, с. 87–107]. По мнению И. В. Пьянкова, главным божеством сакских племен было солнце, которое олицетворяло коня и огонь. Верх погребальных сооружений имеет форму круга или большая часть окружена камнями, костры окружены крупными камнями, жертвенные столы, котлы и светильники изображают солнце под небом [Пьянков, 2013, с. 514]. По мнению С. И. Руденко, образ коня занимает особое место в композиции скифского искусства и формализации всех его мотивов. Эта традиция характеризуется формированием коневодства у ранних скифов с тем, что он играл главную роль в хозяйстве [Руденко, 1949, с. 85]. Кроме того, в прикладном искусстве древних кочевников, со времен ранних скифов и до средневековья, продолжались дикие лошади, быки, бараны, верблюды, олени, волки, драконы и дикие птицы, колесницы, охотничий пейзаж и др. традиционным способом.

Поклонение духам предков имело значение в религиозном мировоззрении древних народов, проживавших на территории Средней Азии. В китайской летописи «Вэйшчу» показаны несколько

верований, свойственных религии тюрков [Сагдуллаев, 1999, с. 41]. В период Тюркского каганата подчеркивается, что главным покровителем рода Ашина как верховного божества является бог Тенгри. Это послужило основой для широкого распространения среди народов религии «Тангризм». Французский тюрколог Жан-Поль Ру на основании сочинений и работ Орхун-Энася, посвященных его анализу, признал, что «тангризм» — это своеобразная религия кочевников, воплощающая в себе элементы анимизма, тотемизма, шаманизма и язычества [Roux, 1956, pp. 206–207]. В начале Культегинской надписи: «Когда Синий Бог (то есть небо) был создан вверху, а черная земля внизу, между ними были созданы человеческие дети». В этом месте Бог — это не материальное небо, которое мы видим сейчас, а дух небес.

Тотем волка — одно из самых распространенных религиозных представлений у тюркских народов. Большое значение в связи легенд о происхождении народов Центральной Азии с волком имел и культ повелителя природы. Хороший образец орнамента с волком сохранился в памятнике Калаи Кахкаха I. Среди образцов искусства, найденных примерно в двадцати комнатах, исследованных в этом дворце, — композиция из шестиметровых фресок на западной стене центрального коридора. В пятой сцене изображена волчица, кормящая двоих детенышей [Воронина, Негматов, 1976, с. 241–246]. Несомненно, этот образ связан с легендами о происхождении тюркских племен.

В связи с этим одним из наиболее распространенных религиозных верований у тюркских народов был шаманизм, смешанный с анимизмом и тотемизмом. Эту шаманскую особенность религии древних кочевников изучали В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. В наскальных рисунках Сузмойлоты и Юкорисая головные уборы некоторых людей выполнены в виде остроконечных концов и ушей. Эти головные уборы аналогичны остроконечному шапку или шлему, который носило древнее сакское племя Средней Азии и соседних областей. Изображения таких людей можно встретить в Сармишсае, Каракиясое, Ташкургансое, Чорбогсое, Илонбулоксое, Кудукчасое и других наскальных изображениях на горе Нурата [Холматов, Хужаназаров, 2020, б. 16–17]. Среди наскальных рисунков Сойболо люди искусно изображены в образе шамана или в композиционном пейзаже, изображающем сцену религиозной церемонии. В ней человек, изображенный в образе шамана древним художником в полный рост, в головном уборе, с маской, закрывающей рот, широкими плечами и сужающейся к талии, носящей что-то вокруг талии, слева он что-то держит

в руке. Ноги у него длинные, колени слегка согнуты, пальцы ног повернуты. Также в правом нижнем углу этого камня изображены два человека, стоящие лицом друг к другу, и они искусно изображены в состоянии гармонии с танцевальными процессами, совершаемыми во время совершения некоторых религиозных действий.

В раннем средневековье были широко распространены различные местные культы, в частности, культ духов предков, смерти и воскресения природы, зороастризм, буддизм, монизм, христианство [Кармышева, 1986, с. 139]. Всего на стенах дворца Калай Каххаха в арке Бунджикат, столице Уструшаны, изображено 5 сцен. Они включают изображения трехголового и четырехрукавого божества, царя в форме полумесяца, восседающего на богато украшенном золотом троне, трехглазого демона в различных формах. На восточной стене справа налево вырезаны такие звери, как лев, крылатое существо и дракон. Сведения о религиозных верованиях и представлениях жителей древней Уструшаны подробно изложены в письменных источниках, а специальных письменных памятников, связанных с решением этих исторических вопросов, нет [Негматов, 1973, с. 188–189]. Тем не менее, китайские хроники содержат сведения о «духе Деси», «Синем боге» и пещере, священном огне и идолопоклоннике, обосновавшихся в Уструшане в раннем средневековье.

Таким образом, до внедрения ислама среди населения Древней Уструшаны наряду с тотемистическими культами, связанными с предками и явлениями природы, были широко распространены различные религии, оказывавшие свое влияние на духовную и религиозную жизнь населения. Среди них упоминаются религиозные обряды кочевников, такие как поклонение солнцу, духам предков, синему духу (богу), принадлежащему всему народу, поклонение горам и водным источникам (рекам и озерам). Были популярны анимистические и тотемистические воззрения, связанные с поклонением призракам героических предков, обожевлением природы, шаманские верования, смешанные с анимизмом и тотемизмом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А., Ташпулатова Н.** Символика огня в погребальной практике в сапаллинской культуры (по материалам исследование могильника Бустан VI) // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 29–32.
- Богомоллов Г. И.** Элементы домусульманских верований в Согде и Шаше в эпоху средневековья // ИМКУ. вып. 41. Самарканд, 2021. С. 83.

- Воронина В. Л., Негматов Н. Н.** Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны (Шахристан) // СА. Вып. 1. М., 1976. С. 241–246.
- Ильинская В. А.** Некоторые мотивы раннескифского «звериного» стиля // СА. Вып. 1. М., 1965. С. 87–107.
- Кармышева Б. Х.** Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии / Отв. ред. В. Н. Басилов. М.: Наука. 1986. С. 139.
- Мелиоранский П. М.** Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 6. 1898. С. 268–269.
- Негматов Н. Н.** О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщения) // СА. Вып. 3. М., 1973. С. 188–189,.
- Пьянков И. В.** Средняя Азия и Евразийская степь в древности. Петербургское лингвистическое общество. СПб, 2013. С. 514.
- Руденко С. И., Руденко Н. М.** Искусство скифов Алтая. М., 1949. С. 85.
- Сагдуллаев А. С.** Ўзбекистон тарихи. Тошкент: Университет, 1999. Б. 41.
- Хлобыстина М. Д.** Культурная символика петроглифических рисунков в культуру ранней бронзы Южного Сибири // СА. Вып. 1. М., 1971. С. 75.
- Холматов А. Н., Хўжаназаров М.** Жиззах воҳаси янги қоятош расмлари // Жиззах воҳаси Марказий Осиё цивилизацияси тизимида (Қадимги даврдан ҳозирги кунгача). Жиззах, 2020. Б. 16–20.
- Roux Jean-Paul.** Tängri (Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques) (3-қисм) // *Revue de l'histoire des religions*. Vol. 150/2. 1956. Pp. 206–207.

FURKAT E. TOSHBOEV

Jizzakh State Pedagogical University
Jizzakh, Uzbekistan
furqat7312@mail.ru

The Religious Beliefs of the Pastoralists of Ancient Ustrushana

Abstract: In this article, the author talks about the religious ideas and mythology of cattle-breeding tribes. The first sparks of religious beliefs began with people worshipping the sun. One of the most common symbols in the studied rock paintings is the symbol of the sun. The mythology of the Ustrusha cattle breeders, the mystical or magical content of their religious views corresponds to the “Scythian-Siberian” method. The nomads had a strong tradition of various totemistic views and faith in the spirits of ancestors.

Keywords: mountain goat, carriage, solar object, cremation, Chirikrabad, Scythian-Siberian method, image horse, Scythian art, Chinese spirit (garden), shamanism, Orhun-Enasoy, totem volka, Kalay Kakhkaxha I, Karakiyasoy, Yukorisoy.

НАРГИЗА ИКРАМОВНА КАРИМОВА

Джизакский государственный педагогический университет

Джизак, Узбекистан

nargiz_82_88@mail.ru

История торговли бакалейными товарами на Великом Шелковом Пути в эпоху древности

Аннотация: По изученным материалам, видно что, для распространения культуры специй и пряностей важную роль играла в Центральной Азии богарная и ирригационная система земледелия. К примеру, в Бактрии земледелие было основано на искусственном орошении, выращивали виноград (использовали его в качестве специй для мясных блюд), разные хлебные злаки, пряности.

Ключевые слова: торговля, экономическая и культурная жизнь, религия, Авесто, специи, пряности, богарная и ирригационное земледелие, Бактрия, Согд, шафран, кунжут, хлебные злаки.

© Н. И. Каримова

В древности Согд занимал территорию долины Зарафшана, Бухары, Самарканда и Кашкадарьи. Плодородные земли Согда орошались реками Амударьи и Зарафшана. Растительная культура Согда распространялась на основе искусственного орошения. В распространении разных земледельческих культур на территории Согда значительную роль играли несколько факторов: благоприятные климатические условия, высокое развитие ремесла и земледелия, удобное расположение торговых путей, соседство с кочевыми племенами. Отмеченные факторы положительно повлияли на распространение специй и пряностей по всей Центральной Азии и за её пределами. Удобное расположение Согда на перекрестке Великого Шёлкового пути послужило главным фактором распространения специй и пряностей и размножению их видов на Великом Шёлковом пути.

Важно отметить, что первыми в распространение специй — перец черный, а из пряностей к примеру; куркумы, мускатного ореха, кардамона, корицы, внесли большой вклад народы Индии и жители Вавилона, которые способствовали распространению специй и пряностей, такие как; шафран, кунжут, чеснок, лук, тимьян, тмин, фенхель и др.

Согдийцы, с древних времен выращивали растение испарак [Мирбабаев, 2015, с. 9], изготавливали из этого растения лекарства, получали желтый краситель. Также в честь пряности, назван один из регионов Ходжента, Испаракон [Емельяненко, 2011, с. 8], что свидетельствует о высоком развитии и культивировании этого растения на этих территориях, развития ремесла и торговли [Емельяненко, 2011, с. 22].

История распространения специй и пряностей тесно связана с развитием торговли. Найденные монеты в Дальверзин-тепе, Южной Бактрии, в Ташкургане, Согде, Тепаи-шах и Термезе, в свидетельствуют о том что бурная торговля которая велась на этих территориях не могла не повлиять на распространение специй и пряностей в Центральной Азии и за её пределами.

Есть данные о том, что бактрийские купцы проникали в пределы Римской империи, в частности в один из крупнейших торговых центров — Александрию в Египте, с другой стороны — римские купцы приезжали в Центральную Азию. Также приводятся сведения, что в Бактрии выращивали много винограда и разные злаки [Квинт Курций Руф, т. 7].

В Центральной Азии имеются, причем довольно многочисленные, находки римских изделий, а также римских монет — всё это ясно документирует глубину и размах римско-среднеазиатских связей. Из Центральной Азии в Древний Рим поступали специи и пряности высоко ценившиеся там.

Велась торговля и с Китаем. Через Центральную Азию пролегал «шёлковый путь», по которому следовали на запад караваны с шёлком.

В древности Индия и Европа производила торговлю специями и пряностями по реке Амударья до открытия пути через мыс Доброй Надежды [Материалы по вопросу, 1869. т. 6]. Несмотря, на изменения торговых маршрутов специй и пряностей Амударья продолжала оставаться главным портом и складочным пунктом Центральной Азии и продолжала вести торговые отношения с соседними странами, так как главный транзитный путь специй и пряностей проходили через реку Амударья.

Из источников выявлено, что развитие земледельческой цивилизации в Центральной Азии (по берегам Сырдарьи, Амударьи, Зарафшана) способствовало распространению разных видов специй и пряностей. Эти территории были связаны в древности с Передней Азией откуда пришли многие культурные пряности такие как: горчица (сарепская), конопля, лён и др.

Центральная Азия (территории древней Бактрии) с древних времен специализировалась на выращивании следующих пряностей: шафран, марена, хна, смолы, камеди, люцерна, кунжут, клещевина, виноград, сафлор, индау и опиный мак (терьяк), табака и др. [Вся Средняя Азия, 1926, с. 132].

С древних времён Памир был богат растительностью. Гора расположена на Южной части Ферганской долины и граничит с Китаем и Афганистаном. Флора Памира богата пряными растениями. Некоторые виды пряных трав имеют родство с флорой Юго-Восточной Персии и Тибетом. Как сообщал, венецианский путешественник Марко Поло, что Памир был богат разнообразной злаковой растительностью, которые произрастали на лугах долины Памира.

При изучении распространения специй и пряностей в древности ценные сведения были получены нами из Китайских источников. Основным Китайским источником является записки известного путешественника Чжан Цзяня посетившего Центральную Азию 136–115 года до нашей эры. Цель путешествия в Центральную Азию была налаживание Шёлкового пути и установление дипломатических отношений с Западными государствами. Миссия Чжан Цзяня состояла в том, что бы найти союзников в борьбе с гуннами. В связи с этим он посетил Семиречье, Давань (Ферганская долина), Согд, Хорезм, Бактрию и др. территории Центральной Азии.

По свидетельству Чжан Цзяня, из Давани китайские посланники в первые, начали вывозить семена мусу [Умрзаков, 2021, с. 35] и виноград. Это доказывает, что на этих территориях активно развивалась международная торговля пряностями и специями, которая способствовала развитию сельского хозяйства, экономики и культуры древней Ферганы.

В императорских документах Китая, в сочинениях Конфуция, описываются целебные свойства корицы и использование её в кулинарии и медицине [Кобзева, 2013, с. 153].

Исследования проведенные ботаниками, доказывают, что в античное время выращивались пряности кунжут и другие зерновые культуры. Собирали большой урожай винограда, абрикосов, персиков, дыни и тутовника. Изготавливали из этих фруктов

шинни¹, мусаллас² и другие специи. Исследование доказывают, специю бекмес³ употребляли в качестве сладкого напитка и лекарств, добавляли в разные блюда и использовали его как вкусовую добавку для кондитерских изделий. В основном шинни получали из разных сортов винограда; баян, сояки, ширей, буваки и также из дыни, персиков и урюка, которые были широко распространены в горных и предгорных регионах Центральной Азии в период античности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вся Средняя Азия: Справ. кн. на 1926 хоз. год: С прил. схемат. карты Сред. Азии. Ташкент: Сред.-Азиат. отд-ние Рос.-вост. торг. палаты, 1926. 743 с.
- Емельяненко Т. Г.** Искусство вышивки у таджиков // Таджики: история, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 320–341.
- Квинт Курций Руф.** История Александра Македонского. М.: Издательство МГУ, 1993. 464 с.
- Кобзева О. П., Джалилов О. З.** Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специи и чай. Ташкент: НУУз им. Мирзо Улугбека, 2013. 137 с.
- Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1869. 74 с.
- Мирбабаев А. К.** Топонимы Ходжента и его пригородов // Ученые записки ХГУ им. акад. Б. Гафурова: Серия гуманитарных наук. 2015. № 1(42). С. 5–13.
- Умурзаков Садыбас.** Географическая изученность Кыргызстана до Середины XIX вв. Бишкек: Университет Центральной Азии, 2021. 180 с.

¹ Патока — сладкий сгущенный сироп приготовленный из фруктов.

² Полусладкое, столовое вино, полученное из виноградного сорта Саперави (древний грузинский сорт винограда).

³ История происхождения: 5–7 тысяч лет назад в Средней Азии, Закавказье, Месопотамии и Египте процветали первые центры виноградарства. Среди способов переработки винограда появились виноделие и изготовление сладких безалкогольных напитков из винограда. Вероятно, первый бекмес получился у нерадивой персидской хозяйки, которая оставила выпаренный сок на солнце и забыла о нём. Именно так получился солнечный бекмес.

NARGIZA I. KARIMOVA

Jizzakh State Pedagogical University
Jizzakh, Uzbekistan
nargiz_82_88@mail.ru

The History of the Trade in Grocery on the Silk Road in Antiquity

Abstract: According to the studied material, it is clear that for the spread of the culture of spices and condiments in Central Asia the main role was played by the cultivation of the rain-fed and irrigation system. For example, in Bactria agriculture was based on agricultural irrigation, cultivated grapes (used as spices for meat dishes), various cereals, condiments.

Keywords: trade, economic and cultural life, religion, Avesto, spices, condiments, bogar and irrigation agriculture, Bactria, Sogd, saffron, sesame, cereals.

УДК 632.937

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-11

HA SUMIN

Korea National University of Heritage
Buyeo, Republic of Korea
sumincense@naver.com

Usage of Fragrances in Agriculture: Insights from “Gyuhap Chongseo”, “Sangarak”

Abstract: “Gyuhap Chongseo”, compiled by Yi Bingheogak in 1809, is an encyclopedia of household management by a Joseon dynasty noblewoman. This study explores the use of fragrances in agriculture, particularly in the “Sangarak” section. It reveals how fragrances were employed for rituals, medicine, insect repellent, and deodorization. Yi Bingheogak’s work reflects the practical application of traditional knowledge, emphasizing women’s active roles in managing household and agricultural practices.

Keywords: Fragrance, ritual, Gyuhap Chongseo, Yi Bingheogak, Sangarak, Joseon Dynasty.

© Ha Sumin

Introduction

Gyuhap Chongseo (閨閣叢書), compiled by Yi Bingheogak (李憑虛閣, 1759–1824) in 1809, is an encyclopedia of household management and the only classified book written by a woman in the Joseon dynasty. It is organized into five sections: *Jusa-ui* (酒食議), *Bongimcheuk* (縫紉則), *Sangarak* (山家樂), *Cheongnanggyeol* (青囊訣), and *Sulsurak* (術數略). The book offers insights into the lifestyle and culture of noblewomen of the time. The fact that *Gyuhap Chongseo* continued to be copied and passed down until the 20th century suggests that its contents resonated with many people. Compiled during a period of cultural exchange and practical study influences, *Gyuhap Chongseo* provides traditional knowledge on daily life, food, clothing, agriculture, medicine, and folklore from a female perspective.

Research on agricultural knowledge in *Gyuhap Chongseo* has been limited, with previous studies focusing on literature, bibliography,

home economics, food, and clothing culture. This study aims to examine the use of fragrances in agriculture during the late Joseon period, particularly in the *Sangarak* section, to understand how noblewomen applied fragrances in agriculture and consider the implications of these practices.

Main Discussion

Gyuhap Chongseo, compiled by Yi Bingheogak in 1809, was recognized for its value even during her lifetime, as noted by her brother-in-law Seo Yugu. This early recognition suggests the book met the needs of its intended audience [Park, 2000, pp. 289–290]. Yi Bingheogak organized the knowledge necessary for managing a household, with extensive information about fragrances. The *Bongimcheuk* section, focused on sewing, weaving, and cosmetics, features many examples of fragrance use, indicating that women of the time needed to be knowledgeable about their manufacture and applications.

In traditional times, fragrances were used in rituals, medicine, insect repellent, and deodorization. By examining the types and uses of fragrances in the *Sangarak* section, we can understand how late Joseon noblewomen perceived and applied fragrances in agriculture. *Sangarak* deals with agricultural knowledge, focusing on fruits, flowers, and field crops, and provides examples of using fragrances in farming practices during the Joseon dynasty.

The Things all Flowers and Fruits Dislike

The one thing that all flowers and fruits dislike is musk. Therefore, do not wear musk when entering an orchard. “It is said that the stems will fall off”. If you plant green onions, garlic, or chives nearby, they will not be harmed even if they encounter musk. However, if they do get damaged by musk, burn a mixture of mugwort and orpiment powder, and they will return to their original state...

Musk, known for its elegant fragrance, was a rare and highly valued material. It was believed that musk could harm flowers and fruits, causing their stems to fall off. To prevent this, it was suggested to plant aromatic vegetables like green onions, garlic, or chives nearby. If damage occurred, burning a mixture of mugwort and orpiment powder was recommended. This practice, also found in the *Sanlim Gyeongje* (山林經濟), which cites the Yuan dynasty’s *Gejapilyong* (居家必用) and the Ming

dynasty’s *Shenyinji* (神隱志), was transmitted to Joseon and recorded in both the *Sanlim Gyeongje* and *Gyuhap Chongseo*.

Method for Harvesting Honey (割蜜法)

After the chives blossom, honey will be produced, so if you tap the container and it sounds clear and empty, it means the honey is not full. If it sounds dull, it means the honey is full. Lightly smoke with mugwort to make the bees fly away. Chewing mint leaves and applying them to the face and hands will prevent bee stings. ... If ants get into the hive, it will harm the bees, so spread hot ash under the hive and surround the four sides with straw to prevent the bees from falling and getting hurt — “*Sanlim Gyeongje*”.

The method for harvesting honey includes suggestions for avoiding bee stings by smoking with mugwort and chewing or applying mint leaves. The smoke drives the bees out of the hive, and chewing or applying mint leaves prevents stings. To prevent ants from entering the hive, hot ash, likely from burning mugwort, should be spread underneath.

The *Sangarak* section deals primarily with using fragrances to repel insects in agricultural practices. Musk was believed to harm fruits and flowers, advising against wearing it in fields. This reflects the cultural practice of using musk as a personal fragrance. Various methods, such as planting aromatic herbs or using mugwort and orpiment powder, were suggested to mitigate damage caused by musk. Yi Bingheogak had a practical understanding of the use of fragrances, viewing them as tools for managing agriculture rather than mere objects of pleasure.

Yi Bingheogak understood the impact of fragrances on plants and sought ways to protect and manage crops. Her practical and realistic approach to fragrances reflects her pragmatic perspective. As a noblewoman, she compiled agricultural knowledge in a manual intended for women, showing an interest in women’s knowledge and scholarship, and a desire to improve quality of life through practical knowledge. This demonstrates that women in the Joseon dynasty sought to actively contribute through knowledge and practical activities beyond passive roles in society and family.

Gyuhap Chongseo is based on evidential studies, with the author citing references to lend authority and credibility to her arguments [Kim, 2018, p. 10]. In *Sangarak*, Yi Bingheogak quoted *Sanlim Gyeongje*, which itself cited earlier Chinese texts, indirectly presenting her own opinions through these references.

Conclusion

Yi Bingheogak aimed to include practical and helpful content for women's household management in her writings. She organized the content according to the use of fragrances in various cases, focusing on their applications based on intended purposes. *Gyuhap Chongseo* is a compendium of essential household knowledge compiled for running a household. Yi Bingheogak viewed fragrances as necessary tools for managing agriculture, not mere objects of enjoyment. Her compilation of a manual for women running households demonstrates her emphasis on practicality and realistic scholarship. Through *Gyuhap Chongseo*, she aimed to enhance women's cultural refinement and encourage active participation in knowledge and practical activities beyond passive roles in society and family.

REFERENCES

- Kim Seseoria.** Inquiry of Feminist Philosophical on Late Chosun Dynasty Women's Citation Style of Confucian Classical Canon: Focus on the Lee Sajudang (李師朱堂)'s Taekyosongi (胎教新記) and Lee Bingheogak (李憑虛閣)'s Kyuhabchongseo (閨閣叢書). In: Korean Feminist Philosophy, 2018. Vol. 30. Pp. 93-124.
- Park OkJu.** The Literary Study on Pinghugak's (憑虛閣) Kyuhapchongseo (閨閣叢書). In: Korean Classical Woman Literature Studies, 2000. No. 1. Pp. 271-305.
- Yi Bingheogak.** Chung Yangwan translated and noted, *Gyuhap Chongseo*, (Bojuinjae, 2008).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Новая и новейшая история

Владимир Григорьевич Дацышен

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

dazishen@mail.ru

Столица Синьцзяна Урумчи в русско-китайских отношениях во второй половине XIX века

Аннотация: Синьцзян-Уйгурский автономный район играет важную роль в системе русско-китайских отношений. Современные отношения между двумя странами и народами опираются на богатый исторический опыт. Синьцзян, с первых дней появления такой административной единицы в составе Китайской империи, стал пограничным с Россией регионом. Особенно сложным и насыщенным событиями здесь стала эпоха второй половины XIX — первой половины XX вв., при этом период конца XIX — начала XX вв. отличался относительной стабильностью в отношениях между двумя странами в этом регионе. В центре внимания исследователей истории русско-китайских отношений в Синьцзяне были приграничные округа в западной части региона. Однако административным центром Синьцзяна был город Урумчи, и вопросы места и роли этого города в системе русско-китайских отношений являются важными и актуальными.

Ключевые слова: Синьцзян, Урумчи, русско-китайские отношения.

© В. Г. Дацышен

Наместничество «Тяньшань наньбэй лянлу» или Синьцзян в Цинской империи было создано в 1760 г. Главным начальником в Синьцзяне формально стал Илийский цзянцзюнь, однако дутун с резиденцией в Урумчи имел одинаковый с цзянцзюнем чиновничий ранг и вскоре стал играть главную роль в управлении регионом. В результате антицинского восстания мусульман Пекин на некоторое время утратил контроль над регионом, в том числе и над Урумчи, в 1874 г. руководство операцией по подавлению мусульманского восстания в Джунгарии и Кашгарии было возложено на урумчийского дутуна Цзин Ляня. В 1884 г. была образована

провинция Синьцзян, во главе провинции сюньфу (губернатор), реальная и формальная власть которого сделали Урумчи окончательно административным центром всего региона. С этого времени именно Синьцзян окончательно стал столицей Синьцзяна, не случайно Синьхайская революция началась в Синьцзяне с восстания в Урумчи 15 декабря 1911 г.

Урумчи представлял интерес для России и русских в XIX в. и как крупный экономический центр, и как административно-политический центр. И это не зависело от реальной власти и политической ситуации в регионе. Например, в «журнале о политических и военных событиях на границе Семиреченской области с Западным Китаем с 1 января по 1 августа 1869 года» был приведен такой случай: «Семипалатинские торговцы, отправлявшиеся в прошлом году с товарами в Урумчи и Манасы, воротились благополучно в начале настоящего года, выменяв на товары свои, чай, но барышей не выручили, а напротив понесли убытку до 18 тыс. руб., в Урумчи два сарта: ташкенец Нурмахомед и наманганец Испатул донесли на них Хозрету, что между ними есть русские шпионы, вследствие чего торговцы наши вынуждены были откупаться от сделанного на них извета, что бы не было им худо. Притом и торговля была плохая, Дунганы брали товары больше в долг и туго разделявались. Торговцы вообще отзываются, что торговля в Урумчи не безопасна...»¹.

После восстановления власти Цинского Китая над Синьцзяном для России актуальным был вопрос о перспективах сохранения и укрепления китайской власти в регионе. Например, одной из целей планируемой, но не осуществленной экспедиции через весь Китай с посещением Урумчи редактора «Туркестанских ведомостей» Н. А. Мамаева в 1876 г. была: «4. Решить. Насколько будет возможно, вопрос о том, имеет ли будущность китайское владычество в Западном Китае» [Петровский, 2010, с. 303].

В дальнейшем было организовано множество российских экспедиций в Синьцзян, в том числе и с посещением и изучением Урумчи. Центрально-Азиатская экспедиция 1889–1890 гг. стала самой большой в научной карьере известного исследователя Восточной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло. Но власти Урумчи отказались принять русских путешественников, Г. Е. Грум-Гржимайло писал: «Синь-цзянский губернатор (сюнь-фу) Ли-цзинь-тан был в отсутствии. Его обязанности исправлял председатель казенной

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 6811. Л. 25–33.

палаты (фантэй) Вэй-гуань-дао. Но этот сановник, на выраженное нами желание видеть его, отвечал, что он, к сожалению, болен и принять нас не может. Тогда поспешили объявить себя больными и остальные чины, военные и гражданские, которым мы сочли нужным послать свои карточки: «ньетэй» (председатель уголовной палаты?), «даотай» (областной начальник), чинтэй (комендант Урумчи и главный начальник расположенных в его округе войск), «бодзядзюй» (полицмейстер) и другие, ни рангов, ни обязанностей коих нам сколько-нибудь точно определить не могли. Отозвался желанием нас повидать только некий Гуй-жун, секретарь и драгоман, состоящий при губернаторе. Господин этот долго живший в России, кажется, читавший даже лекции китайского языка в Санкт-Петербургском Университете. Написал нам длинейшее письмо, в котором на хорошем русском языке, излагал свое горячее желание видеть нас у себя. Но свиданию этому не суждено было осуществиться. В воротах города китайские солдаты напали с дубинами на сопровождавшего нас аксакала... Конечно, мы вернулись назад, а пол-часа спустя у нас в лагере было уже настоящее столпотворение вавилонское: весть о побоях, нанесенных аксакалу, с изумительной быстротой распространилось по городу и сюда стекалось теперь почти все русское население города» [Грум-Гржимайло, 1896, с. 152–153]. Конфликт, когда «аксакалу ставилось в вину то обстоятельство, что он допустил русских с оружием... вступить в городские ворота» [Грум-Гржимайло, 1896, с. 152–153], упомянул об этом событии и приехавший в Урумчи чуть позже Н. Ф. Катанов [Валеев и др., 2015, с. 15]. Г. Е. Грум-Гржимайло пригласил Гуй-жуна в лагерь, но тот не приехал. Члены экспедиции в районе Урумчи встретились только с уездным начальником.

Г. Е. Грум-Гржимайло не смог изучить Урумчи, но в 1890 г. свои исследования проводил в Синьцзяне российский востоковед Н. Ф. Катанов, который смог не только посетить столицу Синьцзяна, но основательно познакомиться с этим городом. Сопровождали его А. П. Бехтерев и И. И. Катанов. 23 августа 1890 г. Н. Ф. Катанов записал в своем дневнике: «В 11 часов ночи мы выехали в Урумчи и остановились на квартире у радушного аксакала. Помещение отведено нам тесное, ни к чему не приспособленное, как и большинство китайских домов» [Валеев и др., 2015, с. 153]. Сразу следует отметить, что российский ученый жил скромно, не пример состоятельным китайцам. В одной из его записей есть описание гостиницы: «за нами зашел 1 китайский купец, едущий по своим делам в Москву, и пригласил нас всех к себе в гости. Живет он в большой гостинице. Номера ее расположены, как

ярус театра. Тут есть и сцена для приезжающих из Пекина актеров» [Валеев и др., 2015, с. 157].

25 августа 1890 г. Н. Ф. Катанов дал краткое описание столицы Синьцзяна: «В Урумчи есть походный китайский театр, несколько домов терпимости, казенный сад, русско-китайская школа и несколько торговых бань. Публичных женщин здесь 1000 человек...» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 124]. В Урумчи в то время жил только один китаец, имевший опыт работы и широкие связи в России, о котором уже упоминал Г. Е. Грум-Гржимайло. Это был Гуй Дунцин или Гуй Жун². Этот китаец, выучивший русский язык в Пекине у драгомана А. Ф. Попова и работавший в дипломатической миссии Китая, в 1884 г. был назначен на лекторскую должность в Санкт-Петербургском университете, которую покинул в 1885 г. В своем дневнике Н. Ф. Катанов писал: «Я был с ним знаком еще в 1884 году в Санкт-Петербурге, где он служил лектором китайского языка при университете. Он состоит переводчиком и секретарем при здешнем ду-тае (дао-тай) и учителем русского языка в китайской школе. Гуйдунцин хорошо говорит и пишет по-русски» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 125].

Благодаря собственным наблюдениям и информации, полученной от местных жителей, Н. Ф. Катанов в своем дневнике дал много информации об Урумчи и связях с Россией в этом городе. Он кратко описал «русский участок» в Урумчи, принадлежавшее «русским купцам-мусульманам» — «пространство 40000 кв. саженьей, находятся 4 отдельных помещения. В каждом помещении имеется: дом, завозни, амбары и лавки» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 104]. Н. Ф. Катанов писал: «Купцов русских 40 и китайцев 250. Столько же и лавок. Торговля идет на наличные деньги, хотя в исключительных случаях товар вопреки трактату отпускается и в долг. Товар из русских лавок отпускается на русский аршин. По заявлению купцов воровство, произведенное в русской лавке, проходит чаще всего бесследно; но если вор попадет в руки, русские не отпустят его без чувствительных побоев» [Валеев и др., 2015, с. 154].

Говоря о русских в Урумчи, Н. Ф. Катанов имел ввиду российских подданных мусульманских торговцев — «русских купцов-сартов». По свидетельству его самого, в городе Урумчи в 1890 г. постоянно и длительное время проживал лишь один этнический русский — мещанин города Красноярска Енисейской губернии фотограф Толшин И. Ф. Кроме того, в городе в это время

² На визитке Гуй Дунцина было написано 桂榮, (Guìróng).

находился помощник фотографа О. Т. Васильев из г. Верный (Алма-Ата) и недавно приехавший «часовых дел мастер Глуховский З. С., еврей из Москвы» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 122]. Н. Ф. Катанов писал, что между китайцами и «русскими» происходили столкновения из-за практики долговой торговли. Были конфликты и из-за того, что «русские не ходят падать ниц перед губернатором в день Нового Года и становиться на колени перед уездным начальником». Он писал, что китайцы презрительно смотрели на русских, называли их «заморскими чертями» или «одноглазыми животными».

Из других заметок по Урумчи можно привести сообщения о банях: «Русский ак-сакал г. Урумчи Азим-бай Мухаммед-Мусабаев, здешний торговец родом из Маргелана сообщил об урумчинских банях следующее. Торговых бань здесь 15. За вход в баню платится различно: 3–15 копеек. Все бани содержатся дунганями. В отдельных номерах дают только 2 ведра горячей воды, а холодной не дают» [Валеев и др., 2015, с. 155].

В дневнике Н. Ф. Катанова есть описание обедов, которым его угощали в Урумчи: «из 35 блюд (9 перемен), состоящих из растительной и животной пищи. К большей части блюд прибавлен уксус. Уксус прибавлен и к вареным яйцам. Из животной пищи замечательны, между прочим, маринованные черви» [Валеев и др., 2015, с. 156]; «Китаец угощал нас сначала чаем, а потом сытным обедом, состоявшим из свинины, курицы, яичницы с уксусом, вареной в сахаре сараны, бобов, капусты и лапши» [Валеев и др., 2015, с. 157].

В конце XIX в. административный центр Синьцзяна Урумчи активно развивался. В городе были открыты арсенал и военное училище, было налажено производство современного стрелкового оружия, в училище преподавали выпускники Тяньцзиньской военной школы. Однако на этом направлении сотрудничества с Россией не было зафиксировано.

Для обеспечения потребностей русско-китайских отношений во второй половине XIX в. в Урумчи была открыта школа переводчиков русского языка. Описание китайской школы русского языка в Урумчи сделал Н. Ф. Катанов, которому удалось несколько раз посетить школу, где в то время 8 китайцев изучали русский язык. 8 сентября 1890 г. он записал: «В 1 час пополудни я и господин Бехтерев отправились в русско-китайскую школу, по приглашению самого учителя, господина Гуй-дун-цина. Я написал 8 страниц русских прописей и дал их господину Гуй-дун-цину для его учеников. Учеников у него 9. Все они — из разных провинций

Китайской империи. Один — маньчжур из Мукдена. По-русски все читают бегло, но мало понимают прочитанное, потому что начали учиться русскому языку только 3 года тому назад. Все ученики — женаты. Возраст их — с 20 лет [и] выше. Все они живут на казенной квартире при школе и получают определенное содержание. Кроме русского языка, ученикам преподаются и начальные сведения из всеобщей географии. Из 5 частей света ученикам более всего известны Европа и Азия. Из пособий имеются генеральные карты этих двух частей света и большой глобус. Ученики знакомятся с содержанием трактатов, заключенных между Россией и Китаем, и переводят их на оба языка. Разговорным языком ученики мало занимаются. В школе нам подали чаю; напившись чаем и попрощавшись, уехали домой» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 159]. Следующая дневниковая запись датируется 12 сентября: «В 1 час дня я поехал в гости в школу господина Гуй-дун-цина и пробыл там 2 часа. Для упражнения в чтении я подарил его ученикам образцы типографских шрифтов, составленных В. В. Федоровым в городе Минусинске (получено 1 мая 1890 г.). Господин Гуй-дун-цин угостил меня гранатами, яблоками и виноградом. Потом я объяснял ему термины: экватор, меридианы, градусы и русские линейные меры... В школе сегодня был разговорный урок» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 175].

Школа русского языка в Урумчи привлекала учеников из разных регионов Цинской империи. Например, в дневниковой записи за 13 сентября 1890 г. можно прочесть: «в 11 часов утра пришли ко мне в гости три ученика господина Гуй-дун-цина и просидели 1 час. Хотя с трудом, они разговаривали с нами по-русски. Я передал им свои визитные карточки, а они взамен их написали по-русски свои имена и фамилии. Один Ка-шу-хоу, другой Чан-ду-син и третий Ди-зы-юань. Первые слоги — их фамилии. По словам их, учеников в школе 9 человек: один — из Мукдена, один из провинции Шан-си, двое — жители Ху-ми-е-зы (Урумчи), трое — из провинции Ху-на-[нь], один — из провинции Ху-бей и один — из провинции Си-цзан (Тибет)» [Наследие российской тюркологии, 2017, с. 179].

Таким образом, благодаря российским исследователям, в первую очередь Н. Ф. Катанову. Мы можем получить представление об Урумчи еще до того, как в этом городе появилось консульство Российской империи.

Договором 1881 г. предполагалось открытие в Урумчи консульства по мере развития русской торговли и по соглашению с китайским правительством. Однако русская торговля в районе Синьцзяна

развивалось не очень активно. Цинские власти старались вообще не допускать русских торговцев в район столицы Синьцзяна, и консульство там не могли открыть до конца XIX в. Русских не пускали, но российские товары не исчезли с рынков Урумчи, путешественники видели русские товары на базаре в этом городе, в ходу там всегда были российские деньги. Российско-подданные торговцы, как и российские власти, связывали с открытием консульства надежды на расширение русской торговли в этом регионе. Китайские власти были против этого, лишь настойчивость российского посланника в Пекине позволила добиться разрешения на открытие консульства в административном центре Синьцзяна. В конце 1895 г. российский путешественник В. И. Роборовский уже встретил в Урумчи русского консула. Некоторое время тянулись тяжбы по вопросу отведения земли под русскую факторию, но первый консул в Урумчи С. А. Федоров добился выделения под факторию хорошего участка в юго-восточной части города. 8 ноября 1896 г. он подписал с местным даотаем Ин «Соглашение об отводе земельных участков для постройки русского консульства и фактории в Урумчи». Вскоре пост генерального консула Российской Империи в Урумчи занял В. М. Успенский.

С начала XX в. русское присутствие в Урумчи стало возрастать. Назначенный в 1903 г. на должность генконсула Н. В. Богоявленский предпринял попытку построить в Урумчи православную церковь, реализовать этот план удалось лишь консулу А. А. Дьякову уже во время Первой мировой войны [Наземцева, 2023, с. 79–80]. Наибольшую известность из русских деятелей в Урумчи получил известный китаевед консул Н. Н. Кротков [Кротков, 1908].

Таким образом, во второй половине XIX в. в Урумчи всегда было российское присутствие, в основном в части российских «торговцев-сартов», но имело место и собственно русское присутствие. Город посещали российские ученые, среди которых выделяется Н. Ф. Катанов, сделавший интересные наблюдения о городе Урумчи.

ЛИТЕРАТУРА

- Валеев Р., Мартынов Д., Мартынова Ю., Тугужекова В.** Научное путешествие Н. Ф. Катанова в Западный Китай в 1890 г. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2015. №1/2. С. 148–157.
- (Грум-Гржимайло).** Описание путешествия в Западный Китай. Составлено Г. Е. Грум-Гржимайло при участии М. Е. Грум-Гржимайло. Том I. Вдоль Восточного Тянь-Шаня. СПб., 1896.

Кротков Н. Урумчийский консульский округ и русская торговля в нем в 1906 г. // Известия ИРГО. Т. XLIV. 1908. Вып. VI. СПб., 1908.

Наземцева Е. Н. Русское культурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как пример межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX–XXI вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 72–84.

Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017. 732 с.

Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. ак. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с.

VLADIMIR G. DATSYSHEN

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
dazishen@mail.ru

The Capital of Xinjiang Urumchi in Russian-Chinese Relations at the Second Half of the 19th Century

Abstract: The Xinjiang Uyghur Autonomous Region plays a significant role in the dynamics of Russian-Chinese relations. The modern relationship between these two countries is rooted in a rich historical context. Xinjiang has been a border area with Russia since the establishment of this administrative unit within the Chinese Empire. The latter half of the 19th century and the first half of the 20th century were particularly complex and eventful for the region, while the late 19th to early 20th centuries witnessed a period of relative stability in relations between Russia and China. Researchers focusing on the history of Russian-Chinese interactions in Xinjiang have primarily concentrated on the border counties in the western part of the region. However, it is crucial to consider the administrative center of Xinjiang, Urumqi, and examine its significance and role in the broader context of Russian-Chinese relations.

Keywords: Xinjiang, Urumchi, Russian-Chinese relations.

МУХАММАДАЛИ АКОБИРОВИЧ МУБИНОВ

Бухарский государственный университет

Бухара, Узбекистан

mubinovm94@mail.ru

Распространение сведений о Бухарском эмирате в Соединенных Штатах Америки в XIX — начале XX века

Аннотация: В данной статье рассматриваются произведения, написанные американскими авторами о политической и социально-экономической и культурной жизни Бухарского эмирата, благодаря которым были распространены широкие сведения об эмирате в Соединенных Штатах Америки.

Ключевые слова: Американские путешественники, научная экспедиция, археологическое исследование, социально-экономическая жизнь, политика, Бухарский эмират, Центральная Азия, историография, источниковедение, журналист.

© М. А. Мубинов

Изучение истории Бухары американскими исследователями началось в 70-х годах XX века, так как Бухарский эмират являлся огромным политическим, религиозным и экономическим центром не только в Центральной Азии, но и в сопредельных территориях. Американские авторы попытались давать особое внимание на изучение социально-экономической и культурной жизни Бухарского эмирата, в том числе на его ресурсы, полезные ископаемые, флору и фауну страны и т. д. Изучение истории Бухарского эмирата тоже было основным фактором при исследовании американскими авторами.

Здесь мы можем посмотреть такие причины как геополитические, экономические, культурные и научные, которые имеют актуальность в отношении политической, социально-экономической

и культурной жизни Бухарского эмирата. Стратегическое положение Бухарского эмирата как ключевой пункт на пути между Европой и Азией делало её важным объектом для изучения. Соперничество между Великобританией и Россией стимулировало американских авторов собирать сведения о Бухарском эмирате, потому что эмират являлся самым мощным государством с огромным военно-экономическим потенциалом.

Следует классифицировать произведения, написанные американскими авторами по следующему образу. Во-первых, американские специалисты посетили Бухарский эмират в качестве корреспондента разных газет и журналов с особой политической целью, которые собрали очень ценные сведения по разным областям жизни Бухарского эмирата. В этой группе следует рассмотреть произведения Юджина Скайлера [Schuyler, 1877] и Уильяма Элероя Кёртиса [Curtis, 1911]. Интерес к торговым возможностям и ресурсам региона, таким как шелк, хлопок, пряности, также способствовал изучению Бухарского эмирата этими американскими авторами. Эти авторы опубликовали свои произведения с ценными сведениями, связанными с социально-экономической, политической и культурной жизнью Бухарского эмирата, распространив данные и сформировав представление о Бухарском эмирате в США.

Американский дипломат, посол, путешественник и журналист Южин Скайлер (Eugene Schuyler) посетил Туркестан и Бухарский эмират в 1873 году в качестве корреспондента газеты “New York Times” и по итогам поездки опубликовал свои статьи и двухтомный труд под названием “Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja” (Туркестан. Заметки о путешествии в русском Туркестане, Коканде, Бухаре и Кулдже) в 1877 году в Нью-Йорке, в котором осветил политическую, социально-экономическую и культурную жизнь Бухарского эмирата, его областей (бекств), инфраструктуру городов, областей, рынки, торгово-экономическую деятельность эмирата, жизнь населения [Schuyler, 1877, pp. 61–118].

Одним из замечательных американских путешествий в Бухарский эмират и Хивинское ханство, совершенное в 1910 г., является путешествие американского общественного и политического деятеля, журналиста Уильяма Элероя Кёртиса (William Eleroy Curtis). У. Кёртис посетил Бухарский эмират в качестве корреспондента по поручению чикагской газеты “Record-Herald”, так как он интересовался в меньшей степени возможностями азиатских, в том числе, бухарских производств и рынков для США. Автор в VII–X главах своей книги, опубликованной в 1911 году в Нью-Йорке под названием “Turkistan: The Heart of Asia” (Туркестан: Сердце Азии),

описал в основном Бухарский оазис, Священную Бухару (Bokhara the Noble), рынки Бухарского эмирата, население Бухары, области, социально-экономическую жизнь страны [Curtis, 1911, pp. 99–185]. Эта книга также сыграла важную роль в распространении сведения и представление о Бухарском эмирате среди широких кругов читателей в США. В начальном этапе широкая аудитория этой книги была знать и политическая элита.

Во второй группе мы изучаем научную экспедицию профессора Гарвардского университета, археолога Рафаэля Помпели и его команды, состоявшейся из таких специалистов, как доктор Хуберт Шмидт, ассистент и переводчик Элсуорт Хантингтон, а также физиографы и исследователи Лэнгдон Вонер, Хелдегард Брукс, миссис Р. Уэллс, совершившую научное исследование на территории Туркестана и Бухарского эмирата в 1903–1905 годах. Рафаэль Помпели (Rafael Pumpelly) после экспедиции опубликовал свой труд, который охватывает большой период истории Туркестана и Бухарского эмирата на основе археологических исследований. Эта книга была издана в 1905 г. в Вашингтоне под названием “Explorations in Turkestan: With an Account of the Basin of Eastern Persia and Sistan Expedition of 1903 Under the Direction of Raphael Pumpelly” [Pumpelly, Davis, Huntington, 1905] (Исследования в Туркестане: С сведением о Бассейне Восточной Персии и Сеистана. Экспедиция 1903 года под руководством Рафаэля Помпели). Эта экспедиция была организована и спонсирована по поддержке Института Карнеги в Вашингтоне, поэтому основная аудитория этой книги было научное сообщество, которое послужила расширению сведения о Бухарском эмирате в научной среде.

В третьей группе мы рассмотрим труд американского художника и путешественника Джона У. Букволтера (John W. Bookwalter), который посетил Бухарский эмират в качестве туриста в 1898 г. Он предпринял поездку по Сибири и Центральной Азии, а также побывал в Бухаре. Дж. Букволтер в своей книге, опубликованной в 1899 г., даёт ценные сведения о Бухарском эмирате, инфраструктуре городов, областей, социально-экономической и культурной жизни государства. Ещё данные, связанные с торговлей Бухарского эмирата с другими странами, в том числе Россией, подробно отражены в произведении автора, которое было издано под названием “Siberia and Central Asia” (Сибирь и Центральная Азия) [Bookwalter, 1899, pp. 448–492].

В результате изучения вышеприведенных источников мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, американские путешественники и исследователи были увлечены экзотикой Востока, точнее Бухарского эмирата.

Изучение культурных, религиозных и научных достижений региона, таких как медицины, математики и астрономии, привлекало внимание.

Во-вторых, труды, созданные вышеприведенными авторами, сыграли важную роль в распространении сведений о Бухарском эмирате в Соединенных Штатах Америки.

В-третьих, первые сведения о Бухарском эмирате стали поступать в США через дипломатов, послов, туристов, научных исследователей и путешественников.

В-четвертых, на основе англоязычных произведений можно рассмотреть историю Бухарского эмирата через точку зрения иностранных исследователей чтобы создать объективную историю не только эмирата, но и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Bookwalter J. W. *Siberia and Central Asia*. Springfield, Ohio, 1899. 548 p.

Curtis W. E. *Turkestan: The Heart of Asia*. Hodder & Stoughton, New York: George H. Doran Co., 1911. 344 p.

Pumpelly R., Davis W., Huntington E. *Exploration in Turkestan with an Account of the Basin of Eastern Persia, and Sistan // Washington, Carnegie Institution*. 1905. 324 p.

Schuyler E. *Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. In two volumes*. New York: Scribner, Armstrong & Co. 1877. Vol. 2. 463 p.

МУHAMMADALI A. MUBINOV

Bukhara State University
Bukhara, Uzbekistan
mubinovm94@mail.ru

The Spread of Knowledge about the Bukhara Emirate in the USA in the 19th — the Beginning of the 20th Centuries

Abstract: This article examines the works written by American authors on the political and socio-economic and cultural life of the Bukhara Emirate, which helped to disseminate widespread information about the Emirate in the United States.

Keywords: American travellers, scientific expedition, archaeological research, socio-economic life, politics, The Bukhara Emirate, Central Asia, historiography, source study, journalist.

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФЕДОРОВА

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

a.fedorova3@g.nsu.ru

Административное устройство колонии Франции в Юго-Восточной Азии

Аннотация: рассматривается период колониальной политики Франции в Индокитае до начала XX века. Автор обращает внимание на различия в подходе к управлению территориями региона, выделяя особую важность Кохинхины, которая оказалась наиболее процветающей. Французы столкнулись с необходимостью разработки разнообразных стратегий для каждой из трех частей полуострова в силу различий в экономическом и социальном развитии. Также затрагивается вопрос политики колонизаторов в отношении языка и политики, в частности, внедрение латинизированного вьетнамского языка в качестве второго официального языка. Особое внимание уделяется развитию сельского хозяйства в регионе, выращиванию риса, шелка, чая и каучука, что свидетельствует о стремлении французских колонизаторов извлечь максимальную прибыль из колоний.

Ключевые слова: Французская администрация, колониальный режим, Вьетнам, история Вьетнама.

© А. А. Федорова

В Индокитае не было постоянной и единой государственной политики до вступления Поля Думера (1897–1902) в должность генерал-губернатора. К моменту вступления Франции в Ост-Индию ситуация в каждом из местных государств была разной. Правительства Лаоса и Камбоджи были основаны на более жесткой модели, и их экономика также была несравнимо хуже. Поэтому французы были вынуждены подходить к решению проблем в каждом государстве по-разному. Решающее значение имели самые богатые и густонаселенные районы: Тонкин (где находится Ханой — резиденция генерал-губернатора) и Кохинхина.

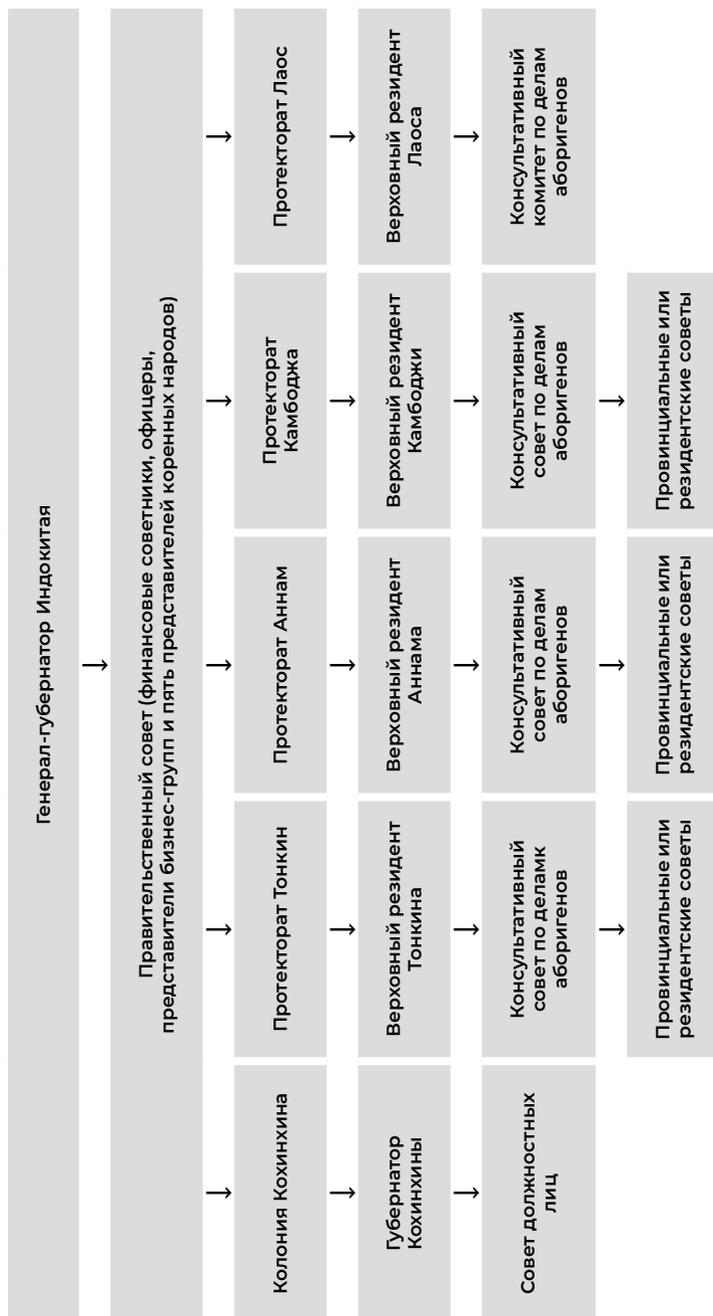
Вьетнамцы (вьеты), как народ, стали главной опорой колониальной политики в Индокитае, они были не только самая многочисленная группа (составляли более 70% населения), но и нацией с наилучшим потенциалом для будущего развития [Roberts, 1963, p. 470]. Таким образом, Кохинхина оказалась наиболее процветающей благодаря своему богатству и социальному составу. В противоположность этому можно отметить, что Лаос и Камбоджа долгое время оставались довольно «отсталыми» королевствами, находящимися под французской защитой.

Французскую администрацию возглавлял генерал-губернатор Индокитая, который являлся главой правительственного совета. Правительственный совет выполнял в основном консультативные функции. Он принимал решения по финансовым вопросам и состоял из представителей разных групп — офицеров армии, представителей коммерческих групп и нескольких высокопоставленных туземцев. Кохинхина, самая южная часть Вьетнама, имела статус колонии и поэтому управлялась отдельно (ее главой оставался Правительственный совет и генерал-губернатор). Губернатор Кохинхины возглавлял местную администрацию и осуществлял свою власть через Совет чиновников.

Остальные районы Индокитая: Тонкин, Аннам, Камбоджа и Лаос, имели статус протекторатов (официально управление страной находилось в руках местного правителя). В каждом из протекторатов был назначен Верховный резидент. Верховный резидент должен был помогать местному правителю в управлении страной, но в то же время многие его полномочия были больше, чем у правителя. При резидентах действовали консультативные туземные советы (состоящие из представителей местного населения и французов). На следующем, более низком уровне, находились различные провинциальные или резидентские советы (см. схему).

Политика ассоциации включала в себя назначение вьетнамцев на младшие официальные должности. Колониальная администрация также отдавала им предпочтение, поскольку, в отличие от других народов, они имели давние традиции бюрократии на высоком уровне. Однако, конечно, основной целью французской администрации оставалось превращение Индокитая в «азиатскую Францию», и это проявилось в распространении латинизированного вьетнамского языка, чу куок нгу [Pham, 1964, pp. 156–171]. Однако факт остается фактом: лишь несколько процентов людей из высших слоев общества владели любой из форм письма (китайской иероглификой, чу ном (ты-ном)) (был создан в XII в.

ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ИНДОКИТАЕ*

Анастасия Федорова

* По: [Roberts, 1963, pp. 76–77].

путем адаптации китайских иероглифов для вьетнамского языка), или латинизированным вьетнамским языком).

Создание начальных и средних школ положительно сказалось на общем уровне образования в Индокитае. В этих учебных заведениях действовала франко-вьетнамская система преподавания, а высшее образование ограничивалось французским языком. В 1908 г. был основан Индокитайский университет. Традиционные экзамены, основанные на изучении древних конфуцианских сочинений, были окончательно отменены. Повсеместное внедрение латинизированной письменности стало важным жестом, благодаря которому вьетская культура, возможно, самым решительным образом в историческом плане, сбросила многовековой груз китайского культурного наследия.

Целью французской администрации было извлечение максимальной прибыли из колоний. В случае с Индокитаем наиболее прибыльным сектором экономики было сельское хозяйство. Поэтому площадь обрабатываемых земель значительно увеличилась: с 38000 га в 1868 г. до 2650000 гектаров в 1938 г. только в Кохинхине [Phan, 1961, pp. 426–427].

Несмотря на общие принципы французской колониальной политики, согласно которым колонии не предназначались для заселения французами, на этих территориях всё же проживали европейские иммигранты. К 1905 г. европейцы обрабатывали всего 27000 га земли, а к 1914 г. эта цифра выросла до 169150 га из 490000 гектаров переданной в дар земли [Phan, 1961, p. 428].

Таким образом, французские капиталисты создали на территории колонии плантации по выращиванию кофе, чая, каучука (в Као Нгуен), опиума, шелкопряда и джута. Рабочей силой на этих плантациях были в основном вьетнамцы, которых для этой цели переселяли во вновь созданные деревни [Phan, 1961, pp. 428–429].

Вьетнам конца XIX — начала XX веков можно охарактеризовать как сельскохозяйственное государство: в 1960-х годах рис выращивался на 90% обрабатываемых земель, и вся экономическая деятельность была так или иначе ему подчинена.

В мае 1930 года генерал-губернатор Пьер Паскье (1927–1934) учредил Индокитайское рисовое управление. Выращивание риса было сосредоточено в Кохинхине, особенно в районе Сайгона, который к 1901 г. был, по сути, единственным развитым районом в стране. Рис и продукты из него составляли 72% экспорта в 1900 г. и 62% в 1924 г. Рис на экспорт поставлялся в основном из Кохинхины, в то время как в Тонкине из-за отсутствия плодородных земель большее значение имела промышленность.

Пятнадцать из двадцати двух провинций Кохинхины занимались, по сути, только выращиванием риса, что сделало Индокитай вторым (в первой половине XX в.) по величине производителем риса в мире. Разница между различными частями Вьетнама была заметна уже в 1921 г., когда из общего производства 1720000 т риса только 180000 т было выращено в северном Аннаме и в Тонкине [Phan, 1961, p. 427]. Индокитай экспортировал 110000 т риса в страны Европы каждый год.

Вторым важным товаром для экспорта во Францию был шелк-сырец, объем которого составлял около 5000 т в год [Phan, 1961, p. 429]. В 1908 г. в Тонкине было основано Французское общество разведения шелкопрядов и шелка в Индокитае с целью замены дорогого шелка, импортируемого из Японии и Китая, местным производством [Ennis, 1936, p. 114].

Таким образом, заинтересованность Франции Вьетнамом заключалась как непосредственно в финансовой выгоде от ресурсов его территорий (преимущественно Кохинхины), так и в выгодном географическом положении по отношению к южнокитайским провинциям.

ЛИТЕРАТУРА

- Ennis T. E.** French Policy and Developments in Indochina. Illinois, The University of Chicago, 1936, p. 114.
- Pham C. D.** The French Presence in Cambodia and in Indochina 1884–1945. Sai Gon, 1964, p. 156–171.
- Phan K.** Viet Nam Phap Thuoc su (Dejiny Vietnamu) 1884–1945. Sai Gon, 1961, p. 426–427.
- Roberts P. H.** The History of French Colonial Policy 1870–1925. L., Franc Cass and Co. Ltd, 1963, p. 470.

ANASTASIYA A. FEDEROVA

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

a.fedorova3@g.nsu.ru

Administrative Structure of the French Colony in South-East Asia

Abstract: These theses examine the period of French colonial policy in Indochina until the beginning of the 20th century. The author draws attention to the differences in

the approach to managing the territories of the region, highlighting the particular importance of Cochinchina, which turned out to be the most prosperous. The French were faced with the need to develop different strategies for each of the three parts of the peninsula due to differences in economic and social development. The issue of the colonialists' policy regarding language and politics is also touched upon, in particular, the introduction of Latinized Vietnamese as a second official language. Particular attention is paid to the development of agriculture in the region, the cultivation of rice, silk, tea and rubber, which indicates the desire of the French colonialists to extract maximum profit from the colonies.

Keywords: French administration, colonial regime, Vietnam, history of Vietnam.

ALEXANDER V. PHILIPPOV

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
PhilAlex2005@mail.ru

Vassily Kostylev as the first Historian on Japan in Russia

Abstract: The article is devoted to the personality of Vassily Kostylev (1848–1918), the founder of research on Japanese history in Russia. Kostylev is the author of Russia's first scholarly work on Japanese history. The “Essay on the History of Japan” published in 1888 largely retains its unique historiography value even today. The study of Kostylev activities is fundamentally important for understanding the process of formation of Japanese studies in Russia. He graduated from the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University and had a long experience as a diplomat. Thanks to him, the Department of Japanese Language and Literature began to work fully at the university at the very beginning of the XX century. The article presents the features of evolution and problems in Japanese studies in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The materials provided are addressed to those who are interested in the history of Oriental and Japanese studies. The article is based on archive materials from St. Petersburg. The materials concerning Kostylev have never been published in English. The article contains a photo portrait of Vassily Kostylev, which has not been published for over a hundred years.

Keywords: Vassily Kostylev, “Essay on the History of Japan”, Historiography of Japanese studies, Faculty of Oriental Languages, Department of Japanese Language and Literature, St. Petersburg University, Kurono Yoshibumi.

© Alexander V. Philippov

“**A**n essay on the History of Japan”, published in 1888 by Vassily Kostylev (1848–1918), still remains the cornerstone for Japanese studies in Russia¹ [Kostylev, 1888]. The purpose of the article,

¹ Earlier books in Russia had a popular character, not being strictly scientific works (Johann Reichel 1773; Nikolai Gorlov 1835; Franz Siebold 1854; Mikhail Venyukov 1869; etc.).

based on documents from the archives of St. Petersburg, is both to review the “Essay ...» and to draw attention to the personality of Kostylev.

The author of the book that covers the whole history of Japan assessed his work modestly: “The essay is rather shallow and does not meet many requirements. This is due to the nature of the documents used, but I hope in time I will present some periods of Japanese history more thoroughly and in details” [Ibid., p.3]. In real, the book is unique due to its detailed facts based on serious historical documents and versatile notes (386 comments!). Kostylev was one of the first scholars on the history of Japan in Russia and taught a corresponding course at the Faculty of Oriental Languages of St. Petersburg University in 1900-s for the first time.

Vassily Kostylev was born on Jan. 1, 1848 in the family of a priest. He graduated from the Arkhangelsk Theological Seminary in 1870 [Spisok, 1916, p. 12]. In 1874 he graduated from the Faculty of Oriental Languages (St. Petersburg Univ.) in the Chinese-Manchurian-Mongolian category with a PhD degree. Then Kostylev joined the Ministry of Public Education, but quit a month later. In July 1874, he was appointed to the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, and by 1900 he had risen to full state councilor². In August 1874, he became a student at the Consulate General in Japan (Nagasaki), and from February 1875 — a student at the mission in Edo. In January 1883, Kostylev performed duties, and in September 1884 he officially became consul in Nagasaki (until his “dismissal from service at his own request” in June 1900)³. The head of the Russian mission in Japan explained that “the deep knowledge of the country, language, laws and history acquired by Kostylev during his nine-year stay in Japan makes him... very suitable for... consular position”⁴.

Kostylev was invited to the Faculty of Oriental Languages to improve the quality of teaching Japanese back in 1897. He was “an excellent connoisseur of Japanese, known for serious scientific works devoted to Japan” [Materialy, 1906, p. 281]. “Unfortunately, Kostylev refused, and the teaching staff had to train a specialist from new graduates”⁵. Further, the expectations of the teaching staff were deceived subsequently by the graduates Evgeny Spalvin and Arseny Voznesensky,

² TsGIA SPb (= The Central State Historical Archive of St. Petersburg), fund 14, inventory 1, case 10 139, sheets 12–14 (in Russ.)

³ Ibid., sheet 14 (in Russ.)

⁴ AV IVR RAN (= Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), fund 65, inventory 1, p. 2 (in Russ.)

⁵ Ibid. (in Russ.)

finally they both refused⁶. In September 1907 Kostylev, who was no longer in the diplomatic service, offered himself to the Faculty of Oriental Languages as a private assistant professor for a period of one year (Dec. 1907 — Dec. 1908)⁷ [Spisok, 1916, p. 13]. According to the questionnaire, along with teaching grammar of written and spoken Japanese, he will also “teach geography, history and lifestyle of Japan”⁸. As a result, out of seven hours of classes per week, Kostylev taught the course “History and Geography of Japan” for two hours [Obozrenie, 1908, p. 15]. The detailed content of the course is unknown. After Kostylev resignation, the history of Japan was again not taught for a long time. From time to time, in 1913–17, sinologist Alexander Lyubimov and Martin Ramming⁹ tried to conduct classes on the history of Japan, not being professionals in this subject [Obozrenie 1913–1914] [Obozrenie 1918–1919].

Kostylev devoted his whole life to studying the history and language of Japan, using this knowledge for the needs of the Russian state. He sought to change the Japanese studies in Russia so that it would benefit the state. Kostylev criticized the weaknesses of Japanese language manuals and dictionaries, which were mostly realized by others only with the beginning of the Russian-Japanese war. The methods of overcoming were reflected in Kostylev correspondence, including correspondence on publishing matters¹⁰. Kostylev even undertook the compilation of manuals, the translation of Western materials and grammars that formed the basis of future textbooks¹¹. As a result, he published two Japanese grammars and one dictionary [Grammatika, 1908; Uproshhennaja grammatika, 1908; Russko-Japonskij slovar, 1918].

Patriotism of Kostylev was also offended when the Japanese Kurono Yoshibumi (a university lecturer since 1883) used an inappropriate hieroglyph for the name of Russia. So, writing to the dean of the faculty in October 1908, Kostylev noted that “if Kurono wanted to correct the

⁶ TsGIA SPb (= The Central State Historical Archive of St. Petersburg), fund 14, inventory 1, case 10139, sheets 1. For more details see: Philippov, Alexander V. Vassily Yakovlevich KOSTYLEV [from the history of Oriental studies and African Studies] // *Narody Azii i Afriki* (= PEOPLES OF ASIA AND AFRICA), 1987, No. 2, p. 54 (in Russ.)

⁷ TsGIA SPb (= The Central State Historical Archive of St. Petersburg), fund 14, inventory 1, case 10139, sheets 5–10 (in Russ.)

⁸ AV IVR RAN (= Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), fund 65, inventory 1, case 65, sheet 1 (in Russ.)

⁹ For more information about M. Ramming activities at the Faculty of Oriental Languages, see: TsGIA SPb (= The Central State Historical Archive of St. Petersburg), fund 14, inventory 1, case 10 771 (83 sheets) (in Russ.)

¹⁰ AV IVR RAN (= Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), fund 65, inventory 1, case 41, 66 (in Russ.)

¹¹ AV IVR RAN (= Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), fund 65, inventory 1, case 16–19, 29, 31, etc. (in Russ.)

On the left: Cover and title page of the “Essay on the History of Japan”, compiled by V.Kostylev. St. Petersburg: 1888 (in Russ.) [from the author’s personal collection]

On the right: Portrait of Vassily Kostylev [from the archive of the Dpt. of Japanology, Oriental Faculty, St. Petersburg State Univ.; photo processing — A.Philippov; regards to the student Ivan Katraev discovered the portrait; photo original see: Zavadsky-Krasnopolsky V. A. My trial with a Japanese citizen Joseph Nikolaevich (Yoshibumi) Kurono... St. Petersburg, 1909 (in Russ.)]

mistake he made, he could have corrected it long ago ... but ... Kurono still calls Russia, where he receives a salary, a rude, stupid, wild country”¹².

Kostylev had shown interest in studying history since student years. For example, his student thesis of almost 250 pages “The degree of reliability of ancient Chinese history” is presented in the archives¹³. His notes related to the study of Tao, Shinto, and Russian Orthodoxy in Japan

¹² AV IVR RAN (= Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences), fund 65, inventory 1, case 41, sheet 7 (in Russ.) It is possible that in this case, the difficult relationship that existed between these two people could play a role.

¹³ Ibid., case 43 (123 sheets on both sides) (in Russ.)

have also preserved¹⁴. Anyway, his “Essay on the History of Japan” is a genuine scientific peak in his work. Some draft materials have survived, apparently used in the preparation of this essay. The archive materials contain 50 sheets of translation and research of the mythological code *Kojiki* (Records of ancient affairs, VIII century)¹⁵, translations, extracts and comments on *Nihon-gaishi* (Unofficial History of Japan) per 1000 sheets, etc¹⁶.

The manuscripts written after the publication of the “Essay...» are associated with certain periods of history, and sometimes have a different, non-historical character. Kostylev studied modern events in detail, there are, for example, handwritten excerpts about the events of the Sino-Japanese war of 1894–95 with a volume of more than 300 pages¹⁷. A kind of “diary” from May 24, 1894 to February 22, 1895, where only occasionally there are breaks of up to a week, or extremely rarely — up to one and a half to two months¹⁸. The material for the extracts was collected from five main Japanese newspapers. It contains the texts of official telegrams, orders, the structure of government loans, etc.

His diverse interests are also highlighted by his collection of historical and geographical materials about Korea¹⁹. An unfinished draft of the manuscript “Essay on the History of Korea” (more than 1000 pages), prepared on the basis of Chinese and Japanese materials, has been preserved²⁰.

The “Essay on the History of Japan” was highly appreciated in a detailed review of unknown authorship, which has been preserved²¹. “We have the first experience of presenting the history of Japan in a more or less coherent form, if not in all parts, then at least where possible”²². It is also noted that the publication does not specify the sources used by Kostylev, and mentions “the randomness of the publication of the book itself”²³. The works of Kostylev predecessors in English and

¹⁴ Ibid., case 38 (7 sheets); case 36 (14 sheets); case 37 (5 sheets) (in Russ.)

¹⁵ Ibid., case 1 (1 + 5 + 38 sheets) (in Russ.)

¹⁶ Ibid., case 3 (798 sheets); case 4 (489 sheets); case 7 (24 sheets) (in Russ.)

¹⁷ Ibid., case 14 (169 sheets on both sides) (in Russ.)

¹⁸ Perhaps this is due to the fact that some of the materials were lost before they were bound.

¹⁹ Ibid., case 47–51 (in Russ.)

²⁰ Ibid., case 52 (510 sheets on both sides) (in Russ.)

²¹ Ibid., case 15 (5 sheets on both sides) (in Russ.) These are two drafts of the review.

The volume of the first review in order is about five pages, and the second is about four. Obviously, the next review in order was written earlier. Both reviews (almost completely identical) are drafts written by the same person, and do not contain any notes that would help identify the author.

²² Ibid., sheets 1,4 (in Russ.)

²³ Ibid., sheet 5, backside (in Russ.)

German were written on the basis of textbooks for elementary schools (F. Siebold, W. Dickson, etc.). Unlike them, book of Kostylev is based on a complete translation of such fundamental multi-volume Japanese works as “Dai-Nihonshi” and “Nihon-gaishi”²⁴. Previously, none of the Europeans had translated Nihon-gaishi, and “only a few of the Japanese can even read Dai-Nihonshi”²⁵. The documents brought by Kostylev help to understand the internal relationship of all events, especially with regard to the formation of the Shogunate system²⁶.

Kostylev innovative view in his “Essay...» was that he for the first time combined the involvement of Japanese documents with the critical view of a European scholar: “By providing the reader with facts, he leaves it to him to judge by the facts”²⁷. One point, he does not reject anything, but on the other point, he makes it possible to judge what is true in history and what is a later artificially contrived layering. “Due to the view on the ancient history of Japan as unreliable, the author presents it briefly, but does not omit it. Releasing its thread is dangerous. Once you let it out of your hands, you probably won’t catch it. Due to this, he unwinds it from the very beginning and conducts the story from the same time as the Japanese themselves, i. e. since the creation of the world”²⁸.

According to the current state of science, the work has its drawbacks. With a detailed scrolling of the history of the emperors and shoguns, due attention to the history of the Japanese people is missing (political history is considered, but social history is ignored). Nevertheless, the creation of Russia’s first truly scholarly work on the history of Japan from antiquity until the “Meiji Revolution” is a great merit of Kostylev. His “Essay...» contains complete translations of the social codes of the Tokugawa shoguns and even the famous “Legacy of Ieyasu in 100 chapters”.

Vassily Kostylev died in 1918 in post-revolutionary Petrograd during a famine. He was buried at the Smolenskoe Cemetery; the place of burial is currently unknown. “Essay of the History of Japan” by Vassily Kostylev does not lose its significance till nowadays²⁹. His contribution to the study of Japan should be greatly appreciated.

²⁴ Ibid., sheet 2 (in Russ.)

²⁵ Ibid., sheet 5, backside (in Russ.)

²⁶ Ibid., sheet 4, backside (in Russ.)

²⁷ Ibid., sheet 5 (in Russ.)

²⁸ Ibid., sheet 4, backside; sheet 5 (in Russ.)

²⁹ The personality of Vasily Kostylev still causes discussions, and Japanese scholars from various scientific centers of Russia address this topic. Such interest is noticeable, and an example of this is an article published in the journal of the Far Eastern

REFERENCES

- Grammatika japonskogo razgovornogo jazyka [Grammar of the Japanese spoken language]. St. Petersburg, 1908, 298 p. (in Russ.).
- Kostylev V.** Oчерк istorii Yaponii [An essay on the history of Japan]. St. Petersburg, 1888, 4 p.+24 p.+448 p. (in Russ.).
- Materialy dlya istorii fakulteta vostochnyh yazykov [Materials for the history of the Faculty of Oriental Languages]. Vol.2. 1865–1901. St. Petersburg, 1906, 339 p. (in Russ.).
- Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom SPb universitete na 1908–1909 uchebnyi god [Review of the teaching of science at Imperial St. Petersburg University for the 1908–1909 academic year]. St. Petersburg, 1908 (in Russ.).
- Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom SPb universitete na 1913–1914 uchebnyi god. [Review of the teaching of science at Imperial St. Petersburg University for the 1913–1914 academic year]. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
- Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom SPb universitete na 1918–1918 uchebnyi god. [Review of the teaching of science at Imperial St. Petersburg University for the 1918–1919 academic year]. St. Petersburg, 1918 (in Russ.).
- Russko-japonskij slovar razgovornogo jazyka [Russian-Japanese Dictionary of the spoken language]. St. Petersburg, 1914. 1007 p. (in Russ.).
- Spisok professorov i privat-dotsentov fakulteta Vostochnyh yazykov imperatorskogo, byvshego Peterburgskogo, nyne Petrogradskogo universiteta s 1819 g. [List of Professors and Sub-Professors of the Faculty of Oriental Languages of the Imperial, former Petersburg, now Petrograd University since 1819], Petrograd, 1916, 33 p. (in Russ.).
- Uproshhennaja grammatika japonskogo jazyka [Simplified Grammar of the Japanese language]. St. Petersburg, 1908, 131 p. (in Russ.).

Federal University; see: [Sovasteev V. V., Shcherbina A. A. Tak kto zhe byl pervym professionalnym yaпонovedom v Rossii? (= So who was the first professional Japanese scholar in Russia?) // *Rossia i ATR* (= Russia and the Pacific), 2012, Issue 4, pp. 195–196 (in Russ.)].

ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПОЖИЛОВ

Институт Китая и современной Азии РАН

Москва, Россия

pozhilov1@yandex.ru

О вступлении Чжу Дэ в коммунистическую партию

Аннотация: Распространение марксизма в Китае безусловно относится к числу важнейших явлений в общественно-политической жизни страны первых десятилетий XX века. Его идеи становились достоянием представителей самых разных социальных классов, групп и прослоек. И в этом нет ничего удивительного — слишком привлекательно и заманчиво звучала в марксизме струна коренного и, главное, относительно скорого переустройства общества на началах всеобщего равенства и справедливости. Вместе с тем примеров перехода на марксистские позиции тех, кто в глазах китайской нации прямо и непосредственно олицетворял собой власть, господство и произвол, история сохранила не так уж много. Пожалуй, самым заметным в их ряду был выдающийся государственный и военный деятель КПК Чжу Дэ.

Ключевые слова: Китай, марксизм, КПК, Чжу Дэ.

© И. Е. Пожилов

По мнению весьма авторитетного историка Цзинь Чуньци, в сравнении с другими руководителями КПК первого поколения жизненный путь Чжу Дэ остается до сей поры наименее исследованным. И в особенности это касается раннего периода его биографии [Жухэ, 2010, с. 100]. С этим трудно не согласиться, поскольку едва ли не единственным источником, на который можно опереться в изучении карьеры будущего главнокомандующего НОАК в качестве генерала-милитариста, является хорошо известная книга американской журналистки А. Смедли [Smedley, 1956], переведенная в свое время и на китайский язык. Основанная всего лишь на нескольких ее беседах с Чжу Дэ в 1937 г., в течение которых тот вряд ли многое успел бы ей поведать, книга содержит

немало сомнительных фактов и оценок, которые в значительной мере, на наш взгляд, являются плодом писательского воображения, приукрашивающего действительность, хотя и весьма правдоподобны¹. В свою очередь, лишенным возможности опираться на иные документальные свидетельства биографам остается большей частью строить предположения, а не делать объективные и исчерпывающие заключения. В первую очередь сказанное касается наиболее важного этапа в жизни Чжу Дэ — знакомства с марксистской теорией и вступления в коммунистическую партию.

Наиболее распространенной в историографии парадигмой приобщения маршала к марксизму является давно ставшая привычной схема эволюции взглядов и мировоззренческого восхождения от революционера-демократа и сторонника учения Сунь Ятсена на позиции революционера-коммуниста [Сюй Шу, 2010, с. 118–119]. По нашему мнению, подобный подход в данном случае страдает упрощенчеством и не учитывает целый ряд существенных обстоятельств, которые ни в коей мере нельзя игнорировать.

Чжу Дэ не принадлежал к кругу интеллигенции и носителей т. н. свободных профессий подобно большинству ранних приверженцев марксизма в Китае, но проходил службу в юньнаньской армии, после Синьхайской революции испытывавшей довольно незначительное влияние саньминьчжуи как целостного учения и приверженной по большому счету разве что его республиканскому принципу. А господствующими в среде офицерства Юньнани были идеи Цай Э, далеко не схожие с доктриной Отца нации [Лю Синьчунь, 1998, с. 82–85]. К тому же заниматься политикой военнотружущим в провинции особенно не рекомендовалось, поскольку основополагающей установкой в армейском строительстве именитый генерал провозгласил «непартийность» (*буданчжунь* 不党主义) [Sutton, 1980, p. 139–140]. Как известно, Чжу Дэ высоко чтит своего наставника. «Цай Э, — впоследствии напишет он, — оказал на меня огромное влияние» [Чжу Дэ, 1948, с. 5]. Однако, если смотреть фактам в глаза, единственно доказуемой идеей из наследия наставника, которой неизменно следовал его воспитанник, был антиимпериализм. С завершением Движения в защиту республики и упрочением на Юго-Западе страны диктатуры Тан Цзисяо всякое свободомыслие в войсках пресекалось самым строжайшим образом. В довершение ко всему, Чжу Дэ еще

¹ Дж. Дэйвис, коллега А. Смедли, работавший вместе с ней в Китае, объясняет это ее особой симпатией к Чжу Дэ и тем, что остальные лидеры КПК не произвели на нее особого впечатления, отчего почти все свое внимание Смедли сосредоточила на главкоме (In: [Davies, 2012, p. 28]).

со времен учебы в Юньнаньском военном училище связывали особые, очень близкие личные отношения с Тан Цзисяо, что не могло не сказаться на его идейно-политических предпочтениях и, разумеется, не в лучшем смысле.

Говоря о предпосылках приобщения к марксизму, В. И. Ленин подчеркивал безусловную необходимость овладеть достижениями передовой политической мысли человечества, имея в виду, что это учение есть ее «законный преемник» [Ленин, 1981, с. 305]. Иными словами, обладал ли генерал Чжу Дэ достаточными познаниями в сфере общественных наук, чтобы оценить по достоинству жизнеспособность и преимущества научного социализма над прочими идеологическими доктринами, с которыми, как пишет современник, в начале XX века знакомили сычуаньцев «газеты и журналы прогрессивного направления, плодившиеся подобно весенним побегам бамбука после дождя»? [Усы юньдун, 1989, с. 298–299]. Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам, таких познаний он не имел и не особенно перегружал себя чтением изданий либерального толка вообще, будучи увлечен, в частности в лучжоуский период, штудированием классической китайской исторической литературы, а с «западными теориями» собирался познакомиться в ходе поездки за границу, которую давно планировал осуществить после увольнения из армии [Ло Гэ, 1985, с. 78].

И вот как Гао Юйхань, принимавший уже в Берлине Чжу Дэ в партию, описывает уровень его политической культуры и общей эрудиции (напомним, что Смедли представляет отставного генерала «вполне зрелым революционером-демократом»): «Поглядеть на Чжу Дэ, деревенщина неотесанная. И говорит коряво, и пишет так же. Знания скудные. Не довелось ему подучиться. ...Имеет крайне слабое представление о политических и экономических теориях» [Юй Инь, 2012, с. 16]. Да, в германский период Чжу Дэ много читал и заметно продвинулся в освоении марксистской теории, познакомился с современной западной социологией, философией и экономическими доктринами. Однако в целом очень скромный его образовательный багаж, конечно же, не давал оснований удовлетворить ленинское требование. По наблюдениям Чжан Шэньфу, одного из первостроителей КПК, подавляющее большинство вступавших в партию в начале 1920-х гг., не обладая сколько-нибудь устойчивым научным мировоззрением и, главное, не выказывая стремления к творческому познанию, «понимали Маркса чувством, ...мол «вершина науки»» и т. д. [Чжан Шэньфу, 2001, с. 117]. Еще более резко на данное обстоятельство указывает

Ли Цзи, один из ближайших друзей Чжу Дэ по Германии, считавший, что изучение марксизма большинством соотечественников являлось «абсолютно бесполезным занятием», потому как их общий уровень грамотности оставлял желать много лучшего [Ли Цзи, 1932, с. 298].

С другой стороны, Гао Юйханем подмечено в Чжу Дэ то, чем награждает природа далеко не всякого: «...Схватывает суть с двух-трех слов и затем вникает самозабвенно» [Юй Инь, 2012, с. 16]. Это и отличало генерала от остальных и ставило в более выгодное положение, что, в конечном счете, сыграло решающую роль в его серьезном прогрессе на пути становления как марксиста. В этой связи будет уместно обратиться к высказыванию Н. Бухарина, не только виднейшего теоретика большевистской партии, но и выдающегося пропагандиста научного социализма, который совершенно справедливо считал, что неопиты проникались не столько содержанием марксова учения, сколько его мессианским пафосом и «необычайной логической стройностью», превращавшей прочие доктрины в «какую-то размазню» [Козн, 1988, с. 35]. И в этом смысле Бухарин был ближе к истине, чем Ленин.

Кроме того, следует помнить, что Чжу Дэ, отправляясь за рубеж, помимо вступления в ряды коммунистов, имел цель обогатить свои военные знания. «Все силы отдам служению партии, занимаясь военной работой» [Чжу Дэ, 1979, с. 18] — такой он видел свою судьбу в рядах КПК. Именно такой она и сложилась. Потому в Германии Чжу Дэ с одинаковым упорством осваивал сразу две науки — «умение воевать» и «законы революционной борьбы», что, понятно, значительно усложняло его миссию [Russel, 2009, p. 355–420]. Но он с ней успешно справился.

Общеизвестно, что Чжу Дэ на протяжении всей своей жизни писал стихи и вообще очень любил поэзию. В 1926 г., уже вернувшись в родную Сычуань из СССР, он написал стихотворение, отрывок из которого может послужить прекрасной иллюстрацией к сказанному выше:

Чжун Шаня ученье небесполезно,
Ученье же Карла универсально.
Это Вселенной путь сквозь века,
Старые флаги меняем. Пора!²

² [Чжу Дэ, 2003, с. 5].

Перевод — фактически подстрочник, не искажающий ни смысла, ни патетики стиха. С подобным настроением сворачивают горы, и Чжу Дэ как никогда был полон сил и энергии воплотить в жизнь предначертания «великой теории». Когда генерал Ян Сэнь встретился с другом (вместе служили в юньнаньской армии), его изумлению не было предела. С печатью великой озадаченности перерождением «обычного служивого» в «фанатичного коммуниста» он так и проходил, покуда не расстались. Поразили старого милитариста даже не столько слова Чжу Дэ в защиту своей новой веры («всяких агитаторов слышали»), сколько его «убеждение, на-верное, дьявольское» в том, что «учение [марксизм] всемогуще» [Ян Сэнь, 1990, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

- Жухэ туйцзинь Чжу Дэ сысян шэнин яньцзю [如何推进朱德思想生平研究]. Как продвигаются исследования жизни и идей Чжу Дэ // Дандэ вэньсянь [党的文献]. 2010. №1. С. 92–101 (на кит. яз.).
- Коэн С.** Бухарин: политическая биография. М.: Прогресс, 1988. 572 с.
- Ленин В. И.** Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41.
- Ли Ци.** Водэ шэнпин [李季. 我的生平]. Мой жизненный путь. Т. 2. Пекин: Чжунсянь тофан кэцзи фачжань юсянь гунсы, 1932. 848 с. (на кит. яз.).
- Ло Гэ.** Цюсо: ицзюэрэр нянь цяньдэ Чжу Дэ [求索 : 一九二二年前的朱德]. Исследования жизни и деятельности Чжу Дэ до 1922 г. Кунминь: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 1985. 246 с. (на кит. яз.).
- Лю Синьчунь.** Цай Э цзинцзи сысян юй Сунь Чжуншань миньшэнчжуи [蔡锷经济思想与孙中山民生主义]. Экономические идеи Цай Э и три народных принципа Сунь Ятсена // Хэнъян шифань сюэюань сюэбао [衡阳师范学院学报]. 1998. №1. С. 79–87 (на кит. яз.).
- Сюй Шу.** Чжу Дэ жудан дэ ибо саньчжэ [朱德入党的一波三折]. Много трудный путь Чжу Дэ в партию // Дандэ вэньсянь [党的文献]. 2010. №3. С. 114–122. (на кит. яз.).
- Усы юньдун цзай Сычуань [五四运动在四川]. Движение 4 мая в Сычуани. Чэнду: Сычуань дасюэ чубаньшэ, 1989. 367 с. (на кит. яз.).
- Чжан Шэньфу фантаньлу [张申府访谈录]. Интервью Чжан Шэньфу. Пекин: Тушугуань чубаньшэ, 2001. 277 с.
- Чжу Дэ тунчжи цзаоци гэмин ходун цзыляо [朱德同志早期革命活动资料]. Материалы по ранней революционной деятельности Чжу Дэ. Т. 3. Пекин: Чжунго гэмин боугуань, 1979. 98 с.
- Чжу Дэ цзаоци шисы эрми шоу [朱德早期诗词十二首]. 12 стихов из ранней поэзии Чжу Дэ // Дандэ вэньсянь [党的文献]. 2003. №3. С. 3–8. (на кит. яз.).

Чжу Дэ цзычжуань [朱德自传]. Автобиография Чжу Дэ. Сянган: Дади чубаньшэ, 1948. 112 с.

Юй Инь. Гэмин сяньцюй Гао Юйхань дэ цюйчжэ жэньшэн [革命先驱高语罕的曲折人生]. Извилистая жизнь пионера революции Гао Юйханя // Вэньши тяньди [文史天地]. 2012. №11. С. 9–17 с.

Ян Сэнь. Цзюши иван [九十忆往]. Воспоминания в девяносто. Тайбэй: Лунвэнь чубаньшэ, 1990. 187 с.

Davies J. P. *China Hand: An Autobiography.* Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2012. 376 p.

Russell M. W. *From Imperial Soldier to Communist General: the Early Career of Zhu De and His Influence on the Formation of the Chinese Red Army.* Ann Arbor: G.Washington Univ. Press, 2009. 436 p.

Smedley A. *The Great Road: The Life and Times of Chu Teh.* New York: Monthly Review Press, 1956. 461 p.

Sutton D. *Provincial Militarism and the Chinese Republic: The Yunnan Army, 1905–1925.* Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1980. 404 p.

IGOR E. POZHILOV

Institute of China and Contemporary Asia RAS
Moscow, Russia
pozhilov1@yandex.ru

On Zhu De's Entry into the Communist Party

Abstract: The spread of Marxism in China is undoubtedly one of the most important phenomena in the first decades of the 20th century. Its ideas became the property of representatives of various social classes, groups and strata. And there is nothing surprising in this — the string of a radical and, most importantly, relatively rapid reorganization of society on the principles of universal equality and justice sounded too attractive and tempting in Marxism. At the same time, history has preserved not so many examples of the transition to Marxist positions of those who, in the eyes of the Chinese nation, directly and immediately personified power, domination and tyranny. Perhaps the most notable among them was the outstanding statesman and military figure of the CPC Zhu De.

Keywords: China, Marxism, the CPC, Zhu De.

АЛЛА ЛЕОНИДОВНА ВЕРЧЕНКО

Институт Китая и современной Азии РАН

Москва, Россия

E-mail: veailan@yahoo.com

Из истории деятельности ВОКС по развитию контактов с Китаем в области просвещения в 1930-е годы

Аннотация: Статья посвящена деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) по расширению советско-китайского сотрудничества в области просвещения в 1930-е годы. Исследование проведено на основе документов Государственного архива РФ, отличительной чертой которых был гриф «не подлежит разглашению». Документы свидетельствуют об интересе китайских деятелей просвещения к опыту СССР и признании успехов СССР в деле образования. ВОКС сыграло роль одного из ключевых организаторов приема китайских деятелей просвещения, готовило программу пребывания гостей, обеспечивало их сопровождение при посещении образовательных учреждений, чем заслужило позитивную оценку многих китайских гостей.

Ключевые слова: Китай, СССР, ВОКС, сотрудничество в области просвещения.

© А. Л. Верченко

После восстановления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой в декабре 1932 г. появились признаки оживления двусторонних контактов в гуманитарной сфере, в том числе по линии просвещения. В 1933 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) успешно организовало программу пребывания в Москве делегации работников просвещения Китайской Республики (КР) во главе с директором Педагогического института Нанкинского университета Чэн Цибао [Верченко, 2024, 166–176]. По требованию Чан Кайши в состав делегации вошли хорошо образованные молодые люди, получивших зарубежное образование, владевшие иностранными

языками [Li Kaiyi, 2021]. Предполагалось, что они будут выполнять роль проводников реформы образования в Китае, призванной стать частью процесса модернизации общества, — долгосрочной цели китайского правительства¹. Речь шла о воспитании нового человека, которое должно было начинаться с детства. В поездке по странам Европы, предшествовавшей посещению СССР, члены делегации изучали разные системы образования в поисках элементов, приемлемых для китайской специфики [Li Kaiyi, 2021]. В Москве ВОКС ознакомило гостей с постановкой образования в СССР, начиная с яслей, кончая ВУЗами и научными учреждениями. За две недели ВОКС выполнил все запросы членов делегации, а они касались огромного спектра проблем, т. к., по словам Чэн Цибао, в Китае имели весьма смутное представление об СССР. Стояла задача заполнить пробелы по интересовавшей их теме². Визит заложил основу для продолжения контактов.

В 1935–1936 гг. ВОКС продолжил деятельность по обеспечению ознакомительных программ для ряда других делегаций и отдельных лиц — работников просвещения и общественных деятелей КР, выполняя практически все пожелания гостей. ВОКС обеспечивал сопровождение и перевод, организовывало встречи с руководителями посещаемых объектов, для чего на этапе подготовки программы взаимодействовало со многими советскими учреждениями и организациями.

В ходе исследования не удалось установить имена всех визитеров. Имена записывались произвольно, на слух, иногда по-разному в разных отчетах, нередко давалась только фамилия, не точно обозначалось место работы. Тем не менее, анализ архивных документов дает основание утверждать, что основная часть китайских представителей занимала высокие должности. Они могли влиять на принятие решений в области просвещения, приезжали по официальной линии, т. е. они были командированы китайским правительством (ректор Хубэйского провинциального института народного просвещения Ло Тингуан, декан университета в Тяньцзине Чан Пецин³). Г-жа Чжан, заместитель директора Департамента охраны материнства и младенчества Министерства здравоохранения КР, прибыла по приглашению Наркомата здравоохранения

¹ В Китае и раньше интересовались советской системой просвещения. В 1925 г. ВОКС организовал ознакомительную программу для делегации китайских учителей школ КВЖД. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 5. Л. 19.

² ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 108. Л. 20.

³ Имя не установлено.

РСФСР, но ее ознакомлением с детским учреждениями занималась ВОКС. Чжан и Ло Тингуан были знакомы с работами советских педагогов (Э. М. Конюс, А. П. Пинкевича), а Чжан специально начала изучать русский язык, чтобы «самой разбираться без посредников во всех вопросах»⁴.

Сотрудники Посольства КР в СССР сопровождали гостей при посещении ВОКС и образовательных учреждений. Отдельные гости были знакомы с отчетом делегации, посетившей СССР в 1933 г., что следует из запросов на посещение того или иного объекта, входившего ранее в программу делегации Чэн Цибао. Некоторые делегации заранее присылали список объектов, которые они хотели бы осмотреть. В ВОКС за содействием обращались также приехавшие в СССР самостоятельно деятели просвещения: социолог, основатель факультета социологии университета Цинхуа Чэнь Да, бывший профессор Пекинского университета Сю, который имел рекомендательное письмо от Общества друзей китайского народа в Лондоне, бывший мэр Гуанчжоу Чэн Тяньгу. ВОКС оказало содействие члену Организационного комитета китайской спортивной делегации на Олимпийские игры 1936 г. Паулю Суну в ознакомлении с внеклассной работой с детьми, в частности, с пионерскими организациями и состоянием детского спорта⁵.

ВОКС помог поверенному в делах КР в СССР У Наньжу устроить сына в московский детский сад завода «Каучук», о котором китайский дипломат очень высоко отозвался. Стоит отметить личное участие У Наньжу в организации сотрудничества по линии просвещения. На период его нахождения в должности пришелся пик активности педагогических обменов.

В июне 1936 г. СССР посетил бывший министр иностранных дел, член ЦИК Гоминьдана Ван Чжэнтин. Хотя он прибыл по приглашению НКВД, ВОКС обеспечивал большую часть его программы, в которую вошли посещение Дворца пионеров, яслей и Болшевской трудовой коммуны.

Представляется важным отметить, что китайские гости, как правило, уделяли большое внимание опыту СССР по воспитанию младшего поколения, начиная с яслей. Китайские авторы отмечают, что ясли появились в Китае в 1929 г. Национальное правительство открывало их для разных категорий трудящихся (для заводских рабочих, крестьян, служащих). Вовлечение женщин в общественное производство продолжало оставаться не решенной

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 208. Л. 34, 59.

⁵ Там же. Л. 42.

до конца проблемой. Педагог-реформатор Тао Синчжи говорил, что работницы, крестьянки и женщины-служащие должны работать, а для этого необходимо повсеместно открывать ясли⁶, но они не имели широкого распространения и не были общедоступными. К концу республиканского периода их насчитывалось лишь 119 (на 453 млн. населения)⁷. Простые работницы продолжали брать детей на фабрики, где они проводили время рядом со станком матери. Крестьянки работали в поле с малышами, привязанными на спине. В городе роль помощниц для молодых матерей играли старшие члены семьи, традиционно проживавшие в одном доме. Известный общественный деятель Цзоу Таофэнь в 1935 г. писал, что больше всего яслей в СССР, благодаря чему женщины составляли одну треть всех работающих, и это помогало строить новое общество⁸. Советский Союз представлялся образцом для изучения. Именно поэтому большинство делегаций изъявляло желание ознакомиться с организацией яслей.

ВОКС организовывало посещение яслей, встречи с заведующими, а также снабжало гостей соответствующей литературой. Чан Тецин, например, составил целый конспект на основании беседы в яслях. Особенно его интересовали статистические данные, свидетельствовавшие о том, насколько ясли освобождают женщину и дают ей возможность включиться в общественную жизнь⁹.

Не меньшее внимание китайские работники просвещения уделяли постановке начального и среднего образования, в том числе трудового и внеклассного. Китайских педагогов в СССР интересовали охват детей начальным и средним образованием, его качество в городе и на селе, трудовые навыки в школе, гендерное равенство в образовании, меры по ликвидации неграмотности, детские организации — все те проблемы, которые в СССР успешно решались, а в Китае только предстояло решать. Большими преимуществами советской системы образования китайские гости считали ее централизованный характер и четкую организационную

⁶ «Юто наньги» инь гуаньчжу даннянь насе тоэрсо ши цзэньмэ «сяоши» дэ? [“幼托难题” 引关注 当年那些托儿所是怎么“消失”的?]. Проблема ухода за детьми привлекает внимание, почему же тогда исчезли ясли? URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-11/20/c_1121981948.htm (дата обращения: 10.06.2024) (на кит. яз.).

⁷ Ян Цзюйхуа. Синь шидай «ю ю со юй» хэи шисянь [杨菊华: 新时代“幼有所育”何以实现]. Ян Цзюйхуа. Как воспитывать детей в новую эпоху. URL: https://www.csn.cn/jyx/xqjy/202211/t20221108_5561741.shtml (дата обращения: 10.06.2024) (на кит. яз.).

⁸ Там же.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 4. Д. 208. Л. 21.

вертикаль, хорошую подготовку кадров и искреннее желание педагогов работать. Китай, хотя формально был объединен под властью нанкинского правительства, в действительности оставался раздробленным. В разных районах существовали неодинаковые регламенты образования, что затрудняло проведение реформы.

ВОКС регулярно предлагало китайским гостям посещение Центрального дома художественного воспитания детей. Организованный ВОКС визит Ло Пингуана в Музей детской книги завершился подписанием соглашения об обмене книгами¹⁰.

ВОКС приняло активное участие в подготовке экспонатов для состоявшейся в 1935 г. в Китае Выставки детской литературы и сборе материала для раздела о просвещении в СССР для «Ежегодника народного просвещения Китая. 1935». По запросам китайских учреждений ВОКС отправляло в Китай для Министерства просвещения, уполномоченного ВОКС П. Саратовцева, Китайско-советского культурного общества книги о начальной и средней школе, о положении учительства, документы по вопросам образования, а также учебники, дидактические материалы и методические пособия.

В 1930-е гг. ВОКС играло роль одного из важных организаторов советско-китайского сотрудничества в области просвещения, обеспечивало запросы китайских делегаций, проявлявших интерес к делу просвещения в СССР. Переводчики ВОКС, сопровождавшие китайских гостей в своих отчетах отмечали отсутствие недружелюбия и подозрительности в их поведении, констатировали интерес к предоставляемой информации и отмечали наличие вопросов об общем положении в Советском Союзе. Сотрудники ВОКС накопили существенный опыт по тематическому обслуживанию китайских делегаций и получали благодарственные письма за прием.

Однако развитие внутривосточной ситуации и японо-китайская война помешали реализации в полном масштабе намеченных ВОКС планов по советско-китайскому сотрудничеству в области просвещения.

¹⁰ Там же. Л. 36.

ЛИТЕРАТУРА

- Верченко А. Л.** Деятельность Всесоюзного общества культурной связи с заграницей по приему китайской педагогической миссии в 1933 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2024. №1. С. 166–176. DOI 10.31857/S0131281224010131.
- Li Kaiyi.** Transnational Education between The League of Nations and China. The Interwar Period. 2021. 239 p. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-82442-6_6 (accessed: 26.06.2024).

ALLA L. VERCHENKO

Institute of China and Contemporary Asia RAS
Moscow, Russia
veailan@yahoo.com

From the History of VOCS Developing Contacts with China in the Field of Education in the 1930s

Abstract: The article is devoted to the activities of the USSR Society for Cultural Relations with Abroad (VOKS) on the expansion of the Soviet-Chinese cooperation in the field of education in the 1930s. The study was conducted on the basis of documents of the State Archive of the Russian Federation, the distinctive feature of which was a stamp “not subject to disclosure”. The documents show the interest of Chinese educators in the experience of the USSR and recognition of the success of the USSR in the sphere of education. VOKS played a key role in hosting the reception of Chinese educators, prepared the program of stay of guests, provided them with support during their visits to educational institutions, for which it earned the positive evaluation of many Chinese guests.

Keywords: China, USSR, VOKS, cooperation in education.

Кирилл Евгеньевич Кузьмин

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

kirillkuzmin97@yandex.ru

Нанкинская резня в исторической памяти Китая: от забвения к актуализации

Аннотация: Работа посвящена изучению места Нанкинской резни 1937 г. в исторической памяти китайского общества в послевоенные десятилетия вплоть до нач. 2020-х гг. В работе рассмотрена эволюция памяти о резне от забвения в 1950–1970-е гг. до актуализации 1980–1990-х гг. и превращения Нанкинской резни в один из ключевых нарративов современной исторической памяти Китая.

Ключевые слова: Нанкинская резня, историческая память, забвение, «век унижений».

© К. Е. Кузьмин

Историческая память о событиях прошлого играет важную роль в формировании национальной идентичности, а также в процессе создания объединяющих общество нарративов. Современная историческая память в Китайской Народной Республике зиждется, в основном, на событиях предыдущих двух столетий. Одним из ключевых и важнейших для современных китайских властей и общества нарративов является история сопротивления Китая японской агрессии в 1931–1945 гг., а также Нанкинская резня 1937 г. как наиболее выразительное свидетельство зверств армии тогдашней Японии. Однако такая ситуация была не всегда: нарратив Нанкинской резни претерпел серьезную эволюцию в памяти китайского народа от забвения до актуализации.

Память о Нанкинской резне 1937 г. в китайском обществе в 1945–1949 гг. была локализована в самом Нанкине. В первые годы тема

резни была актуальной для общества и властей. Одной из причин, по всей видимости, является проведение в 1946–1947 гг. Нанкинского трибунала по военным преступлениям, в результате которого, помимо всего прочего, было установлено официальное число погибших (около 300 000 человек) [Yoshida, 2006, p. 70]. Кроме того, в 1946 г. власти Нанкина объявили 13 декабря днем памяти погибших в резне, а в 1947 г. в городе прошли мероприятия, посвященные «нанкинским мученикам». Однако уже в следующем году интерес к трагедии у официальных властей ослаб. Исследователи называют различные причины забвения, среди которых — обострение Гражданской войны, а также заинтересованность Чан Кайши в выстраивании дружеских отношений с Японией [The Nanjing Massacre, 2021, pp. 82–85].

В коммунистическом Китае событие впервые «вспомнилось» в 1951 г., однако только лишь в контексте начавшейся «холодной войны». Нанкинская резня стала инструментом пропаганды и борьбы против «американского империализма». Так, исследователи отмечают, что в СМИ продвигалась идея, что «создание нанкинской зоны безопасности было тайным сговором между американскими и японскими «дьяволами» с целью уничтожить китайское патриотическое сопротивление, которое наносило серьезный ущерб вторгшимся японским войскам» [The Nanjing Massacre, 2021, pp. 20–21]. Однако когда напряжение в отношениях с США ослабло, а с Японией стали налаживаться выгодные экономические контакты, Нанкинская резня вновь была предана забвению официальными коммунистическими властями. Память о ней существовала только на низовом уровне среди свидетелей и пострадавших. В 1960 г. Нанкинским университетом было организовано проведение ряда интервью с очевидцами трагедии, которые затем были собраны в отдельную книгу, издание которой было, однако, запрещено властями [Yoshida, 2006, pp. 69–70]. В конечном итоге, вплоть до нач. 1980-х гг. тема Нанкинской резни в Китае не была востребована, по крайней мере, на уровне официальных властей и СМИ. Нельзя сказать, что Нанкинская резня в данный период была предана полному забвению и исчезла из памяти, однако она существовала как объект коммуникативной памяти, т. е. только среди первичных агентов (свидетелей, пострадавших и их потомков) [Перминова, 2021, с. 86].

Ситуация с памятью о резне в КНР изменилась в нач. 1980-х гг. после «культурной революции» и разгрома «банды четырех», в результате старта «политики реформ и открытости» и постепенно отказа от многих постулатов маоизма. Китайское руководство

во главе с Дэн Сяопином начало выстраивать новый фундамент национальной идентичности на основе патриотизма и памяти о прошлом. Соответственно, тема Нанкинской резни стала активно возвращаться в общественное поле как объект обсуждения и рефлексии. В частности, увеличилось число публикаций в китайских СМИ, посвященных теме. В КНР стали публиковаться воспоминания оставшихся в живых очевидцев, переживших трагедию.

Особенным моментом в смысле коммеморации стал 1985 г. — год 40-летия окончания Второй мировой войны. 15 августа, в день годовщины капитуляции Японии, в Нанкине был открыт Мемориальный зал жертв Нанкинской резни. На стене у входа было выбито число «300 000» как отсылка к количеству погибших от рук японских военных. На одном из элементов мемориала была помещена фраза «Никогда не забывай национального унижения» («勿忘国耻») [He, 2007, p. 58]. Тогда же впервые власти провели памятную церемонию с использованием сигнала воздушной тревоги, венков и голубей [The Nanjing Massacre, 2021, p. 23]. Также в этом году был проведен ряд мероприятий — выставок, симпозиумов, поминальных акций. Тем самым сюжет трагедии в Нанкине стал одним из основных в китайской исторической памяти и в политическом использовании прошлого с целью воспитания патриотизма и уважения к истории как скрепляющей основе.

Кризис 1989 г. и разгон студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь стал, по мнению исследователей, поворотным и в вопросе отношения к памяти как инструменту и общественному фундаменту. В 1990-е гг. патриотическое воспитание еще более усилилось и стало активнее опираться на историческую память. Все чаще стал насаждаться нарратив, виктимизирующий китайскую историю последних 150 лет, когда события 1840–1940-х гг. стали олицетворять «век унижений» страны колониальными государствами [Zheng, 2012, p. 102]. Японское вторжение 1931 г. и война 1937–1945 гг. были встроены в общее повествование об «унижении» страны. Нанкинская резня заняла ключевое место в этом восприятии как важнейший пример японской агрессии по отношению к китайскому государству и народу.

В 1995 г. в Китае было привлечено особое внимание к празднованию 50-летия окончания войны. В Нанкине был обновлен мемориал погибшим. Трагедии была посвящена передвижная выставка, которую посетило более 400 000 человек. Снимались и транслировались документальные и художественные фильмы, посвященные резне (к примеру, «Не плачь, Нанкин»), проходили фотовыставки. Усиленное внимание к Нанкину было вызвано,

по мнению исследователей, укреплением патриотического воспитания, а также активизацией ревизионистской риторики в японском истеблишменте, что не могло не вызывать сопротивления со стороны властей КНР [Yoshida, 2006, pp. 144, 157].

В 2000-е гг. Нанкинская резня вновь несколько ушла из публичного политического поля, однако она по-прежнему оставалась важным элементом исторической памяти китайцев. В эти годы выходил ряд китайских художественных фильмов, посвященных Нанкинской резне.

Политическое «воскрешение» события 1937 г. произошло в первые годы руководства Си Цзиньпина. В 2014 г. 13 декабря было объявлено официальным Днем памяти жертв Нанкинской резни¹. В этот день стали регулярно проводиться памятные акции — поминальные мероприятия в Нанкине и по всей стране, публикация материалов, проведение выставок и т. д. Важнейшим элементом коммеморации Нанкинской резни стала работа СМИ (проведение трансляций и мемориальных программ), а также использование Интернета («онлайн-траур», когда пользователи Сети могли «почтить память жертв Нанкинской резни и других жертв войны сопротивления, «зажегши виртуальные свечи», «посадив виртуальные деревья», «возложив виртуальные цветы», «позвонив в виртуальные колокола» и т. д.) [The Nanjing Massacre, 2021, p. 150]. Сюжет Нанкинской резни стал активно использоваться властями как элемент пропагандистской и политической риторики в контексте «великого возрождения китайской нации», происходящего благодаря Коммунистической партии и руководству Си Цзиньпина².

Таким образом, можно отметить, что память о Нанкинской резне претерпела серьезную эволюцию от забвения 1950–1970-х гг. до актуализации в 1980–1990-е гг. и активного вспоминания и использования во внутривластных целях, продолжающегося и по сей день.

¹ Верховный законодательный орган КНР решил учредить День победы в войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и День памяти жертв Нанкинской массовой резни [Электронный ресурс] / Жэньминь жибао. 2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8549592.html> (дата обращения: 13.08.2024).

² 中共中央、国务院在南京举行2021年南京大屠杀死难者国家公祭仪式 孙春兰出席并讲话 = Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет провели в 2021 году в Нанкине национальную церемонию в память о жертвах Нанкинской резни. Сунь Чуньлань присутствовала на ней и выступила с речью [Электронный ресурс] / Синьхуа. 2021. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2021-12/13/c_1128158200.htm (дата обращения: 14.08.2024) (на кит. яз.).

ЛИТЕРАТУРА

- Перминова В. А.** Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х — начале 80-х годов XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 4. С. 80–90.
- He Y.** Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // *History and Memory*. 2007. no. 19 (2). Pp. 43–74.
- The Nanjing Massacre and the Making of Mediated Trauma. Ed. by H. Li, Sh. Huang. Routledge, 2021. 236 p.
- Yoshida T.** The Making of the “Rape of Nanking”: History and Memory in Japan, China, and the United States. Oxford University Press, 2006. 279 p.
- Zheng W.** Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chi-nese Politics and Foreign Relations. Columbia University Press, 2012. 311 p.

KIRILL E. KUZMIN

Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
kirillkuzmin97@yandex.ru

Nanjing Massacre in the Historical Memory of China: From Oblivion to the Actualization

Abstract: The work is devoted to the study of the place of the Nanjing massacre of 1937 in the historical memory of Chinese society in the post-war decades up to the beginning of the 2020s. The paper examines the evolution of the memory of the massacre from oblivion in the 1950s and 1970s to the actualization of the 1980s and 1990s and the transformation of the Nanjing massacre into one of the key narratives of modern historical memory in China.

Keywords: Nanjing massacre, historical memory, oblivion, “the age of humiliation”.

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БУТЬКО

Институт Востоковедения РАН

Москва, Россия

eugen1299gmail.com

Ревизия взглядов на участие Республики Корея во Вьетнамской войне в южнокорейском обществе на рубеже XX–XXI веков

Аннотация: В период Вьетнамской войны на стороне Южного Вьетнама выступили не только США, но и ряд стран, включая Республику Корея (РК). Участие в войне для РК большое влияние на развитие государства. Целью нашего исследования является определение характерных черт коллективной памяти об участии РК в конфликте, возникших в период кон. XX — нач. XXI вв. Было установлено, что после периода забвения темы участия в войне и демократизации общества в РК возрос интерес к событиям войны. Это привело не только к переоценке роли РК в конфликте, но и к возникновению в обществе плюрализма мнений и разного рода конфликтам на этой почве, сохраняющимся и по сей день. Одни считают участие в войне необходимым шагом в рамках антикоммунистической политики, другие выражают сожаление и требуют официальных извинений за действия корейских войск во Вьетнаме.

Ключевые слова: Вьетнамская война, Республика Корея, Холодная война, южнокорейский контингент, коллективная память.

© Е. С. Бутько

Причины вступления РК в войну лежали во внутренних экономических и политических неурядицах, возникших после Корейской войны и правления Ли Сынмана. Пришедшая ко власти в результате военного переворота группа высших военных офицеров во главе Пак Чонхи поставила перед собой цель кардинальной политической и экономической реорганизации государства из бедной аграрной страны в мощную индустриальную державу.

Одним из способов решения проблем, препятствовавших экономическому развитию страны, стало участие во Вьетнамской войне при военной и экономической поддержке США. Необходимость в развитии экономики и военно-промышленного комплекса, усилении военного политического режима Пак Чонхи, модернизации армии и укреплении национальной безопасности на фоне быстро развивающейся КНДР, привела к решению правительства об отправке южнокорейских войск в Южный Вьетнам [Курбанов, 2009, с. 316–317; Чон Хёну, 2018, с. 3, 8–10; Larsen, Collins, 1985, pp. 2–3].

Восприятие Вьетнамской войны южнокорейским обществом менялось со временем. Основа для восприятия войны во Вьетнаме в целом возникла ещё в ходе предшествовавшей ей 1-й Индокитайской войны, в период борьбы вьетнамского народа против французского колониализма. Если во время 1-й Индокитайской войны и на раннем этапе Вьетнамской войны часть корейцев разделяла стремление вьетнамцев к независимости без какого-либо идеологического подтекста, то после установления военного диктаторского режима Пак Чонхи в стране укрепилось антикоммунистическое реалистичное восприятие Вьетнамской войны, участие в которой было признано средством осуществления экономической модернизации страны. По мере эскалации конфликта, правительство РК предпринимало меры для экономического развития страны и постоянно внушало населению представление о необходимости участия в войне, разрабатывая и осуществляя различные стратегии по формированию системы социальной мобилизации в целях установления общественного консенсуса относительно отправки войск во Вьетнам. В результате, южнокорейское общество было охвачено т. н. «вьетнамским бумом» (воллабум). СМИ сообщали о результатах деятельности отправленных во Вьетнам рабочих и солдат, чью деятельность поощряло государство, а также указывали на экономическую выгоду от участия во Вьетнамской войне. Одним из эффектов «вьетнамского бума» стало увеличение импорта различных иностранных товаров. Южнокорейское население стало ощущать результат отправки солдат и рабочих во Вьетнам в материальном аспекте, при чём в положительную сторону [Чон Хёну, 2018, с. 23, 29–31; Lee, 2010, p. 37].

Однако существовала огромная разница между периодом отправки южнокорейских войск во Вьетнам и периодом их возвращения на родину. По мере роста военного участия РК во Вьетнамской войне общественное отношение к этому стало меняться. Возвращение раненых из Вьетнама, большое количество погибших солдат на войне, информация об антивоенных протестах

в США стали теми факторами, которые пошатнули позиции сторонников Вьетнамской войны, рассматривавших конфликт через призму идеологии в рамках антикоммунизма и «защиты свободы и демократических ценностей». И поскольку Вьетнамская война в конечном итоге закончилась победой Северного Вьетнама, воспоминания о войне ещё больше притупились, и истории, связанные с войной, уже не имели прямого отношения к южнокорейскому обществу и были сведены к «инструменту поддержания системы, который даёт урок» [Чхве Холим, 2007, с. 106–107; Чхве Чонги, 2009, с. 10–11].

В результате, экономические проблемы в стране, стратегии правительства по мобилизации населения для участия в войне, государственная пропаганда и цензура привели к размыванию сути войны, а также сокрытию неудобных для корейской пропаганды фактов военных преступлений против вьетнамского мирного населения. Вместе с этим, это привело и к снижению должного внимания к ветеранам, пережитому ими опыту и их проблемам, связанными с посттравматическим стрессовым расстройством ПТСР и последствиями от применения дефолианта, в послевоенный период до начала 1990-х гг. Деятельность ветеранов и их жертвенность не были оценены по достоинству ни со стороны государства, ни со стороны общественности. Это был тот исторический опыт, когда корейские ветераны Вьетнамской войны были забыты в рамках национальной политики [Чон Хёну, 2018, с. 4–6, 8–10; Armstrong, 2001, p. 531].

Ситуация изменилась в районе второй половины 1980-х гг., в период пересмотра Конституции и демократической трансформации РК. В ходе демократизации страны возрос интерес к событиям Вьетнамской войны, что выразилось в общественных дебатах и переоценке роли РК в конфликте. В целом, рубеж XX–XXI вв. в истории РК характеризуется широкомасштабным пересмотром событий прошлого. В качестве примера можно привести пример с пересмотром событий восстания на острове Чеджу в апреле 1948 г. и восстания в Кванджу в мае 1980 г. Тогда проводились многочисленные расследования, немалую роль в котором играли правительственные комитеты, созданные по инициативе разного рода групп, включая правительственных, в целях расследования событий [Ким, 2021, с. 152]. Вьетнамская война не стала исключением.

Процесс демократизации страны привёл не только к возвращению интереса к событиям Вьетнамской войны и переоценке роли Южной Кореи в конфликте, но и к возникновению в обществе плюрализма мнений и разного рода конфликтам на этой

почве. В период 1990-х гг. широкой общественности стали известны ранее закрытые темы — проблемы Лай Тайхан (лиц, рождённых от вьетнамских матерей и южнокорейских отцов) и проблемы ветеранов, пострадавших от применения дефолианта и ПТСР, а также массовые убийства вьетнамских мирных жителей южнокорейскими войсками [Ли Хану, 2006, с. 133–136]. Последняя тема была поднята в мае 1999 г. благодаря серии репортажей корреспондента газеты «Ханкёре 21» Ку Суджон, получившая данные о массовых убийствах южнокорейской армией вьетнамских гражданских лиц, и ставшая впоследствии директором Корейско-вьетнамского фонда мира.

Следует отметить, что период 1999–2000 гг., оказался переломным в плане переосмысления эпизода участия Южной Кореи во Вьетнамской войне, но весьма напряжённым. В этот период члены редакции газеты «Ханкёре 21» провели мероприятие по сбору средств для семей жертв массовых убийств в ходе Вьетнамской войны. Однако вскоре группа оскорблённых ветеранов совершила нападение на здание издательства в знак протеста против движения за выяснение правды о массовых убийствах мирных жителей Вьетнама. Параллельно с этим, сторонниками осуждения участия РК во Вьетнамской войне был создан «Комитет установления истины о Вьетнамской войне». В декабре 2000 г. вышеупомянутый комитет совместно с Ассоциацией военных обозревателей провёл «Дебаты по переосмыслению участия южнокорейских войск во Вьетнаме», однако участники дебатов не пришли к единому мнению и разногласия не были сглажены [Ли Хану, 2006, с. 137–140; Yoon, 2013, p. 10]. В итоге, обозначился раскол в южнокорейском обществе между представителями послевоенного поколения с прогрессистскими взглядами и ветеранами войны, придерживающихся консервативных позиций.

Следует понимать, что в 1990-х гг. южнокорейские ветераны получили возможность организованно донести свои идеи и проблемы южнокорейской общественности. Так, в начале 1990-х гг. общественности стало известно о проблемах ветеранов, пострадавших от применения дефолианта. Впервые в РК об этом узнали благодаря австралийским ветеранам Вьетнамской войны в 1991 г. В результате, последствия применения дефолианта для пострадавших ветеранов стали рассматриваться ветеранскими, правозащитными и религиозными организациями как социальная проблема [Ли Хану, 2006, с. 134; Чхве Чонги, 2009, с. 13]. По данным Министерства по делам ветеранов и патриотов было зарегистрировано около 80000 ветеранов с осложнениями, вызванными

применением дефолиантов [Ли Хану, 2006, с. 134; Чхве Чонги, 2009, с. 13]. Между тем, пострадавшие ветераны США, Австралии и Новой Зеландии, получили в общей сложности 240 млн. долларов компенсации в результате судебных тяжб с производителями дефолиантов. Но жертвы дефолиантов в Южной Корее, на Филиппинах и в Таиланде не получили какие-либо компенсации от производителя [Чхве Ёнхо, 2005, с. 164].

Таким образом, тема участия южнокорейских войск во Вьетнамской войне, не оказалась табуированной, но прошла через период забвения в стране. Цитируя Чхве Чонги, «в 1990-е гг., после демократизации южнокорейского общества, воспоминания о Вьетнамской войне были реконструированы, но они сложились по-разному, в соответствии с различиями субъектов, и даже резко противопоставлялись друг другу. Ветераны демонстрируют широкий спектр воспоминаний и действий только на личном уровне, но, по крайней мере, на коллективном уровне они демонстрируют те же идеологические и политические установки, что и государство, которое сначала призвало солдат на войну, а потом предало их забвению. С другой стороны, представители послевоенного поколения реконструируют свои воспоминания о войне через посещение Вьетнама или СМИ, испытывают чувство вины за действия корейских военных во Вьетнаме и даже выражают его в различных формах» [Чхве Чонги, 2009, с. 29–32]. Подобный раскол остаётся и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

- Курбанов С. О.** История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Издво С.-Петербург. ун-та, 2009. 680 с.
- Тихонов В. М., Кан Мангиль.** История Кореи. Том 2. Двадцатый век. М.: Наталис, 2011. 499 с.
- Ким Н. Н.** Как в Южной Корее вспоминают восстание в Кванджу 18 мая 1980 года: политические коллизии вокруг практик коммеморации в XXI веке. Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 148–161.
- Ли Хану.** Хангуги понын петхынамджонджэн: чэнджомгва нони [이 한우. 한국이 보는 베트남전쟁: 쟁점과 논의]. Вьетнамская война в корейской перспективе: Вопросы и аргументы. Согантэхакэ тонаёнгусо, 2006. 43 с. (на кор. яз.).
- Чон Хёну.** Петхынамджонджэн чхоги (1964–1968), хангуксахве-ый петхынамджонджэн мит кугун пхабёне тэхан инсик-пхаволь пёнсава кисульджарыль чунсимыро- [정현우. 베트남전쟁 초기 (1964~1968), 한국

사회의 베트남전쟁 및 국군 파병에 대한 인식—파월(派越) 병사와 기술자를 중심으로—. Ранние этапы Вьетнамской войны (1964~1968), восприятие корейским обществом Вьетнамской войны и развертывание войск. Фокус на солдатах и технических специалистах. Конгуктэхакё тэхаквон сахаква, 02.2018. 43 с. (на кор. яз.).

Чхве Ёнхо. Пхетхынам чонджэн-есо хангутгун-ый чакджон мит минса-симниджон сухэнъбанъбоб-гва кельгва [최용호. 베트남전쟁에서 한국군의 작전 및 민사심리전 수행방법과 결과]. Исследование военных операций, гражданских дел и психологических операций вооруженных сил Республики Корея во время Вьетнамской войны. Кёнгитэхакгё, 2005. 208 с. (на кор. яз.).

Чхве Холим. Вольнамджон чхамджонёнса-ый чонджонгчи квангван-гва чэнджонъкиог-ый чэгусон [최호림. '월남전 참전용사'의 전적지 관광과 전쟁기억의 재구성]. Этнография путешествий корейских ветеранов по местам боев во Вьетнаме: «Вьетнамская война», туризм и политика памяти войны. Пигёмунхваёнгу, 2010. С. 71–114. (на кор. яз.).

Чхве Чонги. Хангутгун-ый петхынамджон чхамджон, оттокхе киогтвего иннынга? -консикчогин киогва тэханкиог-ый чхаирыль чунсимыро- [최정기. 한국군의 베트남전 참전, 어떻게 기억되고 있는가?—공식적인 기억과 대항기억의 차이를 중심으로—]. Участие корейской армии в войне во Вьетнаме, как люди помнят об этом? С фокусом на разнице между публичными и устойчивыми воспоминаниями. Минджуджуива Ингвон, 2009. 28 с. (на кор. яз.).

Armstrong C. K. America's Korea, Korea's Vietnam. *Critical Asian Studies*, 2001, vol. 33, no. 4, pp. 527–540.

Larsen S. R., Collins J. L. Jr. Vietnam Studies: Allied Participation in Vietnam // Washington, DC: Department of the Army, 1985, pp. 120–160.

Lee Jin-kyung. Service economies: Militarism, sex work, and migrant labor in South Korea. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2010, 408 p.

Yoon Chung-ro. Politics of Memory and Commemoration of the Vietnam War in Korea // *Korean Social Sciences Review*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 1–32.

EVGENIY S. BUTKO

Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russia
eugen1299gmail.com

Revision of Views on the Participation of the Republic of Korea in the Vietnam War in the South Korean Society at the Turn of the XX–XXI Centuries

Abstract: During the Vietnam War, not only the United States but also a number of countries, including the Republic of Korea (ROK), took the side of South Vietnam. Participation in the war for the ROK had a great impact on the development of the state. The purpose of our study is to determine the characteristic features of the collective memory of the ROK's participation in the conflict, which emerged during the period of the late XX — early XXI centuries. It was found that after a period of oblivion of the theme of participation in the war and democratization of society in the RK, interest in the events of the war increased. This led not only to a reassessment of the RoK's role in the conflict, but also to the emergence of a plurality of opinions in society and various kinds of conflicts on this ground that persist to this day. Some consider participation in the war a necessary step within the framework of anti-communist policy, while others express regret and demand an official apology for the actions of Korean troops in Vietnam.

Keywords: Vietnam War, Republic of Korea, Cold War, South Korean contingent, collective memory.

УДК 323.272/323.276

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-20

OLIVIER P. ROQUEPLO

Sorbonne

Paris, France

oe_roqueplo_count_of_alava@yahoo.com

The Spring Revolution in Myanmar (2021–2024): A New 1988, a New Civil War

Abstract: The paper considers the Burmese coloured revolution starting in 2021 as just one stage of a larger all-Burmese war that has never completely stopped since independence, a war between the Burmese ethnic core and its army guaranteeing nationalism on the one hand, and the democratic trend that is rapidly leading to instability on the other, while the minority armies and finally the Western forces seek to break up the country in order to regain a foothold in it. The paper focuses on the three core issues of the country's independence and unity, on the question of the path to development, and on the challenge of Thai soft power and its consequences in Myanmar.

Keywords: Myanmar, coloured revolution, Aung Sang Su Kyi, Burmese army, geopolitics.

© Olivier P. Roqueplo

Burma is one of the most isolated and least studied states in the world. However, it is in Burma that the theoretical and practical roots of all colour revolutions can be found, for it was for the Burmese opposition that the theorist Gene Sharp wrote his revolutionary textbook in 1993. An analysis of the colour revolution that started in Burma in 2021 is therefore of great interest, especially since this country does not hide behind words: the extreme brutality of the events shows in full light what a colour revolution really is.

I. Causes of the crisis

Since February 2021, there has been a real colour revolution, a direct continuation of the “8-8-88 Revolution” (August 8th 1988), with the same actors, the same interests and the same objectives: the overthrow of the junta in favour of a government that proclaims itself democratic and seeks rapprochement with the West. The armed groups of the 8–8–88 Revolution and their networks (internal and external) were never completely eliminated. Since 2021 they have been active again whereas the monks do not play a special role in this classic colour revolution, a key-difference with the so-called “Saffron Revolution” of 2007, which actually was a social movement¹.

The peculiarity of Burma lies in its being the origin of all the colour revolutions, both theoretically and practically: political scientist Gene Sharp wrote his book “From Dictatorship to Democracy” at the request of opponent U Tin Maung Win in 1993 to help him organise and continue the struggle against the Burmese junta within Thai borderlands (Manerplaw base, headquarters of opponents linked to Suu Kyi’s party). According to Sharp²: “I was brought to Burma by Robert Helvey, former US military attaché to Burma, who had become sympathetic to groups opposing the regime, especially the Karen. I was asked to write some articles for *Khit Pyaing*, a Burmese and English magazine based in Bangkok run by the late U Tin Maung Win, and these articles eventually became part of a publication sharpknown as *From Dictatorship to Democracy*. I also visited Manerplaw several times and met Burmese exiles in Thailand”. The book thus became a weapon that was immediately put into practice and led to the formation of armed groups. The Burmese students were then sent to military camps in Thailand where they were militarised by Anglo-Saxon agents and trained in Sharpe’s methods under Robert Helvey³.

According to Sharp, here is how the defeat of the colour revolutionaries on 8–8–88 is explained: ‘First of all, many of the opposition groups, the Karen, the Mon and others, had their armies and mini-armies and believed that they would be weakened if they abandoned them

¹ Alan Clements talks to U Gambira leader of the All Burmese Monks. [thefreelibrary.com, URL: thefreelibrary.com/Alan+Clements+talks+to+U+Gambira%2C+a+leader+of+The+All+Burma+monks...-a0177056905](https://thefreelibrary.com/Alan+Clements+talks+to+U+Gambira%2C+a+leader+of+The+All+Burma+monks...-a0177056905) (accessed 02.01.2024).

² **Sharp G.** The Burmese Resistance failed. *The Irawaddy* 31.01.2018.

³ **Spencer M.** Training Pro-Democracy Movements: A Conversation with Colonel Robert Helvey. *Peace Magazine*, 01.01.2008. URL: <http://peacemagazine.org/archive/v24n1p12.htm> (accessed 02.01.2024).

and turned to non-violence, or “political disobedience” as it is called in Burma. Other groups, such as the All Burma Student Democratic Front, had their mini-armies and people in [training] camps, and although they temporarily agreed to move to disobedience, they turned around after a few years. All the different armed groups thought they could defeat the army, but I think that was a foolish judgement on their part because the army was bigger, stronger and had more weapons. And Aung San Suu Kyi [...] is not a strategist, she is a moral leader. This is not enough to plan a strategy. Although *From Dictatorship to Democracy* was written for Burmese, there were no Burmese groups that took this analysis seriously or used it as a strategy to liberate Burma. People were arrested and sent to jail for carrying them in Burmese and other languages, they could organise very powerful and courageous demonstrations in Rangoon and elsewhere, but they were not planning a grand struggle. If you don't plan, if you don't have a grand strategy, you won't win⁴.

Thus, in his view, it was the lack of a strategy for action and the absence of non-violent political action that explained the failure of the 8–8–88.

The constitutional issue was the original reason for the new revolution: the NLD (National League for Democracy) wants to eliminate the seats reserved for the army in parliament in 2019, put the army under the control of the president and abolish all the safeguards that the army has put in place to prevent relatives of foreigners from gaining direct access to power in the name of nationalism and state sovereignty⁵. The aim was to break the political power of the army and allow Suu Kyi, the wife and mother of a British, to become president of the state, even though she already controlled parliament and held the position of ‘state councillor’, equivalent to that of prime minister. However, Burma's political system is such that the army occupies the 166 seats allotted to it by the constitution. Parties sympathetic to the army (especially the Burma Solidarity and Development Party) still needed 167 seats to form a government and appoint a president. The NLD needed 333 seats to do the same. But with 396 seats for the NLD in November 2020 and only 33 for the Burma Solidarity and Development Party, the balance of the political system was put in question. The army disputed the election results and spoke of massive fraud that has yet to be proven (in October 2021). The army was worried and losing its ability to govern the country. Hence the need for a coup to restore balance. It is this balance that Suu Kyi's party no longer tolerates, hence the confrontation.

⁴ Ibid.

⁵ **Hohny S.** Why did the Myanmar military stage a coup? *The Hindu*, 02.02.2021.

Some commentators⁶ have suggested that General Hlaing's ambitions should be added to these reasons. At the time of the coup, the time was approaching for him to relinquish the title of army commander-in-chief (August 2021). To avoid losing it, he would have sought a coup d'état that would have allowed him to extend his military mandate and prepare an escape route, which would have been the position of President of Burma. However, this interpretation is not very certain: the general controls large companies (such as Mytel phones) through his family, and there is a hidden internal rivalry within the Burmese army that should have been obvious if it were only a matter of personal ambition. But the army supports its leader's actions. The colour revolution is primarily a question of the power of the army as a political force.

The political role of the army in Burma may seem exaggerated. But it is understandable in the context of a state that has never known peace in its territory since independence (armed minority uprisings constantly supported by the Anglo-Saxons, the occupation of the northeast by huge remnants of Chinese Kuomintang troops in exile in 1950–1961, the fight against drug traffickers in the Golden Triangle, communist guerrilla warfare in the northeast supported by Maoist China ...) and which experienced a period of political chaos between 1948 and 1962 during a parliamentary regime inspired by the democrat U Nu, Suu Kyi's "political ancestor". In fact, during this period of relative socio-economic prosperity, the Burmese state experienced a general political decay that only the army tried to stop. Fighting constant threats gave the army political legitimacy from the mid-1950s onwards, including under the democrat U Nu. It is interesting to analyse the peculiarity of the Army's political culture, which has retained power to this day. From 1962 to 1988, the Army settled all issues in the name of the principles of "ethnic nationalism, Buddhism, socialism, autarky". In 1988 the army began to abandon socialism and in the 1990s it abandoned autarky. They believed and believe that the war of independence against English colonialism is incomplete; and that the war against minorities and especially against the Karen Baptists and their English-trained officers is proof of this. The British, the US and Australians did seek the overthrow of the Government in 8–8–88. The army was not mistaken about their adversary⁷.

Another key reason for the crisis is that the urban socio-economic elite has been dissatisfied for decades: it sees the "Thai way of life" on

⁶ Ibid.

⁷ **Perry P. Myanmar.** La nouvelle Birmanie. Les mutations de la géographie politique d'un ordre politique figé. Cahier d'Outre-mer, N 199. 1997, pp. 225–243.

television and the internet and suffers from the lack of any access to it. The difference in development between the two countries is obvious: the Thai currency, the baht, is the international benchmark currency, the country has mastered modern technology and is one of the most developed countries in ASEAN and one of the most stable in Asia; Myanmar, on the other hand, is the poorest in ASEAN and one of the world's poorest. Yet, in 1950, there was no difference between the two countries' level of development. Therefore, urban elites want to "build Thailand" in Burma without taking into account the current reality of Burma. Burma remains very rural, unstable, facing endless wars on its fringes, and has had a policy radically opposite to Thailand since 1948. The dream of the Burmese democrats is unattainable because it presupposes a strong state and lasting peace.

A key element is the economic incompetence of all juntas. In 1988, the Junta had made a mistake that melted the savings of all students in the country thus lighting the revolution. In 2007, the Junta jacked up the price of fuel and thus all basic commodities, which was unbearable for the population and fed a long and repeated distrust of the Junta's policies.

Since 2021, the war is mainly between the Burmese model, which advocates national independence with a Burmese path to the future, and the Western model at the institutional level and therefore in all areas (economic, social, diplomatic, etc.).

II. Who supports the colour revolution?

We can distinguish two very different groups:

On the one hand one finds a highly politicised group, including metropolitan dwellers, students, Facebook users, i. e. young people, hipsters, the wealthy or middle class, who have been promoted during the economic and political openings of 2011–2021 and want more;

On the other hand a popular discontent, is also visible among trade unions, civil servants, truckers, railway workers and dockers. This discontent is partly economic in nature. But it is also political. Most unions are in favour of Suu Kyi and above all against the military, since all unions were banned by all successive juntas and only legalised in 2012 with the return of civilian rule.

Yet, the movement, as in 8–8–88, has a limited impact on the ethnically Burmese countryside, which stands for 70% of the population. They voted for Suu Kyi against the junta, but they are not protesting en masse against the junta.

The geography of the conflict is very simple and is shown on the map of the humanitarian crisis: the two main urban areas — Yangon and Mandalay — and the borderlands inhabited by ethnic minorities. It is exactly the same map as in 8–8–88, with a systematically revolutionary major role for Yangon, the former capital, heavily westernised since colonisation. The relocation of the capital to Naypyidaw in 2005 was as much about moving away from an Anglicised city as it was about moving away from a coast that was vulnerable to external attack. The colour revolution itself is essentially an ethnically Burmese metropolis-rooted event that lacked the support of the countryside and therefore the mainstream. A minority rebellion against an authoritarian central government is a constant phenomenon in Burmese history.

When it comes to political forces, the first one was the Burmese parliament: it was completely dominated by Suu Kyi's party (NLD). Very ambitious, this party had become almost a single party and wants to seize all power. In essence, it aims to establish democracy, but it does not respect the indispensable principle of any political liberalism: the separation and balance of powers. In that case, are we really going to move towards democracy since the party does not tolerate power sharing?

The NLD saw the 2011–2021 period not as the establishment of a functioning democratic system (despite the tensions) but as a transitional regime which it decided to end in 2019. From the very beginning of the crisis and very clearly at a key moment in the ASEAN peace plan, we see from these politicians the refusal of any negotiations with the Junta because “they are the legitimate authority”, that there can be no negotiations until the political prisoners (Suu Kyi and President Min Wint) are released. They also started a war against the army the day after the Junta accepted the ceasefire agreement. It is therefore clear that the NUG (so-called National “Unity” Government, in fact the Parliament), as in 8–8–88, is ruled by hardliners.

In general, it is necessary to emphasise the great brutality of Burmese political life, marked by assassinations, wars and insurgencies since 1948.

Suu Kyi is surrounded by the All Burma Student Democratic Front, which is an insurgent army established under 8–8–88. It has been recognised as a terrorist group even by the US. It is noteworthy that this army, based on the borderlands of Thailand, has used the same symbols as Suu Kyi's party (Peacock reaching for the star) since its inception: the front supported the NUG and has been accepted into it.

III. Quo vadis, Burma?

Given the statements of the NUG, the general trend was moving towards a deepening and widening of the civil war throughout the country. Moving very quickly from non-violent protest (February 2021) to a call to arms (late March 2021) and to actual terrorist attacks and a massive assassination campaign directed by the NUG or its allies against the Junta and its officials (since April). Added to this is the traditional insurgency of armed minorities. Bloodthirsty violence is now everywhere in the country, at least in all cities, in all societies and on all sides. However, it is clear that the NUG is too weak to gain territory in central Burma to exercise sovereignty and has already largely lost the battle for dominance in Yangon, Mandalay, and the ethnically Burmese core.

The NUG's policy now is to prevent the Junta from running the country by breaking definitely the backbone of local administration in towns and villages. But at the same time, the NUG has no real territory because its leaders are in prisons, in the minorities-ruled borderlands or abroad. The result: this policy can only lead to chaos, the suspension of all laws and the emergence of local armed mafias acting more for themselves than for the theoretical and distant power of the NUG. This is indeed the politics of the worst times.

However, the first scenario that is highly likely is a repetition of the 8–8–88 scenario: after a remarkable advance by the “democratic revolutionaries” who almost took control of Yangon and Mandalay, the country's two main cities, the junta regained control thanks to the passivity of the countryside (which represents the majority of the population) because the revolutionaries did not have the unanimous support of the Buddhist clergy, the only socio-political force in the country capable of turning the tide. Today we are not in a radically different situation. On the other hand, in such a civil war, the minorities may take political revenge, but they will not enter Yangon with Suu Kyi because, even united, they constitute only one-fifth of the military capacity of the Junta's army.

The Coloured have been trying to unite heterogeneous forces, which remains very difficult because of strong ethnic rivalries, and on their ability to attract Western military support to hold out. A significant issue is therefore the control of the country's borders and ports, hence the control of regions held by minority armies, and the real attitude of neighbouring states to such ‘military aid to democracy’. The junta can win as long as Thailand, Laos, India and Bangladesh are hostile to any interference and tightly control their borders. Thailand seems

intent on doing so, India too, and Laos is following China's policy. But the border with Bangladesh is a weak point, as the armed Rohingya insurgency fuelled across that country's rather weak border has shown. Thailand's far southern regions are also poorly controlled because of a restless Malay minority; from there, weapons can flow into southern Burma through Karen insurgent territory. Malaysia does pay lip service to caring for the "Coloured".

Some ethnic armies have their own arms factories (notably the Karens), and the Karens welcomed the All Burma Student Democratic Front to their land after 8–8–88 until today. It is therefore in this region in particular that the evolution of the overall balance of power will have to be monitored. The civil war in Burma should therefore lead to maximum co-operation with Thailand.

Finally, the firmness of Chinese support for the Junta is in any case a key factor; it seems firm because the Chinese will not allow the British to "go back" into Burma with an Anglo-American-Burmese army led by Suu Kyi, who will have all the power. Burma is indeed one of the three Chinese "doors" to the world along with Pakistan and Russia. It is an absolute geopolitical priority. The possibility of a Western air and sea attack was foreseen back in 2005 and the Burmese military has taken countermeasures; so on the one hand, the soldiers are ready and on the other hand, China will probably not allow an invasion to happen.

The Junta's will to suppress the "Coloured" is unquestionable, and it has taken all the necessary measures to do so from the first days; besides, it has the experience of 8–8–88 and the experience of endless wars against minorities, while "coloureds" living in the days of Facebook and Hunger Games are certainly not ready to fight in the jungle for decades against a cadre military on a mass scale: "coloureds" want a better life, not a worse one. The Junta's control of the air is also a crucial element. The victory of the Junta seemed unavoidable until 2023 when a powerful offensive called "Operation 1027" opened a dangerous new front for the Junta in the Northern borderlands and enabled a series of attacks from other forces, including the NUG on other fronts. As of 2024, the balance of forces is now nearly equal between the Junta and their diverse enemies⁸.

In fact, the head of the junta, Gen. Hlaing, made a perfectly rational calculation: since he was losing politically and his political allies in the elections were in free fall, he decided to move the fight to the military level, where he felt more confident of victory, while leaving the

⁸ Operation 1027 reshapes Myanmar's post-coup war. URL: myanmar.iiss.org/updates/2023-11 (accessed 01.09.2024).

initiative of the war to the “coloureds”: Thus, it is they who are responsible for unleashing the civil war with the creation of the People’s Defence Forces, while Gen. Hlaing limited himself to suspending institutions and declaring a state of emergency, regardless of the severity of the bloody repression launched against the demonstrators.

In October, the media reported the defection of one of the generals. This could have been a major development; but the creation of the People’s Defence Force *ex nihilo* by the “coloureds” is, in fact, a sign that they no longer hope to attract some of the army to their side. Moreover, the Burmese army has never shown any signs of division in wartime, despite the personal rivalries in peacetime that were evident throughout the 1962–2011 period. Therefore, I believe that we are logically moving towards a new victory for the junta in ethnically Burmese regions because the junta has the support of China and the Buddhist clergy. This victory will take time. On the other hand, there could be a clear political and military strengthening of the minority-controlled periphery, as we have already seen with the negotiations between them and the “coloureds”. If such an alliance is successful, the “coloureds” would undoubtedly settle permanently in their territories, as in 8–8–88. This would lead to a long division of the country, but it would hardly benefit the “coloureds”: on the contrary, they would be definitively condemned by the Buddhist clergy if their struggle became too closely intertwined with that of ethno-religious minorities, especially the Karen Baptists. Then the “coloureds” would have become just another opposition militia, like the student army of 8888, their ideal political predecessor.

In retrospect, this colour revolution was just one stage of a larger all-Burmese war that has never completely stopped since independence, a war between the Burmese ethnic core and its army guaranteeing nationalism on the one hand, and the democratic trend that is rapidly leading to instability on the other, while the minority armies and finally the Western forces seek to break up the country in order to regain a foothold in it. Within this historical framework, the 2021 colour revolution does not offer any surprises. First of all, it shows that the democratic question is not fundamental: at the heart of the tension is the question of the country’s independence and unity, which is still being questioned and challenged, giving a strong meaning to the Junta’s actions, even if they are bloody; On the other hand, it is also a question of the path to development, to which the vast majority of Burmese do not have access, which generates strong resentment due to the living standards of neighbour Thailand, which is shown on every screen, and the economic incompetence of the Junta. Thus, it is also a conflict directly related to external cultural influence, soft power.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДУБИК

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Москва, Россия
kadubik@edu.hse.ru

Взаимодействие Японии и АСЕАН с малыми государствами Индо-Тихоокеанского региона

Аннотация: С начала XXI в. в политическом дискурсе стала обсуждаться Индо-Тихоокеанская концепция, одним из основоположников которой является Япония. Рост Китая и последующая за этим американо-китайская конфронтация стали причинами расширения Азиатско-Тихоокеанской стратегии с центром в АСЕАН ради балансирования «китайской угрозы», а значение Японии и ЮВА стало видоизменяться. Позиция «нейтралитета» АСЕАН, а также «пацифизм» Японии снижают потенциал стран в вопросах региональной безопасности, но создают нишу сотрудничества для поддержки малых государств Тихого океана в контексте региональных вызовов. Данная статья посвящена потенциалу взаимодействия Японии и АСЕАН с островными государствами в ИТР.

Ключевые слова: Япония, АСЕАН, островные государства Тихого океана, американо-китайский конфликт, устойчивое развитие.

© К. А. Дубик

Одной из главных геополитических тенденций XXI в. является переход с Азиатско-Тихоокеанской на Индо-Тихоокеанскую стратегию и «Поворот на Восток». С тех пор, как Япония выдвинула одной из первых стратегий «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (FOIP), страны АСЕАН стали для Токио отправной точкой обеспечения регионального порядка и важным партнером, однако приоритет стратегии отдается, прежде всего, вопросам безопасности в контексте нарастающей региональной напряженности и «китайской угрозы». АСЕАН, испытывающий структурный кризис, в частности, из-за разницы

в отношении стран-участниц к Китаю, ощущает давление из-за необходимости «выбирать сторону» в рамках глобальной напряженности (торговая война США — Китай; русско-украинский конфликт). Возникает ситуация, когда при ИТР Япония теряет авторитетность своего регионального голоса за более сильными державами (Австралия, Индия, США) из-за низкого военного потенциала и политики «пацифизма», а АСЕАН не только испытывает проблемы в понимании своей центральности в регионе, но и получает еще большее давление от прозападного блока стран, отстаивая позицию нейтралитета.

Очевидно, что текущий кризис ролей и изменения в глобальном порядке, ведут к поиску новых векторов развития, среди которых — обеспечение региональной безопасности через ориентацию на более острые вопросы устойчивого развития. Мы видим, что и Япония, и АСЕАН вовлечены в диалог с островными государствами Тихого океана (The Pacific Islands Forum, PIF), которые с одной стороны также являются объектом интересов американо-китайской борьбы, а с другой — придерживаясь тех же принципов политической нейтральности наиболее ярко испытывают последствия изменения климата. Таким образом, развивающиеся островные государства Тихого океана могут стать точкой активной деятельности и сотрудничества Японии и АСЕАН, в рамках которой экономические единицы не только смогут нарастить свою авторитетность и поднять региональное влияние, но и географически увеличить «центр» ИТР для перераспределения давления крупных региональных держав. Рассмотрим поочередно.

Япония и островные государства Тихого океана

Япония исторически является одним из крупнейших доноров помощи странам третьего мира — именно благодаря «Доктрине Фукуда» (1977) и «парадигме летящий гусей», Токио дал толчок для быстрого развития стран Юго-Восточной Азии. Аналогичную помощь получают и островные государства Тихого океана — официальная помощь Японии в целях развития (ОПР) закреплена в Декларации PALM (Pacific Islands Leaders Meeting) и охватывает широкий спектр областей, включая здравоохранение и образование, поддержку развития возобновляемых источников энергии и, конечно, помощь в предотвращении стихийных бедствий. Данный вид помощи является одной из базовых стратегий японского видения «Открытого и свободного ИТР», а островные

государства — важными соседями-«индикаторами», которые ярко ощущают возникающие региональные вызовы [Кендалл, 2012, с. 83]. В целом, интерес Японии к Островам не безоснователен. Во-первых, Япония имеет глубокую историю взаимоотношений с данной территорией — после Первой мировой войны Лига Наций передала Японии по Южно-Тихоокеанскому мандату в период с 1919 по 1947 г. под руководство территории Южных Морей, которые сейчас известны как — Палау, Северные Марианские острова, Федеративные Штаты Микронезии и Маршалловы острова [Харрис, 1932, с. 691–697]¹. Во-вторых, взаимодействие с островными государствами необходимо с точки зрения морских ресурсов — они расположены в экономически важных зонах рыбного промысла, а также являются частью маршрута для экспорта и импорта между Японией с Австралией и Новой Зеландией².

Основными платформами для взаимодействия на базе Тихого океана являются Pacific Island Forum (PIF) и Pacific Islands Leaders Meeting (PALM). Несмотря на то, что у Японии гораздо меньше опыта взаимодействия с островными государствами по сравнению с такими странами как США, Австралия или Новая Зеландия, стремление Вашингтона оказать влияние на данные культуры помогает Японии, как региональному партнеру, участвовать в его инициативах и получать свои преимущества. Так, попытка США восстановить свое присутствие в Тихом океане после президентства Д. Трампа привела к созданию нового неформального партнерства в 2022 г. — «Партнеры в голубом Тихом океане» [Гарин, 2022, с. 209]. Структура имеет целью снижение рисков и увеличение диверсификации более слабых стран Индо-Тихоокеанского региона. Однако союз игнорирует существование внутренних групп и институтов, например, PIDF (Pacific Island Development Forum), который служит платформой, развивающей сотрудничество островных государств по линии Юг-Юг с ООН (наблюдатель)³. Такие действия воспринимаются как явный способ вовлечения островных государств в китайско-американский конфликт.

¹ Очевидно, что данный период оказал влияние на историческую память нации — здесь проживали японские диаспоры, а значит находятся и захоронения граждан японской империи.

² Why the Pacific Island Countries are important to Japan? — Relations between Japan and the Pacific Island Countries, and Japan's cooperation — PALM2003 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/spf/palm2003/relation.html> (дата обращения: 13.09.2024).

³ Pacific Island Development Forum // PIDF. URL: <https://www.pidf.int/Working-With-Us/> (дата обращения: 13.09.2024).

Задача Японии — снизить опасения посредством развития мирной проектной деятельности.

Упомянув PIDE, многосторонний институт, деятельность которого тесно связана с принципами Устойчивого развития и базируется на уникальной тихоокеанской модели зеленого роста в голубых экономиках, нельзя не сказать и о восприятии Японии островными государствами как опасности — в связи с выбросом очищенных радиоактивных сточных вод. Тесное сотрудничество с Японией — возможность Токио продемонстрировать внимание к мнению Тихого океана и получить доверие со стороны стран. Так, Япония предоставляет актуальную информацию странам Тихого океана, инициировала специальное расследование через МАГАТЭ, что говорит о многостороннем подходе в данном направлении⁴.

Таким образом, мы видим яркий потенциал развития отношений через многосторонние инициативы, связанные с окружающей средой и климатом — это то самое необходимое стратегическое и функциональное сотрудничество, через которое Япония может добиться своих целей, эффективно снизив при этом опасения в сторону США, обсудив вопросы удаленности от основных международных рынков, уязвимость перед климатическими изменениями и стихийными бедствиями, а также проблемам экономического развития, связанного с малым размером территорий.

Опыт АСЕАН и островные государства Тихого океана

Согласно Декларации Боз о региональной безопасности 2018 г., а также Стратегии 2050 для Голубого Тихоокеанского континента, Форум Тихоокеанских островов признает существование и растущую роль геополитической конкуренции на своих территориях [Уоллис, Коро, О'Дуайер, 2024, с. 798]. АСЕАН, который находится в статусе официального партнера Форума Тихоокеанских островов, является тем успешным институтом-примером, который мог бы стать моделью создания более независимого блока островов, по аналогии с тем, что Юго-Восточная Азия является одним из давним объектов интереса для крупных держав. АСЕАН в таком

⁴ **Макерета К. Нихон, хо: сясэи хаикен сёри мидзу о тайхэйи: ни то: ки суру кей-каку о мэгури, райгэцу ни тайхэйи: тики но хаирэбэру дайхэ:-дан то но кайдан о мо: сиирэ** [日本、放射性廃液処理水を太平洋に投棄する計画をめぐり、来月に太平洋地域のハイレベル代表団との会談を申し入れ]. Япония предлагает в будущем месяце провести переговоры с представителями Тихоокеанского региона по плану сброса радиоактивных сточных вод в Тихий океан // Фонд мира Сасакава. 2023.

контексте является успешным примером объединения идеологически и религиозно разных культур, в рамках которого появился «бренд», ставший рычагом социализации и большей политической самостоятельности, стимулятором развития и хеджером для менее и более развитых стран-членов. Институционализация помогла Юго-Восточной Азии создать и быть вовлеченной в диалоговые и стратегические партнерства с экономически более сильными и развитыми странами (Стратегическое партнёрство АСЕАН–Китай, Диалоговое партнерство АСЕАН–Россия и т. д.), продолжить развиваться по трекам АСЕАН+ (3, 6, 9), стать основой для Восточноазиатского Саммита и других объединений, при этом, оставаясь верными своему Пути АСЕАН [Кацумата, 2003, с. 117]. Несмотря на ряд текущих внутренних противоречий, АСЕАН для менее развитых островных стран может быть хорошим примером для развития.

В целом, страны Юго-Восточной Азии и островные государства Тихого океана имеют общие интересы (безопасности и процветания) и препятствия (морская безопасность, экономическое развитие, климатические катастрофы), поэтому АСЕАН настроена на сотрудничество с Форумом. Наиболее активна в данном направлении Индонезия — в июле 2023 г. Джакарта предложила на встрече министров АСЕАН начать межсекретариатское сотрудничество по линии АСЕАН — Тихоокеанский форум⁵. Эти усилия по сближению важны как для самого АСЕАН, так и для всего ИТР. Так же, как и в случае Японии, причиной является геополитика — с учетом конфликта США–Китай, АСЕАН во главе с Индонезией обеспокоен тем, что не только Юго-Восточная Азия, но и ближайший сосед, островные государства Тихого океана, станут полем для борьбы⁶, который приведет к внутреннему конфликту сторон. Очевидно, что не все островные государства придерживаются одной позиции, так, например, Папуа-Новая Гвинея подписала с США Соглашение о сотрудничестве в области обороны, Соломоновы острова заключили пакт о безопасности с Китаем. В интересах АСЕАН, выраженных в «Перспективах АСЕАН по ИТР», продвигать позиции со-процветания и развития на базе политического нейтралитета и поддержки суверенитета стран, что

⁵ Joint Communiqué Of The 56th Asean Foreign Ministers' Meeting Jakarta, 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/07/The-56th-AMM-Joint-Communique.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

⁶ **Darmawan A. R.** Indonesia Aims to Bring ASEAN and the Pacific Islands Closer // Asia Global, 2023. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/indonesia-aims-bring-asean-and-pacific-islands-closer> (дата обращения: 13.09.2024).

распространяется на РИФ и также выгодно для Японии — данная позиция соответствует стратегии Открытого и Свободного Индо-Тихоокеанского региона.

Таким образом, в отношении островных государств Тихого океана Японию и АСЕАН можно назвать «срединными странами» — более гибкими геополитическими игроками, не ограниченными вовлеченностью в активную региональную конфронтацию и «смягчающими» ее последствия. В данном контексте и Япония, и АСЕАН имеют больше свободы и мотивации развивать мирный диалог с островными государствами Тихого океана, развивающимися экономиками, имеющими географически важное значение и потенциал. Мы также можем наблюдать постепенно проявляющуюся «цепочку наследственности» — Япония оказала влияние на развития стран Юго-Восточной Азии через стратегию «Гусиного клина», а АСЕАН — является примером успешной институционализации, который заинтересован в сотрудничестве с островными государствами⁷. В контексте расширения стратегии Азиатско-Тихоокеанского региона на Индо-Тихоокеанский регион, АСЕАН-а может быть недостаточно, поэтому, вовлечение островных государств в идеалы регионального института поможет расширить центр и перераспределить давление с АСЕАН на более широкую стратегически важную территорию.

ЛИТЕРАТУРА

- Гарин А. А.** Роль США в Океании: попытки восстановить присутствие в регионе на фоне роста влияния КНР. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022. 3(3 (56)). С. 204–212.
- Ковригин Е. Б.** Япония-АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию. Пространственная экономика, 2012. С. 40–74.
- Harris W. B.** The south sea islands under Japanese Mandate. Foreign affairs, 1932. 10(4), pp. 691–697.
- Katsumata H.** Reconstruction of diplomatic norms in Southeast Asia: The case for strict adherence to the “ASEAN Way”. Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, 2003. 25(1), pp. 104–121.
- Kendall R.** Climate change as a security threat to the Pacific Islands. New Zealand Journal of Environmental Law, 2012. Pp. 83–116.

⁷ **Powles A., Wallis J.** Can the Pacific Islands Forum learn anything from ASEAN? // East Asia Forum, 2022. URL: <https://eastasiaforum.org/2022/08/14/can-the-pacific-islands-forum-learn-anything-from-asean/> (дата обращения: 13.09.2024).

McDougall D. “The (in) effectiveness of security regionalism: Comparing ASEAN and the Pacific Islands Forum”. *The Evolution of Regionalism in Asia*. Routledge, 2007. Pp. 176–192.

Wallis J, Koro M, O’Dwyer C. The ‘Blue Pacific’ strategic narrative: rhetorical action, acceptance, entrapment, and appropriation?. *The Pacific Review*. 2024. Pp. 97–824.

Макерета Комаи. Нихон, хо: сясэи хайкеи сёри мидзу о тайхэйё: ни то: ки суру кейкаку о мэгури, райгэцу ни тайхэйё: тиики но хайрэбэру дайхё:-дан то но кайдан о мо: сиирэ [日本、放射性廃液処理水を太平洋に投棄する計画をめぐり、来月に太平洋地域のハイレベル代表団との会談を申し入れ]. Япония предлагает в будущем месяце провести переговоры с представителями Тихоокеанского региона по планам сброса радиоактивных сточных вод в Тихий океан // Фонд мира Сасакава. 2023.

KSENIA A. DUBIK

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
kadubik@edu.hse.ru

**Japan’s and ASEAN’s interactions
with Island States of Indo-Pacific Region**

Abstract: Since the beginning of the 21st century, Indo-Pacific concept has been discussed actively in the political discourse, with Japan as one of the founders. The rise of China and the US-China confrontation have become the reasons for the expansion of the Asia-Pacific with ASEAN as the center to balance the “Chinese threat”, so the importance of Japan and Southeast Asia has begun to change. The position of ASEAN “neutrality” and Japan’s “pacifism” reduce its potential in regional security issues but create a niche for cooperation to support Pacific states in the context of regional challenges. This article is devoted to the potential of Japan and ASEAN interaction with the Island states in the IPR.

Keywords: Japan, ASEAN, Islands States of Indo-Pacific, US-China conflict, sustainable development.

СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ШАПОШНИКОВ

Университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

svshaposhnikov@hse.ru

Юри Садои

Университет Мэйдзё

Нагоя, Япония

sadoi@meijo-u.ac.jp

Влияние искусственного интеллекта на рынок труда Японии

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния новых технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ), на рынки труда, с акцентом на ситуацию в Японии. В условиях демографического кризиса, когда население страны значительно сокращается, ИИ рассматривается как важный инструмент для преодоления дефицита рабочей силы. В статье обсуждаются прогнозы и возможные последствия внедрения ИИ, такие как автоматизация рутинных задач, изменение методов работы и потребность в мобильности человеческих ресурсов. Несмотря на преимущества, авторы подчеркивают возможные риски, включая рост безработицы и вызовы, связанные с миграцией рабочей силы, что ставит под вопрос возможность сохранения «человекоцентричного подхода» в условиях роста влияния ИИ на экономику и общество.

Ключевые слова: искусственный интеллект, рынок труда, Япония, дефицит трудовых ресурсов.

© С. В. Шапошников, Юри Садои

Влияние новых технологий на рынки труда в последние годы вызывает все больший интерес. По мере своего развития технологии способны существенно изменить характер труда и возможности трудоустройства. В Японии, где наблюдается сокращение населения, применение ИИ становится особенно актуальным для снижения дефицита рабочей силы. Согласно прогнозу, население, составлявшее

126,15 млн. человек в 2020 г., сократится до 100 млн. в 2056 г. и до 87 млн. в 2070 г., Япония потеряет примерно 30% своего населения в течение следующих 50 лет¹. Продолжающееся сокращение численности трудоспособного населения в возрасте 15–64 лет по приведет к тому, что в 2030 г. дефицит на рынке труда составит около 3,41 млн. человек, а в 2040 г. — 11 млн.² В таких условиях нехватка рабочей силы становится приоритетной задачей для решения с помощью новых технологий, включающих искусственный интеллект (ИИ). В Японии ожидают «эффект замещения» трудовых ресурсов ИИ, что создает условия в обществе для его принятия по сравнению со странами, где на рынок труда выходят новые поколения рабочей силы.

В свете этих изменений активно ведутся исследования влияния таких технологий, как ИИ на рынок труда. Некоторые исследователи подчеркивают то, что ИИ заменит человеческий труд [Frey, Osborne, 2017; Brynjolfsson, McAfee, 2011, 2014; Ford, 2015]. ИИ позволяет подходить к решению сложных задач, которые в прошлом было сложно автоматизировать, и область автоматизации расширяется до когнитивных задач, таких как прогнозирование и суждение, которые раньше считались человеческими специальностями [Agrawal, Gans, Goldfarb, 2018]. Одни считают, что новые технологии смогут заменить работников и вызвать массовые увольнения и безработицу [Acemoglu, Autor, 2011; Frey, Osborne, 2017; Brynjolfsson, Mitchell, Rock, 2018; Agrawal, Gans, Goldfarb, 2019; Webb, 2020; Felten, Raj, Seamans, 2021], другие утверждают, что они будут создавать новые рабочие места [Damioli et al., 2022; Yang, 2022], дополнять работников и повышать их интеллектуальную производительность [Noy, Zhang, 2023; Dell'Acqua et al., 2023].

Учитывая очевидное расширение сферы применения генеративного ИИ, воздействие новых технологий на общество и экономику, многие страны сформулировали стратегии продвижения ИИ. Правительство Японии разработало свою стратегию ИИ в 2019 г.³

¹ Ниппон но сё:раи суикен дзинко:- рё:ва 5нен суикеи [日本の将来推計人口 (令和5年推計) 国立社会保障・人口問題研究所] Прогнозы численности населения Японии, Национальный исследовательский институт народонаселения и социального обеспечения, 31 августа 2023 г. https://www.ipss.go.jp/pp-zenkoku/j/zenkoku2023/pp2023_gaiyou.pdf (дата обращения: 24.06.2024) (на яп. яз.).

² Мираи ёсоку 2040 ро:до: кёкё: сеяку сякай га яттекуру [未来予測2040 労働供給制約社会がやってくる] Прогноз будущего на 2040 год: общество с ограниченным предложением рабочей силы наступает. Recruitment Works Institute, 28/03/2023. <https://www.works-i.com/research/report/item/forecast2040.pdf> (дата обращения: 14.06.2024) (на яп. яз.).

³ AI сеняку 2019 дзин сангё: ти: ки сеифу субете ни AI (кё: ику но дзё: хо: ка ни кансуру тибеки сакусей кенто: каи канрен касё бассин [AI戦略 2019 ~人・産業・

Для того чтобы новые технологии, в том числе генеративный ИИ, оказали влияние на занятость, необходимо выполнение ряда предварительных условий:⁴

- 1) Новая технология должна быть принята политическими кругами (правительством);
- 2) наличие задач для автоматизации;
- 3) достаточно низкая стоимость новой технологии по сравнению с затратами на рабочую силу.

Очевидно, что генеративный ИИ в Японии уже отвечает этим условиям.

Во-первых, правительство Японии проводит политику принятия генеративного ИИ и поощрения его использования. Например, в разделе «Гранд-дизайн нового капитализма и пересмотренный план действий до 2023 года» (Секретариат Кабинета министров Японии)⁵, посвященном содействию использованию ИИ, говорится, что «...в преддверии распространения генеративного ИИ будет усилено обучение грамотности в области ИИ, включая базовые знания об ИИ». Кроме того, в документе говорится, что «...для поддержания и улучшения стандартов исследований в Японии, создания инноваций и новых отраслей промышленности необходимо оперативно развивать фундаментальные исследования и потенциал развития в Японии в отношении генеративного ИИ». Японское правительство предпринимает шаги по устранению опасностей, рисков и угроз безопасности, которые генеративный ИИ может принести обществу (например, в апреле 2024 г.

地域・政府全てにAI～【「教育の情報化に関する手引」作成検討会 関連箇所抜粋】
Стратегия ИИ 2019 — ИИ для всех людей, отраслей, регионов и правительства
[Выдержки из соответствующих разделов Исследовательской группы по подготовке Руководства по информатизации образования]. 11 июня 2019 г. Решение Совета по продвижению комплексной инновационной стратегии. MEXT. https://www.mext.go.jp/b_menu/shingi/chousa/shotou/056_01/shiryo/attach/_icsFiles/afiledfile/2019/08/30/1420734_002.pdf (дата обращения: 18.07.2024) (на яп. яз.).

⁴ 2023 нендо: коё: сеисаку кенкю: каи тю: кан сеири «аратана текунородзи: га коё: ни атаэру эи кё: ни тсуите» [2023 年度 雇用政策研究会 中間整理 「新たなテクノロジーが雇用に与える影響について」] 2023 Промежуточный отчет Исследовательской группы по политике занятости о влиянии новых технологий на занятость. 2023 Промежуточный отчет исследовательской группы по политике занятости «Влияние новых технологий на занятость», Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, <https://www.mhlw.go.jp/content/11601000/001181180.pdf> (дата обращения: 10.07.2024) (на яп. яз.).

⁵ Атараси: сихон сюги но гурандо дэзаин оёби дзикко: кейкаку 2023 кантеи банрей [新しい資本主義のグランドデザイン及び実行計画2023改訂版] Гранд-дизайн нового капитализма и план действий на 2023 год, пересмотренное издание, 16 июня 2023 года, Секретариат кабинета министров. https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/pdf/ap2023.pdf (дата обращения: 12.08.2024) (на яп. яз.).

Министерство экономики, торговли и промышленности (METI) и Министерство внутренних дел и коммуникаций (MIC) составили «Руководство оператора ИИ (версия 1.0) 105», в котором говорится, что для дальнейшего увеличения преимуществ новых технологий, таких как ИИ, каждая организация («разработчики ИИ», «поставщики ИИ» и «пользователи ИИ») должна участвовать в развитии ИИ на основе «человекоцентричного подхода», должна активно сотрудничать с обществом.

В условиях дефицита трудовых ресурсов, автоматизация рутинных задач, процессов становится весьма актуальной в Японии.

Что касается третьего условия, то генеративный ИИ также относительно недорог. Платная версия ChatGPT стоит около 20 долл. США в месяц и позволяет получить доступ к GPT-4 и DALL-E3.

Согласно прогнозам, генеративный ИИ может затронуть около 80% японской рабочей силы. Это может оказать серьезное влияние на рынок труда, стили работы, карьерные пути и на экономику Японии в целом⁶.

Сокращение дефицита на рынке труда и увеличение несоответствия между требованиями компаний и предложением на рынке. Япония, где трудоспособное население все больше сокращается, повышения производительности за счет использования цифровых технологий, что может привести к снижению потребности в рабочей силе в размере 9,7 млн. человек к 2035 г.⁷

Мобильность человеческих ресурсов. Генеративный ИИ способен изменить методы работы в широком спектре профессий, а необходимые навыки, как ожидается, будут постоянно и существенно меняться, независимо от отрасли или профессии. В этой

⁶ **Нитта Такаюки**, Сеисеи AI га ниппон но ро: до: сидзэ: ни атаэру эикё: (1) ро: до: сидзэ: ни атаэру механизуму но сеири то беикоку но кенкю: я дзирей караси cashijō ni атаэру mekanizumu no сеири то беикоку но кенкюу ya jirei kara no shisa [新田 堯之, 生成 AI が日本の労働市場に与える影響① 労働市場に与えるメカニズムの整理と米国の研究や事例からの示唆] Влияние поколения ИИ на японский рынок труда (1) Организация механизмов на рынке труда и последствия исследований США и конкретных примеров 8 декабря 2023 г., Институт исследований Daiwa. https://www.dir.co.jp/report/research/economics/japan/20231208_024132.pdf (дата обращения: 03.08.2024) (на яп. яз.).

⁷ (Теиген) сукиру касикаде хираку ниппон но ро: до: сидзэ: 2035нен ни мису матти 480ман нин- сеисеи AI но коё: эикё: о норикоэру ро: до: сидзэ: кайкаку [【提言】スキル可視化で開く日本の労働市場 2035年にミスマッチ480万人—生成AIの雇用影響を乗り越える労働市場改革 株式会社三菱総合研究所] Предложение: 4,8 млн. несоответствий в 2035 году — реформы рынка труда для преодоления влияния ИИ на занятость Mitsubishi Research Institute, Inc. <https://www.mri.co.jp/knowledge/insight/policy/20230913.html> (дата обращения: 08.07.2024) (на яп. яз.).

ситуации потребность в мобильности человеческих ресурсов между компаниями и отраслями увеличивается⁸.

Увеличение числа рабочих мест, связанных с ИИ. Число рабочих мест, связанные с этой областью ИИ, быстро увеличивается⁹. Сюда входят не только вакансии, связанные с разработкой генеративного ИИ, но и вакансии, в которых упоминается использование в работе генеративного ИИ.

Влияние на профессиональные области. Автоматизация в значительной степени затронет «белых воротничков», такие как офисные работники, административные работники, а также профессиональные и технические работники. В этих профессиях автоматизация с помощью генеративного ИИ может внести значительный вклад в повышение эффективности и качества работы. С другой стороны, для рабочих профессий, таких как работники транспорта, строители, горнорабочие и т. д., влияние генеративного ИИ относительно невелико. В отраслевом разрезе уровень автоматизации был относительно высок в отраслях, которые в основном связаны с офисной работой с информацией и данными, таких как информационно-коммуникационная отрасль, финансовая и страховая отрасли, а также сфера недвижимости и аренды товаров. В этих отраслях такие задачи, как анализ данных и создание документов, скорее всего, станут более эффективными благодаря генеративному ИИ.

Региональное воздействие. Влияние генеративного ИИ, как правило, выше в городах, где сосредоточены ИТ- и финансовая отрасли, и относительно ниже в сельской местности.

Негативное влияние на занятость. Компаний ожидают сокращений в результате внедрения возможностей ИИ. Однако, судя по всему, эти сокращения будут связаны в основном с устранением простых задач в повседневной работе. В то же время компаний заявляют, что для существующих сотрудников наличие навыков ИИ будет фактором, который поможет удержать их на работе.

Широкое распространение генеративного ИИ способно повысить общий рост производительности труда. По своим масштабам он сравним с тем, который был достигнут благодаря появлению более ранних трансформационных технологий, таких как

⁸ Ibid.

⁹ Ясуке Аоки, Синко: ро: до: сидзё: — сеисеи AI ни канрен суру сёку но таито [頭新興労働市場：生成AIに関連する職の台] Развивающиеся рынки труда: рост числа рабочих мест, связанных с генеративным искусственным интеллектом. 29/08/2023. Indeed Hiring Lab <https://www.hiringlab.org/jp/blog/2023/08/29/> (дата обращения: 02.08.2024) (на яп. яз.).

электродвигатели и персональные компьютеры. Для Японии внедрение ИИ становится важнейшей задачей для восстановления конкурентоспособности экономики, но возможно ли это при этом сохранять «человекоцентричного подхода»? Сможет ли Япония справиться с миграцией рабочей силы, вызванной генеративным ИИ? Если нет, то, по некоторым прогнозам, уровень безработицы может достигнуть 25%¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Acemoglu D., Autor D.** Skills, tasks and technologies: Implications for employment and earnings. Handbook of labor economics. 2011. Pp. 1043–1171.
- Agrawal A., Gans J., Goldfarb A.** Prediction Machines: The Simple Economics of Artificial Intelligence, Harvard Business Review Press; Illustrated edition. 2018. 272 p.
- Agrawal A., Gans J. S., Goldfarb A.** Artificial intelligence: the ambiguous labor market impact of automating prediction. Journal of Economic Perspectives, 33(2). 2019. Pp. 31–50.
- Brynjolfsson E., McAfee A.** Race against the machine: How the digital revolution is accelerating innovation, driving productivity, and irreversibly transforming employment and the economy. Lexington: Digital Frontier Press. 2011. 98 p.
- Brynjolfsson E., McAfee A.** The second machine age: Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies. WW Norton & Company. 2014.
- Brynjolfsson E., Mitchell T., Rock D.** What can machines learn and what does it mean for occupations and the economy? AEA papers and proceedings. 2018. Pp. 43–47.
- Damioli G., Van Roy V., Vertesy D., Vivarelli M.** AI technologies and employment: micro evidence from the supply side. Applied Economics Letters. 30 (6). 2022. Pp. 816–821.
- Dell'Acqua F., McFowland E., Mollick E. R., Lifshitz-Assaf H., Kellogg K., Rajendran S., Krayer L., Candelon F., Lakhani, K.** Navigating the jagged technological frontier: Field experimental evidence of the effects of AI on knowledge worker productivity and quality. Harvard Business School Technology and Operations Management. Unit Working Paper. 2023. 58 p.

¹⁰ Noguchi Yukio, Nippon wa seisei AI honkaku dōnyū sureba 「shitsugyōritsu 25%」 ni naru eikyō ga amerika yori takaku naru kanōsei ga aru riyū, Tōyōkeizaishinpōsha, 2023/09/17/ 野口 悠紀雄, 日本は生成AI本格導入すれば「失業率25%」になる 影響がアメリカより高くなる可能性がある理由, 東洋経済新報社, 2023/09/17 <https://toyokeizai.net/articles/-/701126?page=4> (дата обращения: 28.08.2024) (на яп. яз.).

- Felten E., Raj M., Seamans, R.** Occupational, industry, and geographic exposure to artificial intelligence: A novel dataset and its potential uses. *Strategic Management Journal*. 42 (12). 2021. Pp. 2195–2217.
- Ford M.** *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. Basic Books. 2015. 368 p.
- Frey C. B., Osborne M. A.** The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological forecasting and social change*. 114. 2017. Pp. 254–280.
- Noy S., Zhang, W.** Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence. Available at SSRN 4375283. 2023. Pp. 187–192.
- Webb M.** The impact of artificial intelligence on the labor market. Available at SSRN 3482150. 2020.
- Yang C. H.** How artificial intelligence technology affects productivity and employment: firm-level evidence from Taiwan. *Research Policy*. 51 (6). 2022.

SERGEI V. SHAPOSHNIKOV

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
svshaposhnikov@hse.ru

YURI SADOI

Meijo University
Nagoya, Japan
sadoi@meijo-u.ac.jp

The Impact of Artificial Intelligence on Japan's Labor Market

Abstract: The article is devoted to the analysis of the impact of new technologies, in particular artificial intelligence (AI), on labor markets, with a focus on the situation in Japan. In a demographic crisis where the country's population is shrinking significantly, AI is seen as an important tool to overcome labor shortages. The article discusses the predictions and possible consequences of AI adoption, such as automation of routine tasks, changes in working styles, and the need for human resource mobility. Despite the benefits, the authors highlight possible risks, including increased unemployment and challenges related to labor migration, which calls into question whether a "human-centered approach" can be maintained in the face of AI's growing impact on the economy and society.

Keywords: artificial intelligence, labor market, Japan, labor shortage.

ПЁТР ЭДУАРДОВИЧ ПОДАЛКО

Университет Аояма Гакуин

Токио, Япония

ppodalko@aoyamagakuin.jp

Интернационализация без исторического образования. Особенности преподавания гуманитарных наук в современной Японии

Аннотация: В начале 2000-х гг. произошли серьезные изменения в росте числа иностранцев, приезжающих в Японию с самыми разными целями. Если в прежние времена основной интерес японской стороны заключался в «импорте знаний» в лице готовых специалистов, а также молодых учёных-исследователей, то теперь главной целью стало укрепление экономики «изнутри» при помощи развития международного туризма, студенческих обменов и пнайма иностранных рабочих. Появление в стране большого числа иностранцев повышает риск возникновения проблем во взаимоотношениях с местным населением, что в случае Японии подкрепляется недостатками действующей образовательной системы, которая уделяет мало внимания преподаванию таких общегуманитарных предметов, как история, география и ряд других. В последние годы в этой сфере наметились некоторые изменения, однако принимаемые меры носят половинчатый характер и общий уровень знания японцами мировой истории отаается весьма невысок.

Ключевые слова: международный туризм, студенческие миграции, иностранные рабочие, преподавание истории.

© П. Э. Подалко

1. «Кокусайка» в XXI веке: туристы, студенты и гастарбайтеры¹

А) Интуристы

В начале 2000-х годов произошли серьезные изменения в росте числа иностранцев, приезжающих в Японию с самыми разными целями. Если в прежние времена основной интерес японской стороны заключался в «импорте знаний» в лице готовых специалистов, а также молодых учёных-исследователей, то теперь главной целью стало укрепление экономики «изнутри» при помощи развития международного туризма. После того, как провозглашенный в 2003 г. лозунг «Даешь 10 миллионов! [интуристов]!» («Байдзо-сэнман-нин») был реализован в течение десяти лет², правительство поставило задачу довести прием интуристов в 2030 г. до 60 млн. чел., что соответствует половине населения самой Японии (газета «Ёмиури» от 01.01.2016). Хотя пандемия «Ковид-2019 и сопутствующие ей карантины внесли изменения в эти планы, уже в 2023 г. интуристы потратили в Японии на 9,9% больше денег, чем в 2019 г., когда был достигнут исторический максимум в 31, 88 млн. интуристов («Ёмиури» от 18.01.24), а число туристов из 14 стран, включая Республику Корея, США, Испанию и др., вышло на рекордный уровень.

Б) Студенты

В 1983 г. была поставлена задача довести прием иностранных студентов в Японии до 100 тыс. чел/год. Это было достигнуто к 2003 г. В 2023 г., правительство поставило цель довести к 2033 г. прием иностранных студентов до 400 тыс. (в 2023 г. — 230 тыс.), с параллельной отправкой ежегодно на учёбу за рубеж до 500 тыс. молодых японцев (в 2023 г. — 222 тыс.).

¹ Кокусайка (буквальный перевод — «интернационализация») — политика правительства по широкомасштабному вовлечению Японии в международные отношения, сопровождаемая активным привлечению в страну иностранцев. Начатая в 1970-е гг., политика кокусайка во многом способствовала превращению Японии в 1980-х гг. во вторую экономику мира, с постепенным наращиванием объема интернациональных связей и притока туристов из-за рубежа.

² Для сравнения — в 2004 г. страну посетили 4, 3 млн. иностранцев. Все данные статистики, приводимые в тексте, взяты автором из открытых источников, в основном — изданий японской прессы, со ссылкой на официальные публикации государственных и иных организаций. Источники указаны в скобках, порядок датировки — день-месяц-год.

Подобные громкие планы неоднократно озвучивались и прежде; так, уже в апреле 2007 г. было объявлено о решении довести к 2050 г. приём иностранных студентов до миллиона(!) в год, однако конкретных мер за этим тогда не последовало. Похоже, что сейчас правительство настроено более решительно, однако, возможность реально осуществить все эти планы в заявленные сроки, вызывает сомнения. На сегодняшний день, в стране только 48% вузов имеют программы студенческих обменов. Правительство планирует поднять этот показатель до 80%, что выглядит маловероятным, учитывая высокую стоимость таких программ («Ёмиури» от 03.08.2023). Причина столь активного зазывания иностранных студентов проста: в результате снижения рождаемости в последние десятилетия, число выпускников школ де-факто сравнялось с количеством учебных мест в японских вузах, и прием иностранцев позволяет компенсировать нехватку средств, укрепляя финансовое положение японских университетов³, а также ослабить проблему нехватки рабочих рук, так как все студенты стремятся где-то работать. Однако, это, как минимум, потребует пересмотра существующих учебных программ в направлении глобализации, и выдвигения на первый план наиболее «интернациональных» предметов.

В) Рабочие

По данным Министерства труда и занятости, на конец 2023 г. в Японии официально проживало св. 2 млн. иностранных рабочих⁴, среди которых лидируют граждане Вьетнама (ок. 520 тыс.), КНР (ок. 400 тыс.) и Филиппин (ок. 227 тыс.). Наибольшее число иностранцев занято в строительном бизнесе, далее идут сфера услуг и торговля («Ёмиури» от 28.01.24). В ряде отраслей (кругло-суточные магазины, служба доставки и пр.) число работающих иностранцев сопоставимо с числом японцев, а кое-где превышает его. Согласно официальным прогнозам, в 2030 г., в Японии нехватка только иностранных рабочих достигнет 630 тыс. чел. (AFN News, 11.09.2023). В конце 2023 г. по итогам правительственной конференции было принято решение ввести новые правила, по которым иностранец получал бы право на обретение статуса постоянного резидента и воссоединение семьи.

³ Здесь важно помнить, что бесплатного высшего образования в Японии не существует в принципе, поэтому фраза «у меня сын/дочь учится на бюджете» (т. е., даром), на японский язык не переводится.

⁴ Это — максимум с 2008 г., когда начали вести регулярную статистику по данному вопросу.

2. «Избыточный туризм» и первые запреты

Такой массовый приток гостей порождает много проблем на местах. Прежде всего, имеющееся в наличии число отелей и их персонал не были рассчитаны на столь динамичный рост числа постояльцев, которые теперь прибывают практически круглый год⁵. Аналогичная проблема возникла также в ресторанном бизнесе. («Ёмиури» от 17.08.23). В ряде мест стали, по примеру европейцев, вводить для туристов так называемые «налоги на постой» («сюкухаку-дзэй»). Начало положил Токио (2002 г.), за которым последовали префектуры Осака и Фукуока), а также города Канадзава, Киото, Фукуока, Китакою, Нагасаки и Куттянтё (Хоккайдо). («Ёмиури» от 30.04.23). С июля 2024 г. стал платным подъем на символ Японии и главную природную достопримечательность, гору Фудзи; аналогичные меры планируются в Сиракава-го (Гифу), на о. Миядзима (Хиросима), в Камакура и Киото. («Ёмиури» от 13.08.23)

Из-за роста жалоб населения на поведение иностранцев, и их чрезмерное общее количество, правительство обещает усилить работу по разъяснению интуристам правил поведения на экскурсиях, подготовив соответствующие материалы для раздачи при въезде в страну — в аэропортах, на таможнях и т. д. Однако никаких конкретных мер по ограничению турпотока или корректировке официально заявленных ранее планов и цифр, на данный момент не озвучивается, правительство ограничивается лишь самыми общими пожеланиями «достижения всеобщей гармонии» («Ёмиури» от 07.08.23).

Создается впечатление, что японское руководство, активно стимулируя приток иностранцев разных категорий и статусов, подчеркнуто игнорирует как риски, связанные с особенностями менталитета гостей из-за рубежа, так и недостаточность внутренней подготовки в этом вопросе, а именно — общее слабое знание японцами окружающего их мира, сходств и различий национальных культур у народов разных стран. Уровень компетенции «среднего японца» в том, что касается политической и культурной истории внешнего мира, почти всегда отличается наивностью суждений и общей ограниченностью сведений практически обо всех странах и регионах, включая самых близких географических соседей по АТР. Это наводит на серьезные сомнения в том, готовы ли

⁵ Исторически внутренний туризм в Японии всегда имел сезонную цикличность подъемов и спадов.

японцы к своему возможному превращению в мультикультурное и многонациональное общество по европейскому или североамериканскому типу? Думается, что на данный момент готовность эта близка к нулевой, и не в последнюю очередь это связано с особенностями японского школьного образования, которое до сих пор почти не затронула пресловутая «интернационализация». Ниже попробуем рассмотреть, как формируется знание о мире у современной японской молодёжи.

3. Какая история, и в каком объеме, нужна народу?

Начало современного подхода к преподаванию гуманитарных наук восходит к Императорскому Указу об образовании 1890 г. Реформы послевоенного периода, вызванные необходимостью радикального пересмотра образовательных программ после принятия новой «демократической» конституции (1946), оформили включение истории и географии в программу старшей школы (ко: ко:) в общегуманитарный предмет *сякайка* («обществознание»). В 1994 г., этот обязательный предмет был разделён на два новых предмета, один из которых объединил курсы по географии и истории (*тири-рэкиси-ка*), а другой представлял собой «основы государства и права» (ко: мин-заку). При этом курсы истории и географии, в свою очередь, предлагали на выбор учащихся четыре равных по статусу, но различных по содержанию, варианта изучаемых тем: «Мировая история», «История Японии», «Мировая география», «География Японии», каждый из которых имел по два уровня сложности — А (более простой) и В (продвинутый). Хотя изучение старшеклассниками как истории, так и географии, было в итоге признано обязательным требованием, непосредственный выбор как собственно предмета (с упором на мировой, либо отечественный охват изучаемого материала), так и его уровня, оставалось формально «свободным», то есть на деле зависело, прежде всего, от того, какие именно предметы предлагались программой конкретной школы, а также желаниями самих учащихся и позицией их родителей⁶. Итогом столь «многовариантного» подхода стало значительное расхождение знаний по важнейшим общегуманитарным вопросам у выпускников старших школ: те из них, кто посещал уроки по японской истории,

⁶ В Японии не существует единого общенационального школьного учебного плана и учебной программы. Относительная унификация присутствует в государственных и муниципальных школах, но она не распространяется на частные школы. Также нет единых обязательных учебников и т. п.

с трудом ориентировались во всём, что касалось зарубежных дел, и наоборот. Ситуация усугублялась наличием у каждого предмета двух уровней сложности, ибо при таком подходе даже те, кто формально изучал один и тот же предмет, получали по нему разные объёмы знаний. Проходящие ежегодно в середине января общенациональные «Центральные вступительные экзамены», необходимые для поступления в государственные и муниципальные вузы (японский аналог российского ЕГЭ), учитывали этот разноразный выпускников школ: каждый абитуриент мог выбрать для себя билеты с вопросами по тем предметам и уровням, которые изучал в школе. Однако подобная толерантность на вступительных экзаменах оборачивалась головной болью университетских преподавателей, ставя их в крайне затруднительное положение необходимостью с первого учебного дня «латать дыры», оставленные школьным образованием. Одним из результатов столь странного и запутанного подхода к историческому образованию стала высокая зависимость населения от официальных медиа в том, что касается вынесения оценок и формирования собственного мнения по большинству международных вопросов. До сих пор три четверти (74% в 2023 г.) взрослого населения (рекорд среди стран «большой семёрки») формируют свои знания об окружающем мире на основе чтения ежедневных газет и просмотра теленовостей, компенсируя этим отсутствие у них базовых знаний, недополученных в школе.

Нельзя сказать, что правительство совсем не пытается изменить данную ситуацию. Так, уже в 2006 г., когда после ряда исследований выявилось массовое нежелание учащихся записываться на предмет «Мировая История», делая выбор в пользу «Истории Японии» (что было вполне логично, если сравнивать степень лёгкости и «понятности» содержания этих двух курсов, разный объём материала для механического запоминания, и т. п.), было принято решение объединить преподавание мировой и японской истории в рамках единого предмета «Основы Истории» («Рэкиси Кисо»), сделав его в 2011 г. обязательным для всех учащихся старших школ. Однако, по ряду причин, прежде всего — отсутствию как новых пособий, так и преподавательских кадров, реализация этого плана была отодвинута сначала на 2015 г., потом на 2022 г. Из четырёх прежних «исторических» предметов были в итоге сформированы три новых: «Мировая история» и «История Японии» уровней «А» слились в один предмет «Рэкиси Со: го:» («Всё об истории»), а прежние уровни «В» по мировой и японской истории стали называться «Сэкай-си танкю:» («Исследования по Мировой Истории») и «Нихон-си Танкю:» («Исследования по Истории Японии»).

Вместо заключения

Насколько все эти преобразования продуктивны, и не являются ли они на деле лишь перелицовкой одного и того же старого костюма — покажет время, так как первый выпуск осваивающих новые предметы и новые программы ожидается в марте 2026 г. На данный же момент, общий уровень знания событий мировой истории в Японии по-прежнему остается весьма низок. Распространение интернета и якобы предлагаемых им новых возможностей получения знаний о давнем и недавнем прошлом, также особых плодов пока не приносит; компенсировать собой то, что было недодано в школе, интернет не в состоянии. Любой неожиданный вопрос на историческую или политическую тему, как правило, вызывает «тихую панику» у японской аудитории, лишая возможности вести не только мало-мальски острую дискуссию, но и обычный международный диалог.

PETR E. PODALKO

Aoyama Gakuin University

Tokyo, Japan

ppodalko@aoyamagakuin.jp

Internationalization without Historical Education. Teaching Humanities in Modern Japan

Abstract: In the early 2000s there have been major changes in the growing number of foreigners coming to Japan for a variety of purposes. In previous times the main interest of the Japanese side was to “import knowledge” including the high-level specialists, as well as young research scientists, now the main goal has become strengthening the economy “from within” through the development of international tourism, student exchanges and the hiring of foreign workers. The appearance of a large number of foreigners in the country increases the risk of possible tensions in their relations with the local population, which in the case of Japan is reinforced by the shortcomings of the current educational system, which pays little attention to the teaching of such general humanities subjects as history, geography and a number of others. In recent years, there have been some changes in this area, but the measures taken are half-hearted and the general level of Japanese knowledge of world history and other peoples’ cultures is still very low.

Keywords: foreign tourism, student migration, foreign workers, teaching history.

УДК 314.748+821.521

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-24

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА ЗАБЕРЕЖНАЯ

Университет Тэнри

Тэнри, Япония

kluginda@gmail.com

ГРИГОРИЙ ОЛЕГОВИЧ МИСОЧКО

Киотский университет иностранных языков

Киото, Япония

g_misoch@kufs.ac.jp

Восприятие иностранцев в современной Японии

Аннотация: В статье исследуется восприятие иностранцев в современной Японии на основе анализа статистических данных и научной литературы. С конца XX в. число иностранцев в стране растет, а их состав становится более разнообразным. Хотя большинство мигрантов представляют азиатские страны, общественный интерес в значительной мере обращен к европейцам и американцам, к которым традиционно относятся более позитивно. Присутствие иностранцев становится частью повседневной жизни, однако процесс их полной интеграции в японское общество еще не завершен. Отдельное внимание уделено анализу образов иностранцев в японской художественной литературе XXI века, где наблюдается переход от экзотического восприятия к более равноправному и реалистичному изображению.

Ключевые слова: иммиграция, образ иностранца, интеграция иностранцев в общество.

© О. А. Забережная, Г. О. Мисочко

По состоянию на конец 2022 года, количество проживающих в Японии иностранцев¹ составило 3 млн. 75 тыс. человек, или 2,46% от общей численности населения страны. Этот

¹ Речь идет об иностранных гражданах, получивших право пребывать в Японии не менее 90 дней. Следует отметить, что данная статистика отслеживает лишь

показатель постоянно растет с конца XX века², впервые достигнув 1% в 1992 г. и 2% — в 2017 г. На протяжении всей послевоенной истории вплоть до 2007 г. самой большой группой иностранцев в Японии были корейцы³ — преимущественно потомки тех, кто мигрировал с корейского полуострова в период японской оккупации (1910–1945)⁴. В 2007 г. на первое место вышли граждане Китая, тем самым отодвинув корейцев на вторую позицию, с которой в 2020 г. их потеснили уже представители Вьетнама⁵. Пятерка «лидеров» в конце 2022 г. выглядела следующим образом: Китай — 762 тыс., Вьетнам — 489 тыс., Республика Корея — 411 тыс., Филиппины — 299 тыс., Бразилия — 209 тыс. Далее идут Непал, Индонезия и только на 8-м месте — США (61 тыс.). Следующая неазиатская и нелатиноамериканская страна в этом списке — Великобритания (18 тыс.), занимающая 19-е место.

Таким образом, мы видим, что иностранцы в Японии на сегодняшний день в основном представлены выходцами из азиатских стран, а также — в меньшей степени — латиноамериканцами японского происхождения, причем доля последних в общей численности японских иностранцев продолжает снижаться. Граждане западных стран (европейцы и американцы) составляют статистически значительно менее заметную категорию. При этом в Японии традиционно отмечается более позитивное отношение к иностранцам из западных стран и более негативное — к приехавшим из Азии⁶. Как отмечает исследователь Сугимото Ёсио, существенную роль в восприятии японцами других народов всегда играли комплекс неполноценности по отношению к Западу и одновременное чувство превосходства над азиатскими соседями [Sugimoto, 2014, p. 196]. Истоки такого подхода, вероятно,

фактор гражданства. Здесь и далее статистика по количеству иностранцев взята с официального сайта Иммиграционного управления Японии. URL: https://www.moj.go.jp/isa/policies/policies/seisaku_index2.html (дата обращения: 10.08.2024).

² Одной из причин начала резкого роста числа иностранцев стала реформа миграционного законодательства 1990 г., де-факто запустившая трудовую миграцию латиноамериканцев японского происхождения *никкэйджин* — преимущественно из Бразилии и Перу.

³ Граждане Республики Корея и КНДР. До 2011 г. учитывались в статистике как общая категория, с 2012 г. ведется отдельный учет.

⁴ Обычно эту категорию называют *корейцами-дзайинми*.

⁵ Численность проживающих в Японии вьетнамцев за второе десятилетие XXI века выросла более чем в 10 раз — с 41 тыс. в 2010 г. до 448 тыс. в 2020 г.

⁶ Социологический опрос канцелярии кабинета министров Японии по вопросам дипломатии (сентябрь 2023 г.). URL: <https://survey.gov-online.go.jp/r05/r05-gaiko/gairyaku.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

восходят к эпохе Мэйдзи (1868–1912), когда Японии встала на путь модернизации под лозунгом *дацу ню о*: («выйти из Азии и войти в Европу»).

Тем не менее, важно понимать, что положительный образ «белого» человека вовсе не обязательно свидетельствует о том, что такой иностранец перестает быть «чужим» и полноценно интегрируется в японское общество. Исследования показывают, что иностранных моделей с европейской внешностью в японских мейнстримовых журналах намного чаще используют в качестве привлекательного эстетического объекта, нежели как положительный образ семьянина или работника компании. Исключениями являются такие сферы, как спорт и индустрия развлечений, где с большей вероятностью можно встретить примеры изображения на страницах периодики «успешных» иностранцев [Chung, 2022, p. 233].

Можно сказать, что японское общество становится все более толерантным к самому факту присутствия иностранцев в Японии, чему, безусловно, способствовал и резкий рост числа посещающих страну иностранных туристов (с 6,2 млн. в 2011 г. до 31,9 млн. в доковидном 2019 г.)⁷. На фоне непрекращающегося демографического кризиса, характеризующегося сокращением доли трудоспособного населения, правительство Японии поэтапно, шаг за шагом либерализует миграционное законодательство, открывая возможность для привлечения трудовых мигрантов (преимущественно из азиатских стран) по все более широкому кругу квалификаций. Увеличение числа иностранцев делает практически невозможной дальнейшую эксплуатацию националистически настроенными политиками мифа о моноэтничности японского народа. Данный миф получил развитие после окончания Второй мировой войны на очередном витке переосмысления концепции *нихондзинрон*, основанной на представлении об уникальности японской нации⁸.

⁷ Такой рост, помимо прочих факторов, был обусловлен целенаправленной политикой правительства Японии по привлечению иностранных туристов. Большой общественный резонанс вызвала объявленная в 2016 г. амбициозная цель довести данный показатель до 40 млн. чел. к 2020 г., когда должна была состояться Токийская Олимпиада-2020 (в итоге проведенная в 2021 г. при пустых трибунах на фоне пандемии COVID-19), и до 60 млн. чел. к 2030 году. После окончания пандемии поток иностранных туристов постепенно восстанавливается и в 2023 г. составил 25,1 млн. чел. Подробнее см. официальный сайт Туристического управления Японии. URL: https://www.mlit.go.jp/kankocho/tokei_hakusyo/shutsunuyukokushasu.html (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ Распространение мифа о моноэтничности японской нации в свое время способствовало дискриминации этнических меньшинств, которые плохо вписывались в данную концепцию — прежде всего, корейцев *дзайинити* или ко-

Несмотря на то, что присутствие иностранцев в японском обществе постепенно становится обыденностью, недостаточный личный опыт взаимодействия с иностранцами нередко приводит к непониманию того, как выстраивать общение с ними.

Поскольку объективно зафиксировать многие из указанных нами социальных изменений на этом этапе представляется достаточно трудным, рассмотрим, какие тенденции в восприятии иностранцев в японском обществе отражают художественные произведения последних лет. Необходимо уточнить, что в первую очередь мы будем говорить об иностранцах западного происхождения. В исследованиях, посвященных иностранцам или иностранному в литературе, также речь идет главным образом о европейцах и американцах. Дело в том, что большинство авторов, выбравших в качестве героев иностранцев-азиатов, сами этнически принадлежат к китайским, корейским и другим диаспорам, проживающим в Японии, поэтому фактически они описывают сами себя⁹, а не противопоставленного себе «другого»¹⁰.

Иностранцы фигурируют в японской литературе еще со времен эпохи Мэйдзи и предстают в самых «различных обликах» [McCarthy, 1998, p. 15]. Произведения тех лет, когда Япония только знакомилась с Западом, показывают всё иностранное далеким, чуждым, незнакомым, а иностранных персонажей — покрытыми вуалью экзотики. В послевоенной литературе с появлением в стране все большего количества иностранцев ситуация меняется. Иностранцы перестают быть редкой диковинкой, однако остаются неравноценными японским персонажам. В исследовании Цурута Кинъя утверждается, что иностранцы в японской послевоенной литературе нужны исключительно для литературных целей в ущерб раскрытия их характера [Цурута, 1986, с. 121]. Приводя примеры из произведений Кавабата Ясунари, Носака Акаюки, Оэ Кэндзабуро, Цурута пишет о карикатурности или же о декоративной, служебной роли иностранных персонажей и отсутствии у них убедительного человеческого характера [Там же,

ренного народа северной части японского архипелага — айнов. Подробнее см. [Lie, 2001, pp. 130–136] и [Sugimoto, 2014, pp. 209–218].

⁹ Пользуются широкой известностью писательницы тайваньского происхождения Вэнь Ёжоу и Ли Котоми, кореянки Ян И, Ли Янджи и др. Многие из них получают признание в виде премии Акутагавы и др. престижных литературных наград.

¹⁰ Произведения таких авторов представляют богатый материал для дальнейшего изучения проблем иностранцев в Японии, в том числе относительно китайских и корейских меньшинств и др. Японских авторов, однако, персонажи из других азиатских стран интересуют крайне мало.

с. 118]. Однако мнение Цурута не подтверждается уже в литературе конца XX в. Так, Миямото Тэру в «Повести о комете» делает иностранного студента из Венгрии Балажа Поланьи главным героем и наделяет его всеми чертами полноценного персонажа [Миямото, 1998].

Рассмотрим несколько примеров из произведений XXI в.

В повести Акадзомэ Акико «Донос дев» Бахманн — преподаватель немецкого в институте иностранных языков. Это очень странный, резкий и импульсивный человек, вызывающий страх у студенток и недоумение и даже презрение у японских преподавателей [Акадзомэ, 2010, с. 8]. Он всегда носит с собой куклу Ангелику и очень ей дорожит. Бахманн — чудаковатый преподаватель, однако именно он — связующее звено между студентками и изучаемым ими «Дневником Анны Франк», который играет важную роль в их учебе и даже жизни. Бахманн расставляет нужные акценты в интерпретации произведения, оказывает на студенток идеологическое влияние и направляет их мысль. Этот персонаж реалистичен и органично вписывается в картину их субкультуры «дев» (отомэ), и именно Бахманн начинает так называть студенток. Убедительность образа Бахманна подчеркивает также то, что профессия преподавателя — одна из самых распространенных среди иностранцев в Японии. Таким образом, Бахманн играет одну из ключевых ролей в повести, обладает самостоятельным характером. Кроме того, его «иностранность» не интересует автора как показатель его культурной инаковости, как и в случае с Анной Франк, судьбу которой японские девочки пытаются проецировать на себя. Акадзомэ интересуется способность Бахманна как носителя языка и культуры интерпретировать «Дневник», то есть его специальные знания. В целом же он действует на равных правах с японскими персонажами.

Так же нейтрально воспринимается иностранец в повести Оно Масацугу «Молитва девять лет назад», где описан недолгий роман главной героини Санаэ с канадцем Фредериком. Образ Фредерика лишен детальности, за исключением двух моментов: его внешнее отличие и его слабых характерность. Показательно, что героиня выделила Фредерика среди других, увидев его «меланхоличный взгляд» и почувствовав его неуверенность в себе [Оно, 2014, с. 92]. Предыдущие возлюбленные Санаэ обладали теми же качествами, поэтому Фредерик — её тип мужчины. Если его фигура лишена самостоятельности, то это связано не с иностранным происхождением, ведь все мужчины Санаэ (японцы) описаны таким же образом, они служат для раскрытия характера героини.

В рассказе Экуни Каори «Движение вперёд, или то, что кажется движением вперёд» героиня беспокоится о том, как будет принимать у себя девушку из Англии Аманду [Экуни, 2003]. Однако предмет ее беспокойства отнюдь не иностранное происхождение Аманды, ее иной образ жизни или культура. Она переживает только о том, что в доме не хватит места, белья, что там беспорядок и т. д.

В рассказе Огава Ёко «Шестидневный тур «Свежий ветер Вены»» рассказчица вынуждена вместе со своей спутницей Котоко навещать её бывшего возлюбленного, австрийского инженера, находящегося при смерти в доме престарелых. У Йохана в молодости были «прозрачные глаза, мягкие как одуванчик золотые волосы» [Огава, 2001, с. 44]. Однако в доме престарелых все старики были на одно лицо и лежали с закрытыми глазами. Они настолько похожи, что героини принимают за Йохана другого умирающего. Таким образом, в конце жизни Котоко и Йохана разделяет только расстояние, которое ей пришлось проделать до Австрии, Йохан-старик не наделен даже внешними отличиями. Перед лицом старости и смерти все равны, говорит нам автор, и любого нужно проводить в последний путь.

Из рассмотренных примеров видно, что иностранцы в литературе постепенно начинают занимать равноправные позиции с японскими героями. Их характеристики, из которых «иностранность» перестает быть центральной, становятся более детальными, они выступают как полноценные личности. Их внешние, культурные и языковые отличия не воздвигают преграды между ними и японскими героями, отношения с ними воспринимаются как привычное явление.

В целом, японское общество постепенно привыкает к присутствию иностранцев, при этом процесс их интеграции все еще находится на начальной стадии. Если раньше контакты с иностранцами для большинства японцев были крайне редкими и в основном осмысливались на индивидуальном уровне, то теперь, с ощутимым ростом числа иммигрантов и их разнообразия, перед самим обществом стоит задача разработки новых моделей взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Chung H.** How Do Japanese Perceive Foreigners? Portrayals of Foreigners in Japanese Media // Athens Journal of Mass Media and Communications. Vol. 8. No. 4. 2022. Pp. 219–236.
- Lie J.** Multiethnic Japan. Harvard University Press, 2001. 248 p.
- McCarthy P.** The West as Other // A Tanizaki Feast: The International Symposium in Venice. University of Michigan Press, 1998. Pp. 15–20.
- Sugimoto Y.** An Introduction to Japanese Society. Fourth Edition. Cambridge University Press, 2014. 382 p.
- Акадзомэ Акико.** Отомэ-но миккоку [赤染晶子。乙女の密告]. Донос дев. Токио: Синтёся, 2010. 121 с. (на яп. яз.).
- Миямото Тэру.** Суйсэй моногатари [宮本輝。彗星物語]. Повесть о комете. Токио: Бунгэйсюндзю, 1998. 427 с. (на яп. яз.).
- Огава Ёко.** Кадзэ каору уи: н-но таби муйка-кан [小川洋子。風薫るウィーンの旅六日間 // 『海』]. Шестидневный тур «Свежий ветер Вены» // Море. Токио: Синтёся, 2004. С. 37–61. (на яп. яз.).
- Оно Масацугу.** Кю: нэн-маэ-но инори [小野正嗣。九年前の祈り]. Молитва девять лет назад. Токио: Коданся, 2014. 226 с. (на яп. яз.).
- Цурута Кинъя.** Сэнго нихон бунгаку-ни окэру сэйё: дзин-но имэ: дзи [鶴田欣也。戦後日本文学における西洋人のイメージ // 第10回国際日本文学研究集会研究発表]. Образ западного человека в послевоенной японской литературе // Материалы десятой международной конференции по японской литературе. 1987. С. 112–123. (на яп. яз.).
- Экуни Каори.** Дзэнсин, мосику ва дзэнсин-но ё: ни омоварэру моно [江國香織。前進、もしくは前進のように思われるもの // 『号泣する準備はできていた』]. Движение вперед или то, что кажется движением вперед // Я готова была плакать навзрыд. Токио: Синтёся, 2006. С. 9–26. (на яп. яз.).

OLGA A. ZABEREZHNAIA

Tenri University
Tenri, Japan
kluginda@gmail.com

GRIGORY O. MISOCHKO

Kyoto University of Foreign Studies
Kyoto, Japan
g_misoch@kufs.ac.jp

Perception of Foreigners in Contemporary Japan

Abstract: The article explores the perception of foreigners in modern Japan based on the analysis of statistical data and academic literature. Since the late 20th century, the number of foreigners in the country has been increasing, and their composition has become more diverse. Although most migrants come from Asian countries, public focus is largely on Europeans and Americans, who have traditionally been viewed more positively. The presence of foreigners has become a part of everyday life; however, the process of their full integration into Japanese society is not yet complete. Special attention is given to the analysis of the portrayal of foreigners in 21st-century Japanese fiction, where there has been a shift from exotic perceptions to more equal and realistic depictions.

Keywords: immigration, representation of foreigners, integration of foreigners into society.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**Буддийская дипломатия
и глобальное благополучие:
уроки прошлого
и перспективы будущего**

УДК 322: 327

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-25

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЖЕЛЕЗНЯКОВ

zhelezniakovas@yahoo.com

СВЯТОСЛАВ ВАДИМОВИЧ НИКИФОРОВ

ursus-arktos@yandex.ru

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
Москва, Россия

Буддийский фактор в политических процессах Монголии и приграничных регионов России с точки зрения цивилизационной политологии

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии».

Аннотация: Авторы, применяя полипарадигмальный инструментарий цивилизационной политологии, развивающей концептуальные положения цивилизационного подхода, исследуют особенности буддийского фактора в политических процессах Монголии и приграничных регионов России, вычленяя исторические и современные особенности его влияния в политическом и цивилизационном пространстве. Религиозный фактор определяется ими как один из значимых субстратов цивилизационной идентичности, а роль в развитии Монголии и России, знаковой и судьбоносной.

Ключевые слова: цивилизационная политология, созидатели цивилизации, политические акторы, буддийский фактор в политических процессах, междисциплинарное сотрудничество.

© А. С. Железняков, С. В. Никифоров

Наш доклад посвящен рассмотрению буддийского фактора в политических процессах Монголии и прилегающих к ней регионах России с точки зрения цивилизационной политологии.

Цивилизационная политология, ее методология позволяет рассмотреть роль религиозного фактора в политических процессах той или иной страны или в международном масштабе в рамках взгляда на картину мира через призму одновременно и цивилизационного, и политического пространств, которые сосуществуют в научном дискурсе, но исследуются в двух разных парадигмах.

Изучая эти два находящиеся в разных измерениях пространства, цивилизационная политология рассматривает религиозный фактор как бы через стереоскопическую призму в двух лежащих параллельно относительно друг друга плоскостях. Подобно тому, как параллельные плоскости не пересекаются и не сливаются в одну, изучаемые в рамках разных парадигм цивилизационные и политические процессы также не смешиваются. Взаимосвязь между этими процессами просматривается только в стереоскопической картине. Попытка рассмотрения этих по-разному структурированных пространств в одной плоскости дает теоретически несостоятельное гибридное смешение парадигм.

Религиозный фактор обозначается в каждом из двух пространств по-разному. В цивилизационном — в виде важной отрасли деятельности создателей цивилизации. По С. А. Арутюнову, «создатели цивилизации используют в своей деятельности не только создаваемые массовыми производителями материальные блага, но и духовные продукты их культуры, т. е. верования, мифы, обычаи, обряды, орнаменты». Говоря о том, что создатели цивилизации усложняют эти продукты, «придавая им более рафинированную, цивилизованную форму», автор подразумевает под этим, ко всему прочему, и действие именно религиозного фактора. Тем более, он в этом контексте говорит о стержневых основах цивилизации, которыми становятся особый метаязык и создаваемые на нем канонизированные и сакрализованные прототексты [Арутюнов, 2012, с. 9–10]. В политическом же пространстве религиозный фактор видится, прежде всего, во взаимоотношениях между политическими акторами по поводу религии или на так называемой «религиозной почве».

Цивилизационная политология, таким образом, изучает религиозный фактор одновременно в сакрализованном, принципиально не меняющемся на протяжении многовековых отрезков истории цивилизационном пространстве и в ежедневно

меняющемся политическом пространстве. Несмотря на то, что эти два пространства имеют разные логику и смыслы своего построения, а также темпы протекания в них исторического времени, их проекция друг на друга позволяет выявить важные моменты проявления религиозного фактора в политической жизни той или иной страны. Наиболее выпукло эти моменты высвечиваются при анализе исторических судеб знаковых личностей и исключительно важных событий, связанных с переломными эпохами истории.

В качестве иллюстрации этого положения, целесообразно привести пример такой знаковой личности, относящейся одновременно к созидателям цивилизации и к акторам, оказавшимся в центре переломного в истории Монголии политического момента, связанного с разрушением буддийской церкви в Монголии в конце 1930-х гг. и началом ее возрождения в 1940–1950-е гг.

Речь идёт об удивительным образом уцелевшем во время репрессий конца 30-х гг. XX в. крупным монгольском ученом-ламе Н. Эрдэнипэле, который стал в 1944 г. хамба-ламой, т. е. главой монгольских буддистов.

Лама Эрдэнипэл, с одной стороны, яркий представитель цивилизационного пространства. Он продолжатель традиционной буддийской историографии, монгольской научной школы. И одновременно, он автор труда по истории Монголии, написанного в совершенно необычном, неведомом его предшественникам теоретическом ключе, с использованием передовых взглядов ученых XX в. на историю Монголии в контексте ее места в мироустройстве. В этом плане он, несомненно, созидатель цивилизации, усложняющий духовные продукты, придающий им рафинированную форму. Но, с другой стороны, Эрдэнипэл имеет прямое отношение к политическому пространству: он представитель некогда господствовавшего слоя общества — высшего духовенства, подвергнувшегося репрессиям со стороны новой власти, который выстоял и стал непосредственно претворять в жизнь важный поворот в политическом развитии Монголии: ему выпало выступить вместе с высшей государственной властью за восстановление в стране религиозной службы. Этот шаг был им сделан практически на «пустом месте» после того, как народно-революционная власть закрыла все монастыри (почти все они были практически разрушены), а лам, в верхнем слое физически уничтожив, вынудила официально отречься от своего духовного сана. Стать в таком «зачищенном» политическом пространстве главой монгольских буддистов Эрдэнипэлу помогло его истине «знаковое» положение в пространстве цивилизационном.

Отметим, что сам религиозный фактор в политических процессах в переломные эпохи тех или иных стран и в международном масштабе можно рассматривать с точки зрения как политического, так и цивилизационного пространств. Это связано с тем, что сама цивилизация, как явление социальное, культурное и этническое, обладает целым набором отдельных составляющих самостоятельной системы идентичностей человека, которые в своей совокупности формируют цивилизационную идентичность, стоящую над всеми ними. Среди них можно выделить общность исторической судьбы народов, сосуществующих в рамках одной системы общественных отношений и общего вмещающего ландшафта на протяжении длительного исторического времени, языковую близость, общность быта и хозяйственной деятельности, культурную, этническую и непосредственно религиозную идентичности. При этом в системе локальной цивилизации все эти факторы-идентичности переплетаются друг с другом, и, хотя в зависимости от особенностей развития цивилизации один из них может преобладать, для мироощущения представителей цивилизации важным является их системная целостность. Особенно ярко это проявляется на уровне межкультурных отношений, где ключевым становится понимание идентичности индивида путем сопоставления и нередко противопоставления представителям других цивилизаций по модели «свой — чужой».

Примечательно, что Северный (тибетский) буддизм, сосуществующий в синкретизме с шаманизмом, стал одним из ключевых столпов монгольской цивилизации, наряду с кочевым образом жизни во вмещающем ландшафте обширных степей Евразии, общим месторождением многих кочевых народов этого региона мира и их несомненной этнокультурной и во многом языковой близостью.

Однако насколько велика роль буддизма как одной из составляющих монгольской цивилизации в политических процессах региона и мира? С исторической точки зрения, буддизм послужил важным ценностным маркером для Восточной части Монгольской империи, став теми скрепами, что позволили вновь сплотить проживающие на этих территориях этнические группы уже не только на основе схожего образа жизни и родства по происхождению, но и на основе новой (для этих народов) религии, что в итоге оказало решающее влияние на сохранение монгольской цивилизационной идентичности в период зависимости Монголии от Цинской империи Китая и позволило после свержения этой

империи в результате Синьхайской революции 1911 г. привести к появлению де факто теократической формы правления государства.

Знаменательным также является и тот факт, что именно буддизм становится в этот исторический период тем ценностным ядром, вокруг которого происходит сплочение монгольского народа во время зарождения национально-освободительного движения, ещё до начала активного распространения идей коммунизма и социализма в Монголии. Об этом явно свидетельствует тот факт, что одним из толчков начала борьбы монголов за независимость от империи Цин мог стать визит Далай-ламы в Монголию, поскольку после него вскоре и Тибет, и Монголия выступили за независимость от китайского государства. Так, изучив обширные материалы отечественных и монгольских архивов, С. Л. Кузьмин пришёл к выводу, что «в 1904–1906 гг. Далай-лама... поддержал стремление монголов к независимости. Кроме того, во время его пребывания во Внешней Монголии было решено отделиться от империи Цин и создать союзное государство Монголии и Тибета при поддержке России. По-видимому, этот вопрос обсуждался на тайных встречах Далай-ламы и Богдо-гэгэна: ламы и князя Монголии не могли принять такое решение вопреки воле Богдо-гэгэна» [Кузьмин, 2014, с. 33].

Политическое воплощение в рамках развития национально-го движения буддизм нашёл и во Внешней Монголии, и во Внутренней. Так, как отмечают Б. Д. Цыбенков и Юй Шан, буддийское духовенство «организовало в аймаке Ехэ-Зуу дугуйланское движение против распашки монгольских пастбищ» [Цыбенков, Юй, 2018, с. 110–111], что фактически являлось политикой, направленной на превращение монголов из кочевников в земледельцев, которую начали проводить маньчжурские власти в начале XX в. Также отдельные ламы, вероятно, приняли участие в восстании ихэтуаней в 1900–1901 гг. Особо исследователи выделяют в развитии национального движения южных монголов роль «святых революционеров» Ванданнима и Улзийжаргала.

Важно отметить, что с началом революционных потрясений и внутренних конфликтов, охвативших империю Цин Китая, китайские лидеры осознали значимость буддийского религиозного фактора и выбрали именно его в качестве опоры для сохранения в составе Китая Внутренней Монголии. Так, Юань Шикай, находясь уже в статусе президента Китайской Республики, в 1912 г. даровал VI Чжанчжа-хутухте, главному ламе Внутренней Монголии, титул «Великий государственный учитель с полным благословением

и сиянием» и солидное государственное жалование его заслуг в области защиты буддийской религии и большого вклада в развитие Китайской Республики [Цыбенев, 2018, с. 110–111]. Тем самым, он противопоставил его Богдо-гэгэну, де факто уже ставшему к тому времени правителем суверенной Внешней Монголии.

Кстати, на примере противоборства Чжанчжа-хутухту и Богдо-гэгэна четко прослеживается, что религия является одним из ключевых факторов, образующих цивилизационную идентичность, но не единственным. Историческая память и культурная общность не позволили ряду князей Внутренней Монголии мириться с тем фактом, что Чжанчжа-хутухту стал китайским ставленником, и заставили искать поддержки у Богдо-гэгэна, который, в свою очередь, стал искать поддержку у России, вероятно, видя в ней в том числе и исторического преемника Монгольской империи в Евразии. Одним из таких князей стал Удай, после встречи с Богдо-гэгэном начавший теократическое восстание на территории Внутренней Монголии и поставивший во главе трёх направлений удара повстанческого войска трёх буддийских перерожденцев, буддийских святых. Несмотря на собственную и народную веру, восстание князя Удая тогда не увенчалось успехом, и он был вынужден бежать к хайларским даурам, чтящим ещё добуддийские, шаманистские традиции, которые смогли тогда на короткое время добиться чуть больших успехов в борьбе за независимость.

Буддизм стал новой точкой межцивилизационного взаимодействия для российской и монгольской цивилизации ещё в XVII–XIX вв., обретя своё политическое воплощение. Отказ от принудительного крещения бурят-монгольских родов в православие стал решающим фактором, обеспечивающим их вхождение в состав Российской империи, а также религиозной системы управления приграничных регионов России. Политика, направленная на суверенизацию и централизацию буддийских институтов в ней, правовое закрепление буддийской сангхи в качестве религиозной организации и фактическое признание буддизма в качестве одной из религий Российской империи обеспечили надёжное размежевание геополитических границ с Цинским Китаем [Цыремпилов, 2015], и, вероятно, в то же время послужили созданию благоприятного образа России как государства, покровительствующего буддийским народам в глазах не только бурятов, но и монголов. Последствием подобной политики можно считать практическое развитие идеологии панмонголизма и попытки реализации её на практике, предпринятые белогвардейцами атаманом

Г. М. Семеновым и бароном Р. Ф. Унгерном в ходе Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

С победой социалистической революции в России и народной революции в Монголии роль буддизма изменилась и во многом он сам оказался и субъектом, и объектом политики новых революционных властей. Примечательно, что на начальном этапе буддизм рассматривался большевиками как один из инструментов интернациональной борьбы, способов распространить пожар мировой революции на территорию Внутренней Монголии, Тибета и Синьцзяна. Однако по мере того, как правительство Чан Кайши укрепляло свои позиции в Китае, также используя фактор буддизма для идеологических оснований своей внутренней и внешней политики, в том числе для противопоставления друг другу МНР и Внутренней Монголии, а советские дипломатические миссии в Тибете не увенчались успехом, была проведена переоценка его значимости. Также буддийское духовенство внутри Монголии и монгольские эмигранты стали искать помощь в Японии, США или Китае, считая, что антирелигиозная кампания в СССР приведет к «смерти веры» в Монголии. С течением времени также и панмонголизм стал использоваться в качестве идеологии, противопоставляемой эмигрантами и сопредельными с СССР и МНР державами социализму и коммунизму. Так инструменты мировой революции фактически стали инструментами контрреволюции в Монголии и приграничных советских регионах [Синицын, 2012].

На все эти события значительное влияние оказала и внутриполитическая борьба в СССР и МНР, а также, вероятно, смена идеологической модели от мировой революции к построению социализма в отдельно взятой стране, что вылилось на короткий исторический промежуток в уничтожение её интернациональных институтов, де факто, в современных терминах, мягкой силы, которыми стали как Коминтерн, так и буддийские ламы. Конечно, у руководства двух стран были и теоретические основания обеспечить резкую смену экономической модели отношений в социалистических странах, ликвидировав старые социально-экономические институты, и они располагали надежными сведениями о том, что данные институты использовали в своих интересах их внешние и внутренние противники. Но эта борьба со старыми институтами и политическими врагами переросла в массовые репрессии, приведшие к гибели многих невинных людей, что, тем не менее, в конечном итоге, действительно, нивелировало значимость буддийских лам в политическом процессе социалистических государств.

Однако с нападением фашистской Германии на СССР в 1941 г. политика властей по отношению к подвергшимся ранее гонениям и лишенным духовного сана священнослужителям изменилась, храмы постепенно стали вновь открываться. Затем буддизм вновь стал превращаться в элемент мягкой силы МНР и СССР. «Пережив период государственных гонений 1930-х гг., буддийская церковь Монголии была частично реабилитирована во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг., а ее служители стали привлекаться к некоторым внешнеполитическим акциям руководства МНР... Самым ярким примером использования буддийского фактора во внешней политике МНР является создание в 1970 г. международной неправительственной организации буддистов стран Азии «Азиатская буддийская конференция за мир» (АБКМ)» [Родионов, 2023, с. 246–247]. Фактически она выступила инструментом противодействия буддийским институтам мягкой силы США и КНР в регионе и мире.

В современной же постсоциалистической Монголии роль буддизма «значительно контрастирует с периодом начала XX в. Буддизм в большей степени рассматривается как этнополитический маркер, нежели как система религиозных верований и догматов. Такие важные функции политической мобилизации, как образование и формирование мировоззрения, находятся в ведении светских институтов, а не буддийской церкви» [Родионов, 2018, с. 98]. Интересно, что особая роль буддизма в том или ином виде закрепляется в положениях целого ряда основополагающих монгольских нормативно-правовых актов, в частности, в её Концепциях внешней политики и национальной безопасности.

Таким образом, историческая и современная роль буддизма в Монголии и приграничных регионах России и КНР, в развитии межцивилизационного взаимодействия и политических процессов, внутристранового, регионального и межрегионального уровня весьма значима. Она может характеризоваться как одна из форм соприкосновения цивилизационного и политического пространства, и, возможно, стать основной для развития новых концепций межцивилизационного сотрудничества России и Монголии в XXI в. в рамках развития многополярного миропорядка и, например, обеспечения коллективной цивилизационной безопасности государств-цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С. А.** Силуэты этничности на цивилизационном фоне: Монография / С. А. Арутюнов; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: НИЦ Инфра-М, 2012. 416 с. (Научная мысль).
- Кузьмин С. Л.** Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Том 9 / 2014. г. Иркутск. С. 33–39.
- Родионов В. А.** Буддизм и постсоциалистическая трансформация в Монголии // Власть. 2018. Том 26. №2. С. 94–99.
- Родионов В. А.** «Мягкая сила» Монголии периода социализма // Власть. 2023. Том 31. №5. С. 245–250. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9825>.
- Синицын Ф. Л.** «Буддийский фактор» во внешней политике СССР в Дальневосточном регионе (1925–1945 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. №1 (161). С. 53–59.
- Цыбенков Б. Д., Юй Шан.** Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Серия: История. Том 26. С. 109–118.
- Цыремпилов Н. В.** Российско-цинские договоры XVII–XVIII вв. И статус тибето-монгольского буддизма в российской империи // Вестник БГУ. 2015. №7. С. 125–129.

ALEXANDER S. ZHELEZNYAKOV

zhelezniakovas@yahoo.com

SVYATOSLAV V. NIKIFOROV

ursus-arktos@yandex.ru

*Institute of Sociology RAS
Moscow, Russian Federation*

The Buddhist Factor in the Political Processes of Mongolia and the Border Regions of Russia from the Perspective of Civilizational Political Science

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) grant no. 24–48–03022 “Traditional Buddhism, Post-Secularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”.

Abstract: The authors, using the polyparadigmatic toolkit of civilizational political science, developing the conceptual provisions of the civilizational approach, study

the features of the Buddhist factor in the political processes of Mongolia and the border regions of Russia, isolating the historical and modern features of its influence in the political and civilizational space. The religious factor is defined by them as one of the significant substrates of civilizational identity, and the role in the development of Mongolia and Russia, symbolic and fateful.

Keywords: civilizational political science, creators of civilization, political actors, Buddhist factor in political processes, intercivilizational cooperation.

САНЖИДА АЛЕКСАНДРОВНА ДАНСАРУНОВА

Бурятский государственный университет

Улан-Удэ, Россия

sdansarunova@bk.ru

Буддизм в общественных процессах современной России

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН научного проекта № 24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии».

Аннотация: Традиционные догматы буддизма включены в жизнь людей осознанно или интуитивно в условиях бытности. Они задействованы в социальной вовлеченности, во внутренней и внешней политике, о чем свидетельствуют международные форумы, также другие значимые события. Буддизм является традиционной религией Бурятии, Калмыкии и Тувы. Он является религиозно-философским учением, которое открыто для всех, независимо от национальности и вероисповедания.

Ключевые слова: буддизм, социальная вовлеченность.

© С. А. Дансарунова

Сегодня религиозные традиции исследуются представителями многих научных дисциплин. Рассматриваются задачи носителей этих традиций, производства и воспроизводства этих традиций, включение новаций и инноваций в практику в связи с меняющимся обществом. Россия одновременно с наступлением глобализации, высокоразвитой современной культурой и информационно-коммуникационной технологией бережно хранит традиции далёкой старины, дошедшие до наших дней.

Буддизм является первой религией по времени возникновения и насчитывает приблизительно 2,5 тыс. лет. Он возник в Индии. Буддизм пробивался сквозь века и в очередной подступающей своевременной действительности, отсеивая по ходу социального

времени отслужившие, т. е. уже как невостребованные практики и традиции. Одними из остро востребованных традиций, насущных для всех последующих потомств являются гуманность, милосердие, терпимость и послушание. Кроме того, «в странах, где людям нравятся молитвы, буддизм учит молиться. В странах, где господствует интеллектуализм, буддизм учит познавать и рассуждать. В странах, где люди хотят разобраться в своей душе при помощи психологии, буддизм использует понятия психологической науки»¹.

В России распространена тибетская версия Махаяны — Гелугпа. Буддизм России не только религия этноса, но и часть российской культуры. В нём история народов буддийской веры вошедших в жизнь России с оттенками культуры Запада и Востока. В 1741 г. При императрице Елизавете Петровне буддизм официально признан в статусе одной из государственных религий. С тех пор народы России соблюдают и чтут его традиции и практики, которые трансформируются согласно развитию общества, но при этом не теряют своих главных духовных ценностей. Исходя из этого, В. В. Путин в своем обращении к участникам I Международного буддийского форума сказал, как «отрадно, что нынешнее поколение последователей этой древней религии бережно хранит ее непреходящие ценности, богатейшее историческое культурное наследие предков, направляет свои усилия на гармонизацию межрелигиозного и межнационального диалога, упрочнении мира и согласие в стране»².

1 сентября 2022 г. Владимир Владимирович Путин поздравил Хамбо Ламу Дамбу Аюшеева с 60-летием. В телеграмме сказано, что «в России и за её пределами все знают и уважают, как авторитетного религиозного лидера, мудрого учителя и наставника». Также Дамбу Аюшеева поздравили премьер-министр Михаил Мишустин, спикер Совета Федераций Валентина Матвиенко и председатель Государственной Думы Вячеслав Володин.

Буддисты составляют 1% от населения России. Буддийская Ассоциация России считает, что их около 1,5–2 млн. человек. В большинстве люди, исповедующие буддизм, проживают в Бурятии, Туве, Калмыкии, Алтае, в Забайкалье, Иркутской области, Санкт-Петербурге, Москве и других городах.

¹ **Горбатов Виктор.** Буддизм в современном мире. <https://levelvan.ru/pcontent/buddizm-6/sovremennost> (дата обращения: 17.09.2024).

² Владимир Путин обратился с приветствием к участникам I Международного буддийского форума https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/08/17/vladimir-putin-obratilsya-s-privetstviem-k-uchastnikam-i-mezhdunarodnogo-buddiiskogo-foruma (дата обращения: 17.09.2024).

Кроме духовных практик современный буддизм России участвует и активно вовлекается в решение социальных проблем и их вызовов. Социальное служение или социальная вовлеченность появились в далеком прошлом как нравственное понятие и совсем недавно как сфера профессиональной деятельности.

Буддийская традиционная Сангха России (БТСР) по проекту XXIV Пандито Хамбо-Ламы Д. Аюшеева больше 10 лет воплощают социальные проекты. В их число входит проект «Социальная отара» с бесплатной раздачей овец, будущих владельцев которых ждёт экономический эффект. Фермеры получают от Сангхи отару, через 2 года после появления потомства часть овец возвращается Сангхе, а приплод остается у фермеров. Запущен проект «Возрождение традиционного войлока Бурятии». Промышленное производство натуральной продукции номадного овцеводства уже дало первые метры высококачественного войлока. Из них будут создавать войлок, одежды, нити и обувь. 60% от выручки продукции возвращается владельцу сданной шерсти, а 40% на оплату услуг производства. Кроме этого, в дацане постоянно проводятся конкурсы для сохранения бурятского языка. Проводятся соревнования различного уровня. Таким образом, в дацане проводят не только религиозные, но и социокультурные события.

В Калмыкии при главном храме республики «Золотая обитель Будды Шакьямуни» регулярно проводятся благотворительные акции «Доброе Сердце». Подступившая помощь является проявлением душевной теплоты людей и их равнодушия и готовности прийти на помощь.

Буддийское духовенство Тывы считает, что семья — это сплоченное и духовное согласие, уважение и одна из ключевых ценностей. Крепкая семья — это тот фундамент, на котором строится государство. В год семьи в Тыве прошла научно-практическая конференция «Буддийские духовно-нравственные ценности в формировании семьи как фундамента российского общества». Главная цель встречи — это созидательное решение проблем семьи и детства.

Не отстают от своих духовных коллег представители московского буддийского центра «Ганден Тендар Линг». Сергей Мещеряков, координатор этого коллектива сказал, что «у них не хватает ресурсов на самостоятельный благотворительный проект, поэтому мы просто ищем тех, кому можем реально помочь»³. При скудности

³ **Аронов Никита.** Кому помог верховный лама. Благотворительность в буддизме. http://savetibet.ru/2010/10/16/buddhism_and_philanthropy.html (дата обращения: 17.09.2024).

собственных ресурсов при помощи костромского центра помощи детям «Примирение» оказывается помощь детям, проблемным семьям и семьям заключённых. Российский постсоветский буддизм демонстрирует феномен своей социальной вовлеченности в жизнь страны.

Кроме этого, характерность российского буддизма в том, что не само являлась инициатором объединения рассеянных общин в единую сангху. Так было проще взаимодействовать с одним хамбо-ламой, чем с десятком конкурирующих настоятелей монастырей. Буддизм выступает как традиционная религия трех регионов в России: Бурятии, Калмыкии и Тувы. По данным переписи 2021 г. в Бурятии проживает 979 тыс. человек, которые составляют свыше 167 национальностей. Особенности буддизма бурят в том, что тибетские древние местные обряды, ритуалы, культы, соединились с древними, уже существовавшими до прихода дхармы культурами. Эти культы до дхармы были связаны с шаманскими практиками, с духами предков, окружающей природой, её объектами.

Буддизм является религиозно-философским учением, которого придерживаются около 496 млн. человек. Он представляет собой духовную основу национальных традиций, ценные понятия номадной бытности, дошедшие до нынешних времен. Священнослужители буддизма читают молитвы на хуралах-собраниях, которые в понятиях верующих «обладают большой силой воздействия на жизнь человека, на разрешение возникающих у них проблем. Когда ламы читают молитвы, то Будда и его окружение, которым посвящается молебен, незримо присутствуют в дацане. Во время хурала дацан наполняется мощной божественной энергетикой, очищая все вокруг и всех присутствующих на молебне мирян. Важно, что хуралы могут посещать люди разных национальностей и вероисповеданий, и Будда и его последователи помогают всем им в равной степени» [Самдан, 2014, с. 11].

Сегодня религиозные традиции — это исторически существующие социальные духовные принципы, передающиеся потомкам для нерушимой соблюдаемости. Несмотря на это, по современным требованиям общества в трансформации религии включены новации как абсолютные новшества и инновации как измененные моменты прежних молебнов и ритуалов. В тоже время возникают новые традиции, актуальные для наступающего времени. В этих исторических наследиях-ценностях четко выражены любовь к Родине, стойкость народа, сплочённость и смекалка превзошедшие сегодня во много раз подковывание блохи. Представители высших чинов в государствах, региональной

власти, священнослужители взаимно присутствуют на значимых событиях государства и церкви. Также конфессии стремятся к толерантному сотрудничеству с государством в различных направлениях, включая социально-политическую деятельность, и душевную помощь со стороны священнослужителей населению в трудных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

Самдан С. Д. Наш путь в дацан. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2014. 80 с.

SANZHIDA A. DANSARUNOVA

Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
sdansarunova@bk.ru

Buddhism in the social processes of modern Russia

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation of the scientific project no. 24-48-03022 "Traditional Buddhism, Post-Secularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia".

Abstract: Traditional tenets of Buddhism are included in people's lives consciously or intuitively in the conditions of being. They are involved in social involvement, in domestic and foreign policy, as evidenced by international forums, as well as other significant events. Buddhism is the traditional religion of Buryatia, Kalmykia and Tuva. It is a religious and philosophical teaching that is open to all, regardless of nationality and religion.

Keywords: Buddhism, social involvement.

МАРИЯ АНДРЕЕВНА КУДИНОВА

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru

Понятие «буддийской дипломатии» в научном дискурсе КНР: предварительное сообщение

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: В статье представлен обзор изданных в КНР научных публикаций, в которых используется термин «буддийская дипломатия». Выявлено, что понятие «буддийская дипломатия» не является широко распространенным в дискурсе общественных и гуманитарных наук Китая. Впервые оно было применено в работах, посвященных изучению дипломатических связей Китая эпохи раннего Средневековья с соседними государствами Восточной и Центральной Азии, а позднее получило распространение в исследованиях по новейшей истории и современным международным отношениям в Азиатском регионе.

Ключевые слова: Китай, Индо-Тихоокеанский регион, «буддийская дипломатия», история международных отношений.

© М. А. Кудина

Как показал анализ работ, включенных в крупнейшую базу научных публикаций КНР — CNKI (中国知网 «Чжунго чживан»), понятие «буддийская дипломатия» (佛教外交 佛交) не является общепринятым для дискурса общественных и гуманитарных наук в Китае. По соответствующему запросу было найдено всего 32 публикации¹, причем среди них отсутствуют специализированные монографии и докторские диссертации.

¹ Данные приводятся по состоянию на 23.06.2024.

Понятие «буддийская дипломатия» было впервые применено профессором Фуданьского университета Хань Шэном в статье, посвященной связям между странами Восточной Азии в период раннего Средневековья [Хань Шэн, 1999]. В своей монографии 2009 г. «Исторический очерк формирования восточно-азиатского мира» этот исследователь дал следующее определение: «Осуществление дипломатической деятельности с использованием буддийского вероучения можно назвать «буддийской дипломатией»» (цит. по: [Сунь Сяньчжэн, 2022, с. 13–14]). Впоследствии оно было конкретизировано Сунь Сяньчжэном: «Буддийская дипломатия — это направленные на достижение национальных интересов политические установки, действия и их результаты, при реализации которых применяются такие методы, как внедрение буддийских элементов в дипломатическую деятельность и проведение буддийских культурных обменов» [Там же, с. 14].

Научные работы, посвященные изучению различных аспектов «буддийской дипломатии», включают статьи в научной периодике (в том числе, в авторитетных рейтинговых журналах) и магистерские диссертации по специальностям «международная политика» и «международные отношения». В настоящий момент выделяются два тематических направления: изучение истории «буддийской дипломатии» и анализ роли «буддийской дипломатии» в современных международных отношениях.

Изучение исторического опыта «буддийской дипломатии» сконцентрировано, в первую очередь, на периоде раннего Средневековья (эпохи Северных и Южных династий, Суй и Тан), когда проходило активное знакомство Китая с буддийской культурой в различных ее проявлениях. В свою очередь китайские государства транслировали буддийское учение в восточном (на Корейский полуостров и Японский архипелаг), северо-восточном (Бохай) и северо-западном (тюрки) направлениях. Именно изучение основополагающей роли буддизма в развитии отношений между Китаем и соседями в период IV–X вв. в работах Хань Шэна [1999; 2000; 2001], Гэ Цзюна и Чжэн И [2002], Цю Чжунмин [2009] и др. послужило отправной точкой для формирования понятия «буддийская дипломатия» и его исследования в гуманитарных и общественных науках КНР. Сравнительно недавно концепт «буддийская дипломатия» стал применяться также в исследованиях новейшей истории Восточной Азии: в работах Шэнь Тина [2021] и Чжан Юцяя [2021] о деятельности наставника Тайсюя и его последователей, а также в статье Гацзан Чжаси [2021] о роли тибетского религиозного деятеля Гэшэ Шэраб

Гьяцо в развитии дипломатических связей в первые годы существования КНР.

Работы, посвященные анализу современной ситуации, исследуют применение буддийской дипломатии во внешней политике Индии [Фань Минсин, 2013; Лоу Чуньхао, 2017; Цзоу Инмэн, 2019; Сунь Сяньчжэн, 2022] и Камбоджи [Ли Циньхэ, Чжао Вэй, 2018]. Кроме того, предметом изучения становится роль буддийской дипломатии в развитии связей КНР или отдельных ее регионов (Сычуань, Юньнань) со странами Юго-Восточной и Южной Азии [Сы Дань, 2015; Чэнь Ланьсинь, Го Дань, 2016; Чжао Чжилинь (Суриямонгкхончай Кэмапат), 2017; Чжан Юань, 2019 и др.].

Несмотря на то, что понятие «буддийская дипломатия» сравнительно недавно вошло в оборот общественно-гуманитарных дисциплин КНР, в последние годы появляется все больше работ, исследующих роль буддизма как в современных международных отношениях, так и в исторической перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

Гацзан Чжаси. Сижэо Цзяцо юй синь Чжунго чэнли чуцидэ фоцзяо вайцзяо [尕藏扎西. 喜饶嘉措与新中国成立初期的佛教外交]. Гэшэ Шэраб Гьяцо и буддийская дипломатия в начальный период образования нового Китая // Цинхай шэхуэй кэсюэ. 2021. №4. С. 135–141 (на кит. яз.).

Гэ Цзиюн, Чжэн И. Суй ши Бянь Гуангао юй дунья фоцзяо вайцзяо [葛继勇、郑屹. 隋使遍光高与东亚佛教外交]. Суйский посланник Бянь Гуангао и буддийская дипломатия в Восточной Азии // Хайцзяо ши яньцзю. 2002. №2. С. 30–36 (на кит. яз.).

Ли Циньхэ, Чжао Вэй. Цзяньпучжай гован Сихамонидэ дуй хуа фоцзяо вайцзяо [李勤合、赵伟. 柬埔寨国王西哈莫尼的对华佛教外交]. Буддийская дипломатия короля Камбоджи Сиамони в отношении Китая // Гунгун вайцзяо цзикань. 2018. №4. С. 92–98, 127 (на кит. яз.).

Лоу Чуньхао. Модидэ «фоцзяо вайцзяо»: фэншэн шуйци дань тяочжань бусяо [楼春豪. 莫迪的《佛教外交》：风生水起但挑战不小]. «Буддийская дипломатия» Моди: все идет прекрасно, но проблем немало // Шицзе чжиши. 2017. №20. С. 28–29 (на кит. яз.).

Сунь Сяньчжэн. Иньду Моди чжэнфудэ фоцзяо вайцзяо яньцзю: цзюйю гуаньсисин гунгун вайцзяодэ шицзяо [孙先正. 印度莫迪政府的佛教外交研究：基于关系型公共外交的视角]. Исследование буддийской дипломатии правительства Н. Моди в Индии с точки зрения публичной дипломатии реляционного типа. Дисс. магистра. Шаньдунский университет, 2022. 62 с. (на кит. яз.).

- Сы Дань.** Фоцзяо вайцзяо дуй чунцзянь хайшан сычоучжилу чжэнцэдэ инсян — и Чжунго юй Сылиланька гуаньси вэй чжунсинь [司聃。佛教外交对重建海上丝绸之路政策的影响——以中国与斯里兰卡关系为中心]。Влияние буддийской дипломатии на политику воссоздания морского Шелкового пути: на примере отношений Китая и Шри-Ланки // Сычоучжилу. 2015. №16. С. 33–35 (на кит. яз.).
- Фань Минсин.** Фоцзяо вайцзяо — Иньду дуй Сицзан чжэнцэдэ цзучэн буфэнь [范名兴。佛教外交——印度对西藏政策的组成部分]。Буддийская дипломатия — составной элемент политики Индии в отношении Тибета // Нанья яньцзю цзикань. 2013. №2. С. 81–86 (на кит. яз.).
- Хань Шэн.** Бэйцзин дасюэ тушугуань цан дуньхуан бэнь Шэндэ-тайцзы сецзин юй дунъядэ «фоцзяо вайцзяо» [韩昇。北京大学图书馆藏敦煌本圣德太子写经与东亚的《佛教外交》]。Копия дуньхуанской сутры, переписанная принцем Сётоку, из библиотеки Пекинского университета и «буддийская дипломатия» в Восточной Азии // Шисюэ цзикань. 2001. №3. С. 55–60 (на кит. яз.).
- Хань Шэн.** Лунь суй-во цзяовандэ синши цзи ци шичжи [韩昇。论隋倭交往的形式及其实质]。О форме и сущности суйско-японских отношений // Сямэнь дасюэ сюэбао. 2000. №1. С. 115–122 (на кит. яз.).
- Хань Шэн.** Наньбэйчао суй тан шидай дунъядэ «фоцзяо вайцзяо» [韩昇。南北朝隋唐时代东亚的《佛教外交》]。«Буддийская дипломатия» в Восточной Азии в эпоху Северных и Южных династий, Суй, Тан // Фоцзяо яньцзю. 1999. Вып. 8. С. 300–305 (на кит. яз.).
- Цзоу Инмэн.** Иньдудэ фоцзяо вайцзяо: дунъинь, тайши юй цяньцзин [邹应猛。印度的佛教外交: 动因、态势与前景]。Буддийская дипломатия Индии: мотивы, направления и перспективы // Шицзе цзунцзяо вэньхуа. 2019. №3. С. 37–44 (на кит. яз.).
- Цю Чжунмин.** «Фоцзяо вайцзяо» — бэй ци хоучжу дуй туцзюэдэ вайцзяо фанлюэ [邱忠鸣。《佛教外交》——北齐后主对突厥的外交方略]。«Буддийская дипломатия» — дипломатическая стратегия последнего императора Северной Ци в отношении тюрков // Шицзе цзунцзяо вэньхуа. 2009. №2. С. 35–36 (на кит. яз.).
- Чжан Юань.** 21 шицзи хайшан сычоучжилу юй чжунгохуа цзунцзяо вайцзяо гоуцзянь — и чжунго фоцзяо дуй дуннанья дицзюй цзяолу вэй ли [章远。21世纪海上丝绸之路与中国化宗教外交构建——以中国佛教对东南亚地区交流为例]。Морской Шелковый путь в XXI веке и создание китаизированной религиозной дипломатии: на примере роли китайского буддизма в контактах с Юго-Восточной Азией // Гоцзи чжаньван. 2019. №2. С. 40–63, 151 (на кит. яз.).
- Чжан Юцай.** Тайсую даши «фоцзяо канчжань лунь» шупин [张有才。太虚大师《佛教抗战论》述评]。Обзор «теории буддийской войны сопротивления» наставника Тайсюя // Фаинь. 2021. №6. С. 29–37 (на кит. яз.).

Чжао Чжилин (**Суриямонгкхончай Кэмапат**). Тайго юй Юньнаньдэ фоцзяо вэньхуа цзяолю яньцзю [赵智霖 (Suriyamongkolchai Kaemapat)。泰国与云南的佛教文化交流研究]. Исследование буддийских культурных обменов между Таиландом и пров. Юньнань. Дисс. магистра. Юньнаньский университет, 2017. 72 с. (на кит. яз.).

Чэнь Ланьсинь, Го Дань. Чуань-инь фоцзяо вэньхуа цзяолю цзи чжаньван — цзюй чжун-инь фоцзяо вайцзяо бэйцзиндэ сыкао [陈兰馨、郭丹. 川印佛教文化交流及展望——基于中印佛教外交背景的思考]. Буддийские культурные контакты между пров. Сычуань и Индией и их перспективы: на основе анализа опыта буддийской дипломатии в отношениях Китая и Индии // Чжунхуа вэньхуа луньтань. 2016. №10. С. 153–161 (на кит. яз.).

Шэнь Тин. Миньго шици Тайсую сэнтунань цзай дуннаньдэ «фоцзяо вайцзяо» ходун [沈庭. 民国时期太虚僧团在东南亚的«佛教外交»活动]. Буддийская дипломатическая деятельность монашеской группы Тайсюя в Юго-Восточной Азии в период республики // Хубэй шэхуэй кэсюэ. 2021. №1. С. 98–105 (на кит. яз.).

MARIA A. KUDINOVA
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
maria-kudinova@yandex.ru

The concept of “buddhist diplomacy” in the academic discourse of the PRC: preliminary research

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 “Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity”.

Abstract: The paper presents a brief review of research works published in the PRC in which the term “buddhist diplomacy” is used. It is revealed that the concept of “buddhist diplomacy” is not widely used in social and humanitarian sciences in China. This concept was firstly used in works devoted to the study of diplomatic relations between China and neighbouring states of East and Central Asia in the early Middle Ages, and later became widespread in studies on modern history and contemporary international relations in the Asian region.

Keywords: China, Indo-Pacific region, “buddhist diplomacy”, history of international relations.

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ШУТОВА

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

m.vitchenko@g.nsu.ru

Буддизм и власть в современной Корее: отношения ордена Чоге и президентской администрации Юн Согёля

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: В докладе рассматриваются взаимоотношения буддийского ордена Чоге и администрации президента Юн Согёля на материале публикаций в официальном СМИ ордена — «Буддийской газете». Эти отношения с момента предвыборной кампании нельзя было назвать доверительными, и в последствии напряженность только усилилась. Газета часто критикует действия и высказывания президента, обвиняя его в невыполнении обещаний и религиозной предвзятости в пользу христианства. Можно отметить, что при соблюдении внешней видимости взаимной поддержки и уважения на момент написания статьи отношение Юн Согёля к ордену Чоге является пренебрежительным, в то время как орден отвечает критикой и осуждением.

Ключевые слова: буддизм, Республика Корея, орден Чоге, Юн Согёль, администрация президента.

© М. А. Шутова

Действующий президент Юн Согёль был кандидатом от ведущей оппозиционной партии правоконсервативного толка «Гражданская сила» и победил на выборах, прошедших 9 марта, с результатом 48,56% голосов. Инаугурация состоялась 10 мая 2022 г.

Орден Чоге (조계종) считается основным и традиционным буддийским объединением Республики Корея. Он возник еще в IX в.

и существовал с некоторыми перерывами, последний из которых был вызван японской оккупацией. В 1941 г. орден был восстановлен.

1 января 1960 г. под юрисдикцией ордена Чоге была основана газета «Корейский буддизм» (대 한 불 교)¹, которая с 2002 г. и по сей день выходит онлайн под названием «Буддийская газета» (불 교 신 문) и является, по сути, СМИ, транслирующим официальную позицию буддийской общины. Поэтому для освящения позиции ордена Чоге по отношению к администрации Юн Согёля в нашем исследовании мы опирались преимущественно на статьи, опубликованные там.

Следует отметить, что небольшое возмущение с религиозным оттенком было связано с именем Юн Согёля еще на периоде предвыборных дебатов, когда журналисты заметили на его ладони знак 王 (кор. 왕, «король, правитель»)².

Во время предвыборной гонки «Буддийская газета» проводила интервью с Юн Согёлем и его главным противником Ли Джемёном, кандидатом от «Демократической партии Тобуро». Вопросы были связаны с такими проблемами, как сохранение и возвращение буддийского культурного наследия, финансирование храмов, находящихся на территории национальных парков, установление сотрудничества между буддийской общиной и президентской администрацией и т. д.³

Буддийская программа обоих кандидатов не имела больших различий, однако сообщество было прежде всего заинтересовано в том, насколько искренне кандидаты собираются их придерживаться. При этом после новостей об избрании Юн Согёля президентом «Буддийская газета» еще раз перечислила его буддийскую программу с подзаголовком «Интересует, будут ли выполнены буддийские обещания, данные во время президентской избирательной кампании»⁴.

¹ Официальный сайт «Буддийской газеты». Раздел «История». // Пульгё синмун. URL: <https://www.ibulgyo.com/com/com-2.html> (дата обращения: 10.08.2024).

² См., например, **Kwon Mee-yoo**. “King” mark on opposition presidential contender’s palm raises eyebrows // The Korea Times, 03.10.2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/10/356_316399.html?tw (дата обращения: 10.08.2024).

³ **Хон Даён**. Тэсонхубо интхобю/кунмин-ый хим юнсогёль хубо [홍다영. 대선 후보 인터뷰/ 국민의힘 윤석열 후보]. Интервью с кандидатом в президенты/кандидат от партии «Сила народа» Юн Согёль // Пульгё синмун, 07.02.2022. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=216260> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ **Ом Тхэгю**. Чезотэ тэтхоннён-е юнсогёль кунмин-ый хим хубо тансон [엄태규. 제20대 대통령에 윤석열 국민의힘 후보 당선]. Кандидат от партии «Сила народа» Юн Согёль избран 20-м президентом. // Пульгё синмун, 10.03.2022. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=216800> (дата обращения: 10.08.2024).

Национальные задачи нового президента были обнародованы уже 3-го мая, и буддийская программа оказалась сильно сокращена. Факт сокращения обязательств, связанных с жизнью буддийской общины, был упомянут в статье-послании новому президенту, выпущенной в день его вступления в должность⁵.

До конца 2022 г. газета снова в нескольких статьях подняла вопрос о снижении платы за вход в культурные ценности, однако в национальном бюджете этого не было отражено, что вызвало вопрос о готовности новой администрации к решению проблемы. Это обещание было названо «вымыслом»⁶.

2023 г. ознаменовался крупным недовольством ордена Чоге на почве религиозной предвзятости администрации партии власти, а позже и президента. Юн Согёль, выступая 27 апреля 2023 г. перед Конгрессом США, сказал, что Конституция Республики Корея основана на Библии⁷, что послужило поводом для нового возмущения ордена Чоге и требования извинений.

Более серьезное недовольство ордена Чоге администрации президента возникло в ноябре 2023 г. Оно было связано с тем, что все высшие государственные чиновники, возглавляющие Республику Корея, включая премьер-министра, министров и главных секретарей, являются христианами. «Буддийская газета» посвятила этой ситуации не менее десятка эмоционально окрашенных статей с использованием таких фраз как «пренебрежение буддизмом»⁸ и «серьезные религиозные предубеждения в нынешнем правительстве»⁹.

⁵ Редакционная статья. Чезотэ юнсогёль тэтхоннён-е паранда [[사설] 제20대 윤석열 대통령에 바란다]. Пожелания 20-му президенту Юн Согёлю. // Пульгё синмун, 10.05.2022. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=217982> (дата обращения: 11.08.2024).

⁶ Редакционная статья. Йёсан панъён омнын квалламнё пхеджинын хогу [[사설] 예산반영 없는 관람료 폐지는 허구]. Отмена платы за вход без отражения в бюджете — ложь. // Пульгё синмун, 19.09.2022. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=220050> (дата обращения: 11.08.2024).

⁷ Хон Даён. Тэсонхубо интхобю/кунмин-ый хим юнсогёль хубо [홍다영. 대선 후보 인터뷰/국민의힘 윤석열 후보]. Интервью с кандидатом в президенты/кандидат от партии «Сила народа» Юн Согёль // Пульгё синмун, 07.02.2022. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=402321> (дата обращения: 12.08.2024).

⁸ Ким Хаён. Юн тэтхоннён «тэханмингук хонпопчхегенын сонгён-есо наватта». [김하영. 윤 대통령 «대한민국 헌법체제는 성경에서 나왔다»]. Президент Юн сказал: «Конституционная система Республики Корея основана на Библии». // Пульгё синмун, 12.05.2023. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=407816> (дата обращения: 12.08.2024).

⁹ И Сонсу. Кёгубонсаджуджихёп «хён чонбу чонгё пхёнхян симгак» кёнго [이성수. 교구본사주지협 «현 정부 종교편향 심각» 경고]. Объединение епархиального

В феврале 2024 г. на упаковке подарков, отправленных к Лунному новому году буддийским монахам ордена Чоге от Юн Согёля, оказались изображены христианские символы, в результате чего главе Буддийской ассоциации при администрации президента пришлось поспешно приносить извинения.

Несмотря на вышеперечисленные конфликтные моменты, Юн Согёль ежегодно появляется на буддийских праздниках и молебнах, посещает храмы, встречается с монахами. В августе 2022 г. была открыта Буддийская ассоциация при администрации президента, в феврале 2024 г. Юн Согёль пообещал защищать буддийское наследие, создав центр сотрудничества в области религиозного наследия в рамках Управления национального наследия¹⁰.

Можно отметить, что в целом полемика ордена Чоге с президентской администрацией не выходит за рамки того, что принято в корейском демократическом обществе. Однако очевидна существующая напряженность, особенно по вопросам, касающимся финансовой поддержки храмов и преобладания политиков-христиан в правительстве.

MARIA A. SHUTOVA

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
m.vitchenko@g.nsu.ru

Buddhism and State in Modern Korea: The Relationship between the Jogye Order and the Presidential Administration of Yoon Suk Yeol

Acknowledgements: The study was supported by state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: The report examines the relationship between the Jogye Order and the administration of President Yoon Suk Yeol based on publications in the official media outlet of the order, the Buddhist Newspaper. These relations have not been trusting since the election campaign, and tensions have only increased since then. The

управления предупреждает о «серьезных религиозных предубеждениях в действующей власти» // Пульгё синмун, 14.11.2023. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=407932> (дата обращения: 12.08.2024).

¹⁰ Юн тэтхоннён-ый яксок [윤대통령의 약속]. Обещание президента Юна // Пульгё синмун, 05.02.2024. URL: <https://www.ibulgyo.com/news/articleView.html?idxno=410642> (дата обращения: 12.08.2024).

newspaper often criticizes the actions and statements of the president, accusing him of failing to fulfill his promises and having religious bias in favor of Christianity. It can be noted that, despite the outward appearance of mutual support and respect, at the time of writing the paper, Yoon Suk Yeol's attitude toward the Jogye Order is dismissive, while the order responds with criticism and condemnation.

Keywords: Buddhism, Republic of Korea, Jogye Order, Yoon Suk Yeol, presidential administration.

РУСЛАН МАРАТОВИЧ СЕИТОВ

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

seitofuruslan@gmail.com

Международная деятельность нитирэнистских религиозных движений

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: В XX в. японские неорелигиозные движения начали активно распространяться за рубежом. Особое место на международной арене занимают движения, основанные на идеях школы Нитирэн. Основатель школы, монах Нитирэн вывел несколько центральных постулатов, среди которых было активное участие в политической жизни и распространение учения по всей стране и за её пределами. Сегодня нитирэнистские общества действуют через международные организации и привлекают сторонников по всему миру. Также они являются основателями и участниками различных мирных и образовательных организаций и движений, действуют в структурах ООН. Тем не менее, деятельность и инициативы этих организаций не лишены и противоречий.

Ключевые слова: Буддизм, необуддийский движения, Сока гаккай, Рэйюкай, Риссё косэйкай, Ниппондзан Мёходзи.

© Р. М. Сеитов

На сегодняшний день к числу наиболее многочисленных и политически активных религиозных движений Японии можно отнести новые религиозные движения, основанные на идеях буддийской школы Нитирэн. Такие общества как Сока гаккай, Рэйюкай, Риссё косэйкай, Ниппондзан мёходзи также активно действуют за рубежом. Причину такой международной активности именно нитирэнистских движений, на наш взгляд, следует искать в истоках учения школы Нитирэн.

Школа Нитирэн была создана в средневековой Японии. Её основал монах Нитирэн (1222–1282), который верил, что истинная суть буддизма заключается в Сутре лотоса, а остальные буддийские школы распространяют неверное учение.

Важной частью религиозной доктрины Нитирэна было понятие Косэн-руфу, которое предполагало распространение вероучения по всей Японии, а затем и во всём мире. В 1295 г., всего через несколько лет после смерти Нитирэна, его ученик Нитидзи отправился на материк для распространения учения, что можно считать не только первым случаем распространения Нитирэнизма за рубежом, но также и первой зарубежной миссией японских монахов [Игнатович, Светлов, 1989, с. 83]

Со временем Нитирэн стала одной из крупнейших школ японского буддизма. После революции Мэйдзи в Японии стали появляться т. н. новые религиозные движения. В начале XX в. появилось несколько движений, основанных на учении школы Нитирэн.

Одним из первых международную деятельность начал орден Ниппондзан Мёходзи (Японская буддийская община). Он был основан в 1917 г. монахом Фудзии Ниттацу (1885–1985), который ссылаясь на слова Нитирэна о том, что только подвижники Лотосовой сутры знают, когда правительство следует правильной дхарме [Игнатович, 2002, с. 100]. За свою проповедническую деятельность монах был вынужден покинуть страну, и в 1918 г. первый храм секты был основан в китайском городе Ляоян. Фудзии вёл активную деятельность по распространению учения, и уже к концу 1920-х гг. Ниппондзан Мёходзи распространилась в Китае, Индии и Бирме. В 1933 г. он встречался и беседовал с Махатмой Ганди¹. За время своей жизни Фудзии посетил большое количество стран, участвовал в различных религиозных и политических мероприятиях, в основном в Южной Азии и Китае².

Одним из центральных видов деятельности Ниппондзан Мёходзи является постройка ступ мира, которые создаются во имя единения всех людей и мира на земле. На сегодняшний день ступы построены в Японии, Индии, Британии, США, на Шри-Ланке. В 2013 г. планировалось возведение ступы мира в Луганской области, однако оно так и не было завершено³.

¹ **Fujii Nittatsu.** История и личности префектуры Кумамото. URL: <http://www.kumamotokokufu-h.ed.jp/kumamoto/shoukai/rekisi/nittatu.html> (дата обращения: 02.09.2024).

² Биография святого Фудзии Ниттацу. URL: <https://nipponzanmyohoji.geo.jp/alife> (дата обращения: 03.09.2024).

³ Огромную буддийскую Ступу за \$2 млн. построят в Луганской области. Всероссийский отраслевой журнал Строительство. URL: <https://rcmm.ru/>

Организация особенно активна на территории СНГ. Так, в Кыргызстане единственную зарегистрированную буддийскую организацию возглавляет монах Алексей Шмыгля, уроженец Казахстана и последователь Ниппондзан Мёходзи⁴. После смерти основателя главой движения в Центральной Азии, России и Украине стал Тэрасава Дзюнсэй, известный своими противоречивыми антивоенными выступлениями и паломничеством в зоны боевых действий. В 2000 г. ему был закрыт въезд в РФ за высказывания из-за его позиции по войне в Чечне.

Необуддийское религиозное движение Сока гаккай (яп. 創価学会) имеет обширную международную организацию. Международная деятельность Сока гаккай началась в 1961 г., когда третий президент-основатель общества Икэда Дайсаку (1928–2023) отправился в зарубежное турне в страны Европы и Азии. Главной мотивацией общества к расширению за рубеж была идея распространения учения Нитирэна во всём мире [Игнатович, Светлов, 1989, с. 211]. В 1975 г. была образована международная организация Сока гаккай интернешнл. По заявлениям самой организации, она распространяется на 192 страны, включает в себя 90 филиалов и 3 миллиона последователей⁵. Кроме того, в распоряжении общества находятся учебные заведения от детских садов до университетов в нескольких странах мира. Главными проблемами, решением которых занимается Сока гаккай на международной арене, являются проблемы образования, мирного сосуществования, сохранения окружающей среды и взаимодействия культур [Смертин, 2012, с. 192].

С 1983 г. Сока гаккай интернешнл аккредитована как неправительственная организация с консультативным статусом при Экономическом и Социальном Совете ООН. Кроме того, в Нью-Йорке и Женеве находятся офисы Сока гаккай интернешнл по вопросам работы с ООН⁶.

Нитирэнистские движения Рэйюкай (яп. 霊友会, ассоциация духовной дружбы) и отколовшаяся от неё Риссё косэйкай (яп. 立正

novosti/ukraina/2488-ogromnyyu-buddiyskuyu-stupu-za-2-mln-postroyat-v-luganskoj-oblasti.html (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Как живет единственная буддийская община в Кыргызстане. Cabar Asia. URL: <https://cabar.asia/ru/kak-zhivet-edinstvennaya-buddijskaya-obshhina-v-kyrgyzstane> (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ A Global Organization. Soka Gakkai International official website. URL: <https://www.sokaglobal.org/about-the-soka-gakkai/at-a-glance/a-global-organization.html> (дата обращения: 02.09.2024).

⁶ Там же.

佼成会 Общество по утверждению истинного закона и совершенствованию сообщества верующих) также имеют международные организации и проводят инициативы, нацеленные на развитие образования и поддержание мира. Рэйюкай была создана в 1919 г. С 1972 г. организация вышла на международный уровень, когда был создан первый зарубежный филиал в США. На данный момент филиалы Рэйюкай есть в 17 странах мира⁷. Организация Рэйюкай-Евразия, которая базируется в Индии, с 2015 г. имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН⁸. Также по запросу правительства Непала в 1978 г. Рэйюкай решила построить и пожертвовать корпуса для Международного исследовательского Института Лумбини⁹.

Риссё косэйкай была основана в 1938 г., а свою международную деятельность начала в 1969 г., когда основатели участвовали в конгрессе Международной ассоциации религиозной свободы. В 2001 г. движением была основана Международная буддийская общин¹⁰. Также Риссё косэйкай поддерживает различные организации и инициативы ООН, такие как ЮНИСЕФ, Управление ООН по вопросам разоружения, Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам, Региональный центр ООН по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др.¹¹

Таким образом, доктрина школы Нитирэн и нитирэнистских движений направлена на распространение учения по всему миру, что обуславливает основание международных организаций и проведение различных инициатив, направленных на поддержание мира и развитие образования. В то же время, международные инициативы могут быть мотивированы не только религиозными и этическими, но и политическими и финансовыми причинами.

⁷ International. Reiyukai global portal. URL: <http://reiyukaiglobal.org/international/> (дата обращения: 03.09.2024).

⁸ Committee on Non-Governmental Organizations Recommends 15 Groups for Consultative Status with Economic and Social Council. UN website: <https://press.un.org/en/2015/ecosoc6694.doc.htm> (дата обращения: 03.09.2024).

⁹ The Lumbini International Research Institute. LIRI website: <https://www.lirilumbini.com/> (дата обращения: 04.09.2024).

¹⁰ International Buddhist Congregation. URL: <https://www.ibt-rk.org/> (дата обращения: 04.09.2024).

¹¹ Support for United Nations and Its Organs. Risho Kosei-kai. URL: <https://rk-world.org/cultural-projects-and-philanthropy/unicef-and-united-nations/> (дата обращения: 04.09.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Игнатович А. Н., Светлов Г. Е. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии. М.: Мысль, 1989. 300 с.

Игнатович А. Н. Школа Нитирэн. М.: Стилсервис, 2002. 60 с.

Смертин Ю. С. Японский необуддизм: политическая практика и глобальный проект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №8–1. С. 190–194.

RUSLAN M. SEITOV

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

seitofuruslan@gmail.com

International activities of Nichiren religious movements

Acknowledgements: The study was supported by state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: In the 20th century, Japanese neo-religious movements began to actively spread abroad. A special place in the international arena is occupied by movements based on the ideas of the Nichiren school. The founder of the school, the monk Nichiren, brought out several central postulates, among which was active participation in political life and the dissemination of teachings throughout the country and beyond. Today, Nichirenist societies operate through international organizations and attract supporters around the world. They are also the founders and participants of various peaceful and educational organizations and movements, and operate in UN structures. However, the activities and initiatives of these organizations are not without controversy.

Keywords: Buddhism, neo-Buddhist movements, Soka Gakkai, Reiyukai, Rissho Koseikai, Nipponzan Myohoji.

ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВНА ФРОЛОВА

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

janefr@mail.ru

Дискриминационные посмертные имена в буддийских храмах Японии

Аннотация: Присвоение посмертных имен в Японии является общепринятой практикой и реализуется в церемониале похорон по буддийскому обряду. Посмертное имя обычно составляется из иероглифов с высокоморальным значением, однако в конце 1970-х гг. выяснилось, что посмертные имена выступали в качестве средства социальной дискриминации. В имена потомков касты бураку включали знаки с негативным значением, которые явно указывали на их происхождение. Критика со стороны Лиги освобождения Бураку сильно ударила по репутации буддийских школ в Японии и вызвала волну «пересмотра дискриминационных имен», которая продолжалась до середины 1980-х годов.

Ключевые слова: Япония, буддизм, посмертные имена, дискриминация.

© Е. Л. Фролова

Сложившийся на настоящий момент в японском обществе погребальный ритуал находится практически в исключительном ведении буддийских институций. Услуги буддийских монахов включают несколько основных моментов: это чтение сутр в первые 49 дней и на сотый день после смерти и присвоение посмертного имени. В средние века с переходом погребальной обрядности в сферу ведения буддизма посмертные имена стали присваивать не только правителям и знати, но и всему населению. Посмертное имя обычно составляется из иероглифов с высокоморальным значением, подтверждая статус покойного и его высокие заслуги при жизни. В разных буддийских школах существуют свои системы рангов и званий, которые входят в посмертные имена, повышая их статус. Посмертные имена в Японии высекают на надгробиях и заносят в специальные реестры усопших для поминальных

служб (яп. 「過去帳」 *какотё*: «Книга прошлого»), которые постоянно хранятся при буддийских храмах.

Непомерно высокая плата за присвоение посмертных имен не раз становилась объектом критики в средствах массовой информации Японии. Но настоящий скандал в прессе разразился, когда выяснились случаи использования посмертных имен как средства социальной дискриминации. После выступления представителя школы Сото Матида Мунэо на III Всемирной конференции «Религии за мир», проведенной в 1979 г. в Принстоне (США), в котором он заявил, что в Японии нет дискриминации, Лига освобождения Бураку заявила решительный протест¹. Было указано на умышленное и продолжающееся использование «дискриминационных посмертных имен» (яп. 差別戒名 *сабэцу каймё*). Поскольку т. н. бураку (тж. буракумин) исторически были потомками касты «нечистых», лиц, традиционно занимавшихся в Японии грязными работами: ассенизацией, забоем скота, выделкой кож, уборкой мусора, они жили обособленно, им было запрещено вступать в брак с представителями иных сословий. Несмотря на то, что официально кастовая система была отменена в Японии в 1871 г., негласная дискриминация «неприкасаемых» сохранялась в обществе очень долго. Тщательная проверка происхождения проводилась как при подборе пары для вступления в брак, так и при приеме на работу или в элитные учебные заведения. Пользуясь тем, что буракумин, как правило, неграмотны, буддийские священники включали в их посмертные имена знаки 「革」 «кожа» (указание на занятие — выделку кож), 畜 «скот» (указание либо на род деятельности, либо прямое уничижительное именование человека), 「僕」 «раб, слуга», 「屠」 «резать, забивать (скотину)», либо сочетания подобных знаков с негативным значением («мясник, забойщик, нечеловек» и т. д.), которые явно идентифицируют происхождение бураку [Covell, 2005, p. 186].

Члены Лиги освобождения Бураку утверждали, что при храмах до сих пор существуют некие «дискриминационные книги», где содержатся инструкции по присвоению имен дискриминируемым слоям населения. Кроме того, при сравнении посмертных имен бураку и других прихожан того же периода обнаруживается, что количество символов в именах бураку меньше, а их ранг существенно ниже. В храмовых книгах покойные из общин бураку

¹ Лига освобождения Бураку (яп. 部落解放同盟 *Бураку кайхо*: до: мэи) представляет лиц, подвергавшихся в Японии дискриминации по крайней мере с конца XV в. и до современности.

перечислены не в порядке общей записи, а в конце книги, либо на полях. В некоторых храмах их записывают в отдельную книгу или в «отдельный том». Напротив имен бураку можно увидеть пометы 「穢多」эта, 「非人」хинин², 「新平民」синхэймин «новый простолюдin» [Фукудзаки, 1992, с. 154]. Кроме того, к погребальному обряду в случае буракумин прибавляли особые ритуалы, предназначенные для устранения «нечистоты» покойного [Covell, 2005, p. 172]. Могилы буракумин располагались в особых, зачастую наименее удобных и доступных частях кладбищ. Все эти меры привели к тому, что, посетив буддийский храм и могилу, можно с высокой степенью достоверности установить, принадлежали ли предки человека к дискриминируемой касте.

Обнародование этой нелюбезной информации сильно ударило по репутации буддийских школ в Японии, поставив под сомнение сам обычай присвоения посмертного имени. Ведь практика «дискриминационных посмертных имен» означает продолжение дискриминации в загробной жизни, и противоречит буддийскому учению о «спасении живых существ», о человеческом достоинстве и равенстве.

Спустя некоторое время школа Сото, с представителя которой началась эта скандальная компания, попыталась решить проблему. Она объявила о политике «пересмотра дискриминационных имен», изъятии «дискриминационных книг» и отказе от проверки анкетных данных покойного в целях устранения проблемы дискриминации бураку и защиты человеческого достоинства. Кампания по «пересмотру» заключается в том, что надгробия с выявленными «дискриминационными посмертными именами» должны переноситься с открытых кладбищ на закрытую территорию храма, чтобы предотвратить их использование для проверки происхождения. Старые заброшенные могильные плиты следует сдвинуть надписями внутрь, чтобы не привлекать внимания, а с новых надгробий дискриминационные имена следует удалить. На священников возлагается обязанность добавлять в храмовых книгах особые «извинительные» пометы к выявленным дискриминационным именам, им также запрещено показывать храмовые книги частным детективам и другим лицам, не принадлежащим к семье покойного.

В каждом храме, где были выявлены случаи присвоения дискриминационных имен, должна быть возведена мемориальная

² Эта и хинин — в средневековой Японии представители низшей касты неприкасаемых, люди грязных профессий, нищие, попрошайки и т. д.

башня в целях умиротворения душ умерших, а также проведены специальные «покаянные» поминальные службы. Также необходимо изменить поминальные службы (чтения сутр) по умершим, которым были присвоены дискриминационные посмертные имена.

В результате предпринятых усилий по отказу от «дискриминационных посмертных имен» в 141 из 145 буддийских храмов школы Сото, где были найдены соответствующие надгробия, уровень их «пересмотра» составляет 97,2%. Что касается «дискриминационных книг», в 207 из 218 храмов, где таковые записи были обнаружены, уровень «пересмотра» составляет 94,9% (по состоянию на 30 апреля 2016 г.)³. Были обнаружены и случаи, когда в конце XIX в. «дискриминационные посмертные имена» были даны не только бураку, но, например, прихожанину, перешедшему из храма другой школы в школу Сото, и такие факты требуют более тщательного анализа храмовых записей. В отдельных случаях усилия наталкивались на противодействие прихожан, которые запрещали менять что-то на могиле, либо на равнодушие или прямой отказ главных священников. Некоторые из них утверждали, что практика присвоения «дискриминационных посмертных имен» была всего лишь особенностью системы регистрации храмов периода Эдо (1603–1868) и не несла в себе смысла социальной дискриминации [Covell, 2005, p. 167].

В использовании дискриминационных посмертных имен замечена не только школа Сото, но и другие школы традиционного буддизма в Японии: Сингон, Тэндай и др. Их представители также пытаются решить проблему дискриминационных посмертных имен в своих храмах, исправить ошибки предшественников и восстановить репутацию храмового буддизма. Так, Такахаси Синкай, настоятель храма школы Тэндай в префектуре Нагано, изучив храмовые книги, обнаружил, что у 12 из 85 семей в его приходе имеются дискриминационные посмертные имена, которые практически все указывают на занятие выделкой кож. 21 марта 1982 г. Такахаси провел публичную церемонию умиротворения душ умерших, принеся извинения за дискриминацию в прошлую и присвоив новые посмертные имена [Covell, 2005, p. 191].

Годом позднее, в 1983 г. школа Тэндай учредила Комитет содействия гармонии (яп. 天台宗同和推進委員会 Тэндайсю: до: ва суй-син иинкай), который занимался, в том числе, вопросами дискриминации⁴. Однако современная реальность такова, что этот

³ Официальный сайт школы Сото. URL: <https://www.sotozen-net.or.jp/column/jinken-forum-2016-6.html> (дата обращения 01.08.2024).

⁴ Сайт всеяпонского буддийского общества [全日本仏教会]. URL: <https://www.jbfn.jp/newsletters?page=300> (дата обращения 01.08.2024).

фундаментальный вопрос не до конца реализован во всех буддийских школах. Если надписи на камнях будут сбиты, записи исправлены и проведены «покаянные» службы, факт дискриминации все равно останется в истории храмового буддизма.

В районах, где общинные связи остаются сильными (как правило, в сельской местности), имя по-прежнему играет важную социальную роль, определяя статус семьи в обществе. Хотя процесс исправления оскорбительных надгробий почти завершен, обращения в храмы с запросом информации о посмертных именах отдельных лиц продолжают поступать. Также существует риск того, что исправленные записи или перенесенные могилы будут использоваться для идентификации происхождения, или что возникнут новые формы дискриминации.

ЛИТЕРАТУРА

Фукудзакэ Такао. «Сабэцу каймё:» мондай ни цуйтэ [福崎 孝雄. 差別戒名] 問題について] О проблеме «дискриминационных посмертных имен» // Гэндай миккё. №4. 1992. С. 152–162.

Covell S. Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation. University of Hawai'i Press, 2005. 294 p.

EVGENIYA L. FROLOVA

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
janefr@mail.ru

Discriminatory Posthumous Names at Japanese Buddhist Temples

Abstract: The practice of assigning posthumous names in Japan is common and is carried out in the Buddhist funeral ceremony. Posthumous names are usually composed of characters with a highly moral meaning, but in the late 1970s it was discovered that posthumous names were used as a means of social discrimination. The names of descendants of the Buraku caste included characters with negative meanings, which clearly indicated their origin. Criticism from the Buraku Liberation League severely damaged the reputation of Buddhist schools in Japan and caused a wave of “revision of discriminatory names” that continued until the mid-1980s.

Keywords: Japan, Buddhism, posthumous names, discrimination.

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ФЕСЮН

Московский государственный университет

Москва, Россия

fesyun@iaas.msu.ru

**Что ждет буддиста в аду
(разнообразии наказаний и возможность
их избежать)**

Аннотация: К концу первого тысячелетия, когда в странах Дальнего Востока начали происходить социальные беспорядки, и стали распространяться эсхатологические настроения, бывшее ранее относительно спокойным положение изменилось. Вспомнили об идее трех исторических периодов деградации учения после нирваны Будды: «истинного Закона», «подобия Закона» и «конца Закона»; последний начался, предположительно, с 1052 г., и в ходе него буддизм должен был окончательно исчезнуть, а мир разрушиться. Перед амидаистами стояла теоретическая задача: определить способ избежать страданий на Шести Путиях, указав место, превосходящее их все, и избежав социального расслоения «на том свете». Таковым местом стала Чистая Земля, Западный «Рай» Будды Амида (Сукхавати), 7-й метафизический уровень, располагавшийся выше и вне исходных шести, которые теперь совокупно представлялись как *сансара*, а Чистая Земля становилась «географическим местом», «дорожной картой» нирваны, — что было наглядно и понятно для массового сознания. В Японии выдающейся фигурой в плеяде учителей амидаизма стал *Гэнсин* (942–1017). В 985 г. он закончил свой основной труд под названием «Собрание основ о перерождении в Чистой Земле» (*Одзёёсю*); в нем описаны ужасы Шести путей и сияние восточного рая. Книга стала «благой вестью» средневековья и была высоко оценена даже в Китае, куда ее отослали, предварительно переведя на китайский язык.

Ключевые слова: буддизм, амидаизм, воздаяние, ады.

© А. Г. Фесюн

К концу первого тысячелетия, когда в странах Дальнего Востока начали происходить социальные беспорядки, и стали распространяться эсхатологические настроения, бывшее ранее относительно спокойным положение изменилось. В обществе

вспомнили об идее трех исторических периодов деградации учения после нирваны Будды: «истинного Закона», «подобия Закона» и «конца Закона»; последний начался, предположительно, с 1052 г., и в ходе него буддизм должен был окончательно исчезнуть, а мир разрушиться.

Как это часто бывало в мировой истории, реагируя на бедствия и страдания основной массы населения страны, возникла плеяда буддийских деятелей, в той или иной форме проповедовавших идею полагания на силу Будды (*тарики*) в период, когда многих захлестывало отчаяние от природных и социальных бедствий, опускались руки при осознании невозможности что-либо изменить собственными силами (*дзирики*) [Амидаизм, 2018, с. 3–6].

Перед амидаистами стояла теоретическая задача: определить способ избежать страданий на Шести Путиях, указав место, превосходящее их все, и избежав социального расслоения «на том свете». Таковым местом стала Чистая Земля, Западный «Рай» Будды Амида (Сукхавати), 7-й метафизический уровень, располагавшийся выше и вне исходных шести, которые теперь совокупно представлялись как сансара, а Чистая Земля становилась «географическим местом», «дорожной картой» нирваны, — что было наглядно и понятно для массового сознания.

В Японии выдающейся фигурой в плеяде учителей амидаизма стал Гэнсин (942–1017). Он родился в небольшой деревне в семье провинциального аристократа. Его отец умер, когда мальчику исполнилось всего 7 лет, и это событие произвело на него огромное воздействие. Мать была глубоко верующей, что тоже серьезно повлияло на Гэнсина. Он был отослан в тэндайский центр на горе Хиэй; и вскоре проявил свои выдающиеся способности: выступил с лекцией по «Лотосовой сутре» перед императором Мураками.

Устранившись от общения с другими монахами, он полностью посвятил себя ученым делам (в частности, прочел весь буддийских канон пять раз). Став учеником тэндайского реформатора Рёгэна, в 974 г. он был назначен ответчиком от Тэндай на официальных дебатах. Исследовал «Лотосовую сутру»; считал, что должен быть путь достижения спасения для всех существ и во все времена; помощь же следует черпать в спасительной силе Амида. Суть религиозной жизни Гэнсин видел в пренебрежении страданиями на путях превращений, в стремлении к Чистой Земле с помощью Будды Амида.

В 985 г. он закончил свой основной труд под названием «Собрание основ о перерождении в Чистой Земле» (*Одзёёсю*); в нем

описаны ужасы Шести путей и сияние восточного рая. Книга стала «благой вестью» средневековья и была высоко оценена даже в Китае, куда ее отослали, предварительно переведя на китайский язык¹.

Десять судов Царей Ада

На первом суде, которым правит «Величественный Царь Цзинь», чиновники ада проводят расследование и решают — виновна душа, или нет; получив ясное представление, они решают вопрос о воздаянии за совершенные поступки. Затем душа переходит ко второму суду, где зеркало деяний на подставке ярко отражает все преступления, совершенные в течение жизни. После расспросов о причинах, их вызвавших, они осуждаются соответствующим образом. Затем переходят к третьему суду, где обвиняемых обваривают кипятком и жарят на огне. На четвертом суде их тела пронзают острыми ножами, животы вспаривают и вырывают сердца, а якшасы бьют их. На пятом суде, где правит Царь Яма, приговариваются те, кто совершил десять злодеяний, или пять непокорностей, либо лгал и говорил неправду, обманывал других и лишал их ценной собственности. На шестом суде из-за тяжести многочисленных проступков преступников мучают избиением, а их руки привязывают к длинной цепи. На седьмом суде надсмотрщики ада бичуют преступников, приносивших зло обездоленным и совершивших убийство. На восьмом суде якшасы подвешивают преступников. На девятом суде преступления трудно утаить, и на свет выводится все правое и неправое. Наконец, на десятом суде всех преступников приговаривают с учетом суждений предшествующих судов, и те, кто совершил десять злодеяний, отправляются на три пути зла. Что касается тех, кто совершал в жизни десять добродетельных поступков, то, напротив, их способ возрождения решается быстро: они постоянно наслаждаются звуками прекрасного Закона и получают все виды радости.

Идею Десяти Царей Ада создал **смешанный с буддизмом даосизм** и поместил над этими царями в качестве Верховного Правителя Области Тьмы Дицзана — бодхисаттву Кшитигарбха, считавшегося Повелителем Ада. Так спаситель из адского пламени стал его верховным правителем, а под его водительство попали Десять Царей. С первых веков нашей эры считалось, что он правит миром мертвых,

¹ Русскоязычный перевод см. в: [Амидаизм, 2018, с. 21–90].

располагавшимся под горой, у подножия которой стоял небольшой холм, на котором, как считалось, собирались души.

Внешне его описывают как сострадательного священника, чей посох хакхара сотрясает и открывает врата ада, а драгоценная жемчужина исполнения желаний освещает Область Тьмы. В день своего рождения, 30-й день 7-го месяца, вечером которого завершается праздник мертвых (Улламбана) и закрывается ад, Дицзан проповедует прощение раскаявшимся грешникам, обращаясь к Десяти Царям Ада, пришедшим поклониться ему. В день рождения Дицзана, когда ад закрывается, даются обеты помогать всем одиноким душам (о которых не заботятся родственники) и спасти их. Он считался способным не только вызволить из ада, но и провести души в рай. В Японии этот бодхисаттва стал особым защитником отошедших душ детей. Смешение этих идей, вероятно, побудило их объяснять такой обычай складывать камешки у ног Дзидзо в том смысле, что каждый из них означал одним камешком меньше из тех, что должны были собирать дети на берегах подземной реки.

Ад состоит из восьми частей (по Одзёсю):

- 1) **Ад Повторений.** Грешники в нем постоянно причиняют вред друг другу. Обнажая железные когти, они выцарапывают друг другу глаза; обдирают плоть на телах, покуда не выливается кровь и не показываются кости. Затем появляются адские служители и принимаются избивать их металлическими прутьями с головы до ног, пока их тела не измельчаются на кусочки, подобные песчинкам. И еще, их плоть рассекается острыми мечами, как это делают с рыбьим мясом. Но вот задувает холодный ветер, и они возвращаются к жизни, обретая свои прежние облики. Какое-то время спустя они вновь проходят через прежние муки.
- 2) **Ад Черных Верев.** Адские служители хватают грешников и бросают их лицом вниз на землю, которая представляет собой раскаленное железо. Затем они размечают их тела горячими металлическими нитками, как это делают своими шнурами плотники, после чего рассекают их на части по сделанным меткам раскаленными топорами. Иногда они пользуются пилами, иногда — мечами, рассекая на сотни тысяч частичек, которые разбрасывают по сторонам (либо разворачивают сеть, сделанную из бесчисленных горячих железных нитей, и загоняют в нее грешников).
- 3) **Ад Собрания.** У адских прислужников там коровьи и лошадиные головы, в руках палки, которыми они загоняют грешников в распадины между горами, а те в этот момент сходятся,

расплющивая тела, и кровь течет, заливая землю. Другие железные горы падают сверху, разбивая тела грешников до состояния мельчайших песчинок. Либо же их ставят на камень и разбивают другим камнем; либо бросают в железную ступку и толкут железным пестиком, хватают жертвы и помещают их в лес, где листья — мечи. Когда те глядят на верхушки деревьев, то видят там прекрасных женщин в красивых одеждах, похожих на тех, кого они прежде любили. Но, когда они пытаются забраться на эти деревья, листья на ветках вдруг превращаются в лезвия и режут их тела и плоть до костей. Но, ведомые своей злой кармой, они продолжают лезть к вершине, а добравшись до верха, видят, что женщина — предмет их желаний — оказывается на земле; грешник переполняет свое сердце желанием и начинает спускаться вниз. Однако лезвия листьев теперь поворачиваются вверх и вновь рассекают его тело, как прежде. В «месте Многих Мучений» пребывают мужчины, имевшие плотские связи с другими мужчинами. Увидев мужчину, к которому был исходно привязан, он страстно обнимает его, а возникшее пламя поглощает все его тело. После смерти они снова возрождаются и стремятся убежать в великом страхе, но падают вниз с крутой скалы, после чего их пожирают птицы в огненными клювами и лисы с огненными пастями.

- 4) **Ад Причитаний.** Грешников кладут на железные полки и, переворачивая, жарят; либо помещают в котлы и варят; или же вталкивают в узкие помещения, где пылает пламя; или открывают им рты железными щипцами и вливают туда расплавленную медь. В «место, называемое Облака-Огонь-Туман», попадают те, кто спаивал вином женщин, осуществлял насилие над ними, принуждая совершать бесстыдные поступки.
- 5) **Ад Великих Причитаний.** Здесь жизнь длится 8000 лет. Туда попадают убийцы, воры, распутники, пьяницы и употребляющие ругательные слова. Адские служители отрезают грешникам языки железными ножницами. После отрезания те вновь отрастают, но их отрезают снова. Им также вырывают глаза, после чего рассекают тело мечами, острыми как бритвы.
- 6) **Ад Жгучего Пламени.** Грешников помещают на большие железные полки, которые раскаляют, и те зажариваются. Поворачивая их то направо, то налево, сжигают до тонкого состояния (либо прикрепляют их к большим железным вертелам, пронзая насквозь так, что те выходят из голов, и долго жарят).
- 7) **Ад Великого Жгучего Пламени.** Туда попадают убийцы, воры, развратники, пьяницы, сквернословы, придерживавшиеся

ложных взглядов и оскверняющие чистоту давших обеты монахинь. Ветер кармы влечет людей, совершавших злые поступки, к соответствующим местам. Когда они их достигают, Царь Яма мучает их всевозможными способами, а затем, связав веревкой злой кармы, тащит в ад.

- 8) **Ад Авичи.** У четырех ворот стоят 18 котлов, в которых булькает расплавленная медь, заливая все пространство замков. В углах каждой секции есть 84000 железных пчел и огромных змей, изрыгающих яд и огонь. Иногда прислужники просеивают их через железную веялку, наполненную углями Трех Раскаленностей; кладут их на горячую землю и заставляют взбираться на раскаленную железную гору, а потом спускаться с нее, спускаться и снова подниматься. Они вытаскивают у них языки и пробивают их сотнями гвоздей, как коровью шкуру, так что не остается свободного места. Страдания в этом аду Авичи в тысячу раз сильнее, чем в каждом из семи предыдущих адов и во всех их отдельных местах. Сразу после этого места со скрытым огнем [расположено другое], наполненное мертвыми телами, испражнениями и грязью. Когда грешники стремятся вырваться из места со скрытым огнем и передохнуть, они попадают туда, покрываясь этой мерзостью с головы до ног. В трупах, фекалиях и грязи кишат черви, прокусывающие кожу грешников, впивающиеся в плоть, разгрызающие сухожилия, хрустящие костями и съедающие костный мозг.

Десять Царей

Чтобы достигнуть суда «Царя первой реки», надо пересечь «Реку Трех Путей», пройти по стремительным, крутящимся водам. На грешников нападают и жалят ядовитые змеи, их мозжат тяжелыми камнями, они умирают и вновь восстают, а их пронзают стрелы царей демонов и якшасов. Семь дней и семь ночей они пребывают в воде, безмерно страдая. Затем они пересекают 'Реку что делать'. Подгоняемые и вытаскиваемые на берег быкоголовыми и другими демонами, они попадают в руки старого демона женского пола по имени «Старухи, развешивающей одежду», которая сдирает с них платье и передает его «Старику, развешивающему одежду». Этот демон сидит на дереве, на ветках которого и развешивает одежду. Затем они предстают перед вторым судом, и, если степень их прегрешений на нем не устанавливается, то отправляются к третьему Царю — манифестации бодхисаттвы Манджушри. По пути в его

дворец души должны миновать так называемую «Заставу поступков», которую охраняет двенадцатиглазый и двенадцатирогий демон. Здесь на деревянном столе им отрубают ноги и руки, однако и после этого они предстают перед Царем.

Следующий судья, «Царь пяти чиновников», есть манифестация бодхисаттвы Самантабhadра. Перед тем, как предстать перед ним на 28-й день после своей смерти, души должны перейти так называемую «Реку поступков». Эта река 500 миль в ширину, вода в ней горяча и зловонна. Грешников загоняют в воду демоны, избивающие их палками, а затем их жалят ядовитые насекомые с железными клювами. Через семь дней они достигают противоположного берега, где пребывает «Царь пяти чиновников». По его приказу их взвешивают на «Весакх деяний», и, несмотря на то, что они чрезвычайно легки, тяжесть их преступлений столь велика, что громадный камень, служащий противовесом, взлетает вверх как перышко. Демоны «Бычья голова», и «Лошадиная голова», указывают на такую несбалансированность и злобно спрашивают преступников, что это значит? После убеждений покаяться в содеянном, их посылают на пятый суд Царя Яма, являющегося манифестацией бодхисаттвы Дицзан.

Лицо Царя Яма весьма яростное и злое, а огненные свет его глаз, так же, как и громовой голос, неописуемо пугают грешников. Он напоминает им об их преступлениях и о том, что они не раскаялись, добавляя, что их ввергнут в ад. Затем демоны ада хватают их за волосы и показывают в зеркале их собственные поступки, жестоко пугая.

Примечательно, что чиновники Царя Яма говорят, что, если грешники заплатят взятку в один миллион (взятничество везде, даже в аду!), то их отпустят и отошлют обратно в мир людей. Родственники и друзья покойного часто знают об этом и сжигают бумажные (ненастоящие) деньги, давая этим виртуальную взятку продажным служителям ада.

Заключение

Живописные описания адов были призваны устрашать людей и стимулировать их не допускать аморальных поступков под угрозой тяжких воздаяний. Описания ужасных мучений представляют собой гипертрофированные пытки, реально применявшиеся административными органами. Перечень преступлений — весьма подробно категоризированный и пространный — дает представление о том, какого рода антисоциальные действия были особо распространены в средневековых обществах Китая и Японии.

ЛИТЕРАТУРА

- Амидаизм в Японии (собрание текстов). М.: Изд-во вост. лит., 2018.
- Дзэ: до самбукэ: то нанасо-но осизэ [浄土三部経と七祖の教え]. Три сутры Чистой Земли и учения семи патриархов. Киото: Хигаси Хонгандзи, 2008. (на яп. яз.).
- О: дзэ: ё: сю: . Тайсё: синсю: дайдо: кё: [往生要集. 大正新脩大藏経]. Великая сокровищница сутр, составленная в эру Тайсё. Т. 1–85. Токио, 1932–1938. (на яп. яз.).
- Синсю: сю: со дэн [真宗宗祖伝]. Сказания о патриархах Истинной школы. Киото: Хигаси Хонгандзи, 1982. (на яп. яз.).

ANDREY G. FESYUN

Moscow State University

Moscow, Russia

fesyun@iaas.msu.ru

What a Buddhist Will See at Hell (Diversity of Punishments and a Possibility to Avoid Them)

Abstract: By the end of the first millennium, when social unrest began to occur in the countries of the Far East and eschatological sentiments began to spread, the situation changed. The idea of three historical periods of the degradation of the teaching after the nirvana of Buddha was recalled: the “true Law”, the “similarity of the Law”, and the “end of the Law”; the latter began, presumably, in 1052, and during it Buddhism was supposed to finally disappear and the world to collapse. The Amidists faced a theoretical task: to determine a way to avoid suffering in the Six Paths by indicating a place superior to them all and avoiding social stratification “in the next world”. This place became the Pure Land, the Western “Paradise” of Buddha Amida (Sukhavati), the 7th metaphysical level, located above and beyond the original six, which were now collectively represented as samsara, and the Pure Land became a “geographical place”, a road map to nirvana, which was clear and understandable for the mass consciousness. In Japan, the outstanding figure in the galaxy of Amidist teachers was Genshin (942–1017). In 985, he completed his major work, entitled “Collection of the Fundamentals of Rebirth in the Pure Land” (Ojoyoshu); it describes the horrors of the six paths and the radiance of the eastern paradise. The book became the “good news” of the Middle Ages and was highly valued even in China, where it was sent after being translated into Chinese.

Keywords: Buddhism, Amidaism, retribution, hells.

УДК 223

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-32

АННА СЕРГЕЕВНА ШМАКОВА

shmakovaa@yahoo.com

АЛИНА ДМИТРИЕВНА КРАВЦОВА

al.kravtsova01@mail.ru

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Источники, свидетельствующие об изменении статуса буддизма на Корейском полуострове в период с IV по XVI века

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: Буддизм на протяжении многих веков занимал важное место в истории и культуре Кореи, о чем свидетельствуют данные письменных источников периодов Корё (936–1392) и Чосон (1392–1910). Тем не менее в разные периоды корейской истории статус буддийского учения и буддийской общины значительно менялся. В данной статье представлен анализ материалов источников «Оставшиеся сведения о трех государствах» (кор. 삼국 유사, кит. 三國遺事), «Жизнеописания достойных монахов, что к востоку от моря» (кор. 해동고승정, кит. 海東高僧傳), а также «История Корё» (кор. 고려사, кит. 高麗史) и «Истинные записи династии Чосон» (кор. 조선 왕조 실록, кит. 朝鮮王朝實錄), иллюстрирующий изменение положения буддистов и буддизма в Корею в указанный хронологический период.

Ключевые слова: буддизм, статус буддизма в Корею, Корё, Чосон.

© А. С. Шмакова, А. Д. Кравцова

Проникновение буддизма на Корейский полуостров из Китая способствовало фундаментальной трансформации корейского общества и формированию новых стандартов в религии и быту. Кроме того, установление единой религиозной системы в значительной степени консолидировало корейский этнос.

Главными источниками, которые могут сообщить о положении буддизма в ранний период корейской истории, являются летопись «Оставшиеся сведения о трех государствах» (кор. Самгук юса, кит. 三國遺事) Ирёна и собрание биографий «Жизнеописания достойных монахов, что к востоку от моря» (кор. Хэдон косын чон, кит. 海東高僧傳) Какхуна.

Созданию «Оставшихся сведений трех государств» предшествовал труд «Исторические записи Трех государств» (кор. Самгук саги, кит. 三國史記), составленный Ким Бусиком (1075–1151) в 1145 г. Для понимания главного различия между этими двумя источниками необходимо уточнить статус их авторов.

Ким Бусик по своим убеждениям был конфуцианцем. Благодаря своей эрудиции он смог завоевать уважение у китайских и корейских чиновников. Что касается буддизма, то в данной летописи отсутствуют «удивительные» повествования, а записи о деятельности монахов просто излагаются в виде фактов¹. Стоит отметить, что в данном источнике записи о буддизме являются достаточно редкими, тем не менее, содержание некоторых из них повествует о достаточно высоком положении буддизма в государстве².

Тем временем Ирён (1206–1289) был буддийским монахом, большая часть жизни которого пришлась на смутные времена монгольского нашествия (1231–1259). Он активно занимался проповедованием буддизма, что позволило ему получить достаточно

¹ Так, например, во 2-ом томе (летописи Когурё) «Исторических записей...» в правление Мунджамёна (491–519) отмечена одна запись о строительстве храма Кымганса [Ким Бусик, 1959]. Также в летописях Силла было отмечено несколько моментов: отмечается болезнь вана, которую смогли вылечить только после того, как на собрании священников были прочитаны молитвы (636 г., правление Синдок-ванху) [Ким Бусик, 2001. С. 146]. Далее есть сведения о том, что ван Муэль (654–661) беспокоился об отсутствии вестей от китайского императора об отправлении войск на помощь, но вскоре ему является фигура, похожая на отправленных сановников, которая сообщила вану, что император направил войска (659 г., правление Муэль-вана) [Ким Бусик, 2001, с. 158].

² Во время правления Мунму-вана, в 663 г. монах Точхим принял участие в государственном перевороте [Ким Бусик, 2001, с. 168]. Таким образом, допуск монахов к участию в государственном перевороте говорит об их высоком статусе и авторитете перед властями государства.

высокое звание³. Его летопись, как и «Исторические записи трех государств», является монументальным трудом по истории Трех государств. Однако главной особенностью труда Ирёна является включение в повествование событий, которые возвышали буддийский Закон⁴. В приведенной сноске хоть и не описаны обряды, однако по содержанию понятно, что монахи пользовались большим уважением и почетом, получая от вана богатые дары. Более того, с ними советовались по поводу принятия решений [Ирен, 2018, с. 31–34]. Так, ниже в сноске 5 говорится о том, как основатель Корё Ван Гон (877–943) обращался к монаху Пояну за советом о том, как лучше напасть на противника.

Другим важным источником по корейскому буддизму является труд «Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря» (кор. Хэдон косын чон, кит. 海東高僧傳), написанный монахом Какхунум в начале XIII в. Этот источник представляет собой собрание биографий выдающихся монахов, которые проповедовали буддийское учение в Корее, а также различные описания удивительных преданий и легенд, связанных с буддизмом [Какхун, 2007, с. 22]. Данный труд играет важную роль в изучении буддизма периода Трех государств и дает понимание о его месте в жизни государства⁵. По приведенным ниже цитатам можно за-

³ Трижды почитаемого великого наставника самчжун тэса (кит. 三重大師), наставника созерцания сонса (кит. 禪師) и великого наставника созерцания тэсонса (кит. 大禪師).

⁴ В «Оставшихся сведениях...» содержится большое количество повествований об удивительных событиях, происходивших с монахами. Так, например, в истории монаха Пояна (?–?) в главе 88, который жил в период смуты после распада Объединенного Силла (668–935), рассказывается о его встрече с драконом, по указу которого монах построил храм Чаккапса (鶻岬寺, «Монастырь [в] Сорочьей долине»). Далее в этом же тексте идет отрывок, где Ван Гон (основатель Корё, 877–943) приходит к Пояну за советом по тому, как лучше победить врага, а в благодарности сделал большое пожертвование («...пятьдесят сок (7500 кг) хлеба...») [Там же, с. 641–644].

Еще одной личностью, которая привлекает внимание, является монах Чацжан (кит. 慈藏). Он, как и многие персоналии в «Оставшихся сведениях...», имеет фантастическую историю рождения и отличается своей праведностью. После отказа принять пост помощника государя Чинпхёна (579–632). Он отправляется в Китай династии Тан, где император Тай-цзун радушно принял его и поселил в храме Шэнгуан-беюань (кит. 勝光別院). После прихода к власти Сондок-ван, в Китай была отправлена просьба вернуть монаха на родину [Ирен, 2018, с. 661]. Исходя из изложенных выше цитат можно сделать вывод, что монахи пользовались почетом и уважением, а буддизм имел высокий статус.

⁵ Какхун в своем труде описал большое количество биографий разных монахов. По ним, в целом, возможно оценить положение буддизма в период Трех государств. Так, в качестве примера можно привести некоторые отрывки

ключить, что монахи помогали ванам в решении некоторых государственных задач. Так, монах Вонгван (?–?) редактировал письма для императора суйского Китая и растолковывал учение простым людям.

Оба приведенных выше источника были созданы в эпоху Корё и охватывают ранний период истории Корейского полуострова. Буддизм являлся государственной религией, о его высоком положении в государстве свидетельствует тот факт, что в Корё было принято давать монахам государственные религиозные звания — ванса (духовный наставник вана) и кукса (государственный духовный наставник)⁶, а буддийские монастыри стали крупнейшими землевладельцами.

Главным источником по изучению истории Корё является труд «История Корё» (кор. 고려사, кит. 高麗史), который был составлен уже в период Чосон (1392–1910) с целью легитимировать приход к власти династии Ли и обличить пороки предыдущей династии⁷. Тем не менее данный письменный источник может быть использован в том числе и для анализа проблемы отношения государственного аппарата к буддизму⁸.

из жизнеописания монаха Вонгвана (?–?): «...[На] тридцатом году [правления] Чинпхён-вана (608 г.) государь, [будучи] обеспокоен неоднократными вторжениями Когурё [в] пределы [его] владений, захотел попросить войнов [у] Суй... [и] повелел наставнику отредактировать доклад с просьбой о присылке войска...» [Какхун, 2007, с. 134]; «...[Государь] вверил [Вонгвану установление] методов правления... наставник распространил просвещение...» [Там же, с. 135]; «...[На] тридцать пятом году [правления Чинпхён-вана] (613 г.) в монастыре Хваннёнса провели [церемонию] пэкчваххе. Приглашенные [на нее] монахи толковали сутры. Наставник был руководителем [церемонии]...» [Там же, с. 136].

⁶ Во всем тексте «История Корё» упоминание кукса встречается 12 раз, а ванса — 23 раза. Так, например, за 968 г. в разделе «Ананимно» говорится о том, как Хего и Тханмуна назначили на посты кукса и ванса. Последнее упоминание о назначении кукса относится к 1388 г.

⁷ Можно предположить, что данный источник не может являться полностью достоверным, т. к. его целью являлась критика Корё, тем не менее, если посмотреть на другие источники, которые создавались в тот же период, можно заключить, что буддизм имел высокий статус и важное положение в государстве.

⁸ «Ван нес королевские церемониальные украшения и буддийские реликвии, прошел 10 ли до храма Кэгукса (кор. 개국사, кит. 開國寺) и поместил их в святилище. Кроме того, 70 000 коков зерна было передано в дар нескольким крупным храмам» (946 г.) [История Корё, Правление Чонджона. URL: [https://db.history.go.kr/goryeo/level.do?levelId=kr_002r_0220_0010_0010&kingName=%EC%A0%95%EC%A2%85\(%E5%AE%9A%E5%AE%97\)&occuredYear=0946&occuredMon=01&ictType=&types=r](https://db.history.go.kr/goryeo/level.do?levelId=kr_002r_0220_0010_0010&kingName=%EC%A0%95%EC%A2%85(%E5%AE%9A%E5%AE%97)&occuredYear=0946&occuredMon=01&ictType=&types=r) (дата обращения: 10.08.2024)]. При этом уже при правлении Сонджона (981–997) можно встретить записи с критикой монахов: «...Монахи путешествовали по разным местам и, останавливаясь на ночлег в павильонах и станциях, били розгами служащих и мирян за медлительность в обслужива-

Содержание сноски 8 позволяет заключить, что в Корё к буддизму относились почтительно, однако уже наметилась и критика по поводу ненадлежащего поведения некоторых монахов.

Содержание представленных источников позволяет проследить историю проникновения и развития буддизма на Корейском полуострове от господства до полной потери влияния. В период Трех государств и в эпоху Корё буддизм являлся государственной религией, а монахи пользовались большим уважением. Тем не менее уже в конце периода Корё в адрес монахов, разбалованных вниманием ванского двора, начинают звучать серьезные критические замечания. С наступлением эпохи Чосон буддизм теряет свое влияние. И если первый ван Чосона Тхэджо еще продолжает отчасти благоволить монастырям и монахам несмотря на утрату буддизмом своего влияния⁹, то при его последователях Чонджоне и Тхэджоне происходит резкое сокращение буддийских обрядов и празднований. В XVI в. упоминание буддизма практически исчезает из «Истинных записей...»¹⁰.

нии. Люди думали, что монахи были посланы правителем, поэтому боялись об этом говорить... В конце Силла использование золота и серебра в буддийских сутрах и статуях привело к расточительности и окончательному разрушению, торговцы зарабатывали на жизнь, воруя или повреждая буддийские статуи, а затем продавая их. Эта тенденция не исчезла и в последние годы. Пожалуйста, устранили это зло...» (982 г., 6 месяц) [История Корё, Правление Сонджона. URL: [https://db.history.go.kr/goryeo/level.do?levelId=kr_085r_0010_0010_0020_0030&kingName=%EC%84%B1%EC%A2%85\(%E6%88%90%E5%AE%97\)&occuredYear=0982&occuredMon=06&ictType=&types=r](https://db.history.go.kr/goryeo/level.do?levelId=kr_085r_0010_0010_0020_0030&kingName=%EC%84%B1%EC%A2%85(%E6%88%90%E5%AE%97)&occuredYear=0982&occuredMon=06&ictType=&types=r) (дата обращения: 10.08.2024)]. Вместе с этим все еще присутствуют записи о посещении ваном каких-либо храмов: «Ван посетил храм Мётхонса (妙通寺)» (1106 г., 4 месяц, правление Еджо); «Ван отправился в храм Понынса (奉恩寺)» (1106 г., 6 месяц, правление Еджо); «Вдовствующая ванху перенесла свою резиденцию в храм Пурынса (佛恩寺)» (1110 г., 2 месяц) [История Корё, Правление Еджо. URL: [https://db.history.go.kr/goryeo/itemLevelKrList.do?itemId=kr&kingName=%EC%98%88%EC%A2%85\(%E7%9D%BF%E5%AE%97\)&occuredYear=1110&occuredMon=02&ictType=&types=r](https://db.history.go.kr/goryeo/itemLevelKrList.do?itemId=kr&kingName=%EC%98%88%EC%A2%85(%E7%9D%BF%E5%AE%97)&occuredYear=1110&occuredMon=02&ictType=&types=r) (дата обращения: 10.08.2024)]. По этим цитатам видно, что в целом буддизм пользовался уважением при дворе, и тем не менее чиновники высказывали критику по отношению к поведению монахов.

⁹ 1398 г. (1 месяц, 1 день): Правительственному чиновнику было разрешено освободить от сбора налога храмы Ёнбокса (演福寺) и Ангукса (安國寺). 1398 г. (1 месяц, 24 день): Правитель дал указание местному управлению освободить два храма Чунхынса (重興寺) и Окчонса (億正寺) от официальных сборов налогов. 1398 г. (1 месяц, 26 день): Освобождение от налогов храмов Понёнса (福靈寺) и Хэинса (海印寺) [Истинные записи..., Правление Тхэджо. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionDayList.do> (дата обращения: 10.08.2024)].

¹⁰ В период с 1590 по 1591 гг. буддизм не упоминался ни разу [Истинные записи..., Правление Сонджо. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 10.08.2024)].

ЛИТЕРАТУРА

- Ирен.** Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент., и указ. Ю. В. Болтач. СПб: ИД «Гиперион», 2018. 894 с.
- Какхун.** Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон) / Пер. с ханмуна, коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 184 с.
- Ким Бусик.** Исторические записи трех государств (Самгук саги) / Т. 1 (Летописи Силла). Пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака. М.: Изд. Восточная литература. 2001. 384 с.
- Ким Бусик.** Исторические записи трех государств (Самгук саги) / Т. 2 (Летописи Когурё и Пэкче). Пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака. М.: Изд. Восточная литература. 1995. Эл-ый ресурс. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/index1.phtml?id=2314 (Дата обращения: 10.08.2024).
- Корёса.** История Корё. Сайт Национального института корейской истории (на кор. яз.). Эл-ый ресурс. URL: <https://db.history.go.kr/goryeo/itemLevelKrList.do?itemId=kr#none> (Дата обращения: 10.08.2024).
- Чосон ванджо силлок.** Истинные записи династии Чосон. Сеул (на кор. яз.). Эл-ный ресурс. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do;jsessionid=D13CEDFC0c939DoC30922109C704D1DC> (Дата обращения: 07.08.2024).

ANNA S. SHMAKOVA

shmakovaa@yahoo.com

ALINA D. KRAVTSOVA

al.kravtsova01@mail.ru

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

Sources indicating the changing status of Buddhism on the Korean Peninsula from the 4th to the 16th centuries

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: Buddhism has played a key role in the history and culture of Korea for many centuries as evidenced by written sources from the Goryeo (936-1392) and

Joseon (1392–1910) periods. However, the status of Buddhist teachings and the Buddhist community has varied significantly throughout Korean history. This article presents an analysis of the materials from the sources “Remaining Records of the Three Kingdoms” (Korean: 삼국 유사, Chinese: 三國遺事), “Biographies of the Worthy Monks East of the Sea” (Korean: 해동고승전, Chinese: 海東高僧傳), as well as “History of Goryeo” (Korean: 고려사, Chinese: 高麗史) and “Verily Records of the Joseon Dynasty” (Korean: 조선 왕조 실록, Chinese: 朝鮮王朝實錄), illustrating the changing position of Buddhists and Buddhism in Korea in the specified chronological period.

Keywords: Buddhism, the status of Buddhism in Korea, Goryeo, Joseon.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГИРЧЕНКО

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

ekaterina.girchenko@gmail.com

Институционализация политической власти династии Цин в регионе Амдо в XVII–XVIII веках

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: Данное исследование посвящено политике маньчжурской династии Цин в отношении многонационального региона Амдо на западе империи. Рассматриваются преимущественно политические реформы, предпринимаемые в период правления императора Юнчжэна после подавления мятежа против империи Цин в 1724 г. Выявлено, что маньчжуры в целом сохранили систему должностей, введенных монголами в XVI–XVII вв., однако реорганизовали систему налогообложения в регионе, сократив численность монахов в монастырях, лишив монастыри возможности взимать налоги непосредственно с населения и обязав всех монахов регистрироваться в Палате внешних сношений, надзиравшей за зависимыми монгольскими и тибетскими территориями — Лифаньюань.

Ключевые слова: Амдо, Новое время, династия Цин, тибетский буддизм, политическая власть.

© Е. А. Гирченко

Регионом Амдо называют огромные территории между северо-западными районами современного Китая и центральным Тибетом. Географическое положение Амдо позволило ему стать центром взаимодействия различных групп населения, при этом в истории никогда не существовало каких-либо государств, административных единиц или политических объединений, которые

носили бы такое название. Амдосцы крайне разнообразны этнически и никогда не управлялись единой региональной властью, это место постоянной междоусобной борьбы многочисленных восточно-тибетских автономных образований. Как пишет Самтен Кармай, современный тибетский ученый и бонский лама, «политические организации Амдо являли собой племенные федерации групп деревень. Каждая из них управлялась князем или вождём и имела свой собственный монастырь в качестве культурного центра» [Karmau, 2009]. Появление объединенного названия для территории проживания данных разрозненных групп связано в большей степени с подъемом религиозной традиции Гелугпа в XVII в. Территориальные границы Амдо в некоторой степени соответствовали расширению влияния и появлению монастырей школы Гелуг, то есть соотносятся с современными тибетскими частями провинций Цинхай (за исключением Юйшу-Тибетского автономного округа) и Ганьсу (Ганьнань-Тибетский автономный округ), а также с большей частью Нгава-Тибетско-Цянского автономного округа провинции Сычуань.

Первой исторической работой, посвященной полностью этому региону, была «Религиозная история Амдо» 1652 г. тибетского ученого и учителя Калдана Гьяцо. Сочинение было сосредоточено в основном на северо-восточных оседлых (сельскохозяйственных) регионах. Отдельные географические и этнографические сведения содержатся в биографиях Пятого и Шестого Далай-лам (здесь и далее годы интронизации: 1642–1682 и 1697–1706). Биография Седьмого Далай-ламы (1720–1757) также описывает период его юности, прошедший в Амдо. «Анналы Кукунора», написанные Сумпа-кенпо в XVIII в., представляют собой первую обширную историю Амдо. Между 1652 и 1900 гг. было написано около тридцати работ по истории Амдо на тибетском языке (в основном, это монастырские родословные, но также монастырские регистры, обзоры религиозной истории или географии), но все эти записи лишь косвенно касаются методов институционального удержания власти в регионе со стороны Цинской империи, отдельные упоминания, как правило, связаны с поддержкой религиозных институтов Гелугпа [Tuttle, 2017].

Всего в истории Амдо было несколько крупных периодов насаждения внешней власти: возвышение Монгольской империи в XIII в., за которой последовала династия Мин, которая контролировала Амдо в основном в приграничных районах, повторное господство монголов с XVI по XVIII вв. (кульминацией которого стало Хошутское ханство), усиление доминирования Цин

в регионе с 1724 г., постепенный рост мусульманского господства с конца XIX в. и до 1949 г., когда контроль над регионом был установлен КНР. Цель данного исследования — определить, как институциональная, в основном политическая, но часто религиозно-политическая пришлая власть маньчжурской династии Цин пыталась оказывать влияние на население региона Амдо после 1724 г. До начала изучаемого периода местные лидеры, хошутские ханы Кукунора, как правило, контролировали относительно ограниченные территории, часто в союзе между собой или под титульной властью более крупного нетибетского режима, в том числе, с Цин, а также признавали тибетских лидеров, чья власть в местных районах была давней и базировалась на авторитете, связанном с их высоким статусом из-за системы перерождений.

В 1724 г. после подавления мятежа кукунорского князя Лобсана Дандзина против империи Цин маньчжурские войска заняли ойратские земли, что позволило контролировать весь Цинхай. Император Юнчжэн (годы правления 1722–1735) стремился всемерно усилить контроль над Тибетом и после второго военного похода оставил в Лхасе двух министров-резидентов и тысячный гарнизон. Территория была присоединена к Цинской империи, а оставшиеся хошуты были разделены на несколько аймаков и подчинены постоянному наместнику в Синине [Wu Lan, 2016, p. 50]. После подавления восстания в Амдо, присутствие маньчжуров в регионе стало ощутимее. Сининский амбань стал первой постоянной должностью, утвержденной императором в регионе Амдо и изначально амбань должен был отчитываться напрямую, а не в палату Лифаньюань, как стало заведено в более позднее время. Кроме того, была проведена перепись монгольских и тибетских клановых объединений, так называемых було (кит. 部落). Лояльным вождям были официально присвоены титулы на основе уже существовавшей десятичной системы, то есть тысячника, сотника и десятника. Таким образом, маньчжуры в основном сохранили в Амдо существовавшую ранее систему управления населением, введенную монголами в XVI–XVII вв. Поскольку никаких более ранних записей о системе налогообложения местных домохозяйств не сохранилось, доклады чиновников Цинской империи XVII–XVIII вв. являются самыми ранними источниками информации по данной теме. Группы из тысячи домохозяйств (сяоба 肖巴 или дэва 德哇, что является китайской калькой амдоского и тибетского названий, эквивалентных китайскому буцзу 部族) возглавлялись сяохуанем или дэхуанем (кит. 肖宦 или 德宦, представляющие собой амдоский и тибетский варианты звания

соответственно). Группы из ста домохозяйств, *цова* (措哇, что соответствует китайскому *цуньчжуан* «деревня» 村莊), возглавлялись соответственно *цохуанем* (кит. 措宦). Группы из менее чем ста домохозяйств назывались *цзюй* или *цзюйюэ* (кит. 居 или 居約), что означает «приблизительно десять», и возглавлялись *шичжаном* (кит. 十長; или *цюдэху* 秋德户 (калька тибетского *bcu sde hu*)). В 1745 г. должность *сяохуаня* была признана эквивалентом пятому чиновничьему рангу, должность *цохуаня* была признана эквивалентом шестому рангу, а должность *шичжана* была приравнена к девятому рангу [Tuttle, 2017].

При династии Цин были созданы небольшие военные форпосты в заселенных районах северо-восточного Амдо, но степень их власти была довольно ограниченной. Это в первую очередь крепость в Баоане к северу от Репгонга, возведенная в 1743 г., а позже, в конце XIX в., был расширен форпост в Сюньхуа. Реальная власть во многих областях фактически принадлежала монастырям. В то время Лабранг являлся наиболее очевидным центром политической и экономической власти, но было и несколько других монастырей, которые играли схожие роли в более ранней истории Амдо, а также монастыри, которые функционировали в основном на местном уровне. Чиновники Цин отмечали в своих донесениях императору авторитет тибетского буддизма в культурно разнообразном регионе Амдо. Так генерал Нянь Гэнъяо после подавления восстания в Амдо предложил препятствовать развитию монашеских общин, введя два правила: ни одному монастырю в регионе не разрешалось иметь более 200 келий и более 300 монахов (так как некоторые монастыри присоединились к восстанию); все монахи должны были зарегистрироваться в местной администрации, а чиновники должны были проверять монастыри и монахов дважды в год. Помимо попыток ограничить число монахов в монастырях, Цинское управление также предоставляло регулярные выплаты монахам, надеясь разорвать их финансовые связи с местными покровителями. Согласно системе государственного распределения, предложенной генералом Нянем, были созданы списки монахов каждого монастыря, которые затем были переданы в Палату внешних сношений, надзирающую за зависимыми монгольскими и тибетскими территориями — Лифаньюань. В Лифаньюань определялась сумма, подлежащая выдаче каждому монаху [Нань Гэнъяо..., 1995]. Племенные объединения также должны были направлять тысячников, сотников и десятников для взаимодействия с монастырским руководством (в основном с *сэнганом* кит. 僧剛, монастырским чиновником,

по старшинству следующим сразу после настоятеля). Была введена также бюрократическая должность, называемая цзухуань 組歡 или цзучжан 組長, в обязанности которого входило курирование десяти или более монахов.

Таким образом, маньчжурские правители цинского Китая столкнулись с проблемой интеграции в свою растущую империю культурно очень сложного в этническом и религиозном плане региона. Проникновение маньчжур в Амдо началось с покорения кукунорских монголов, однако вскоре стало очевидно, что исключительно военные и административные нововведения не позволили бы получить необходимый контроль над монголами и тибетцами. Многие исследователи считают, что интерес к школе гелукпа со стороны маньчжурских правителей связан с желанием ограничить большое влияние, что оказывали Далай-лама и Панчен-лама на население этих регионов Внутренней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Нянь Гэнъяо мань-хань цзоучжэ ибянь [年羹尧满汉奏折译编]. Переводы докладных записок Нянь Гэнъяо с маньчжурского языка на китайский с комментариями / под ред. Цзи Юнхай. Тяньцзинь: Тяньзинь гуцзи чубаньшэ, 1995. 368 с. (на кит. яз.).

Karmay Samten G. Amdo, One of the Three Traditional Provinces of Tibet. The Arrow and the Spindle. Studies in History, Myths, Rituals and Beliefs in Tibet. Kathmandu: Mandala Book Point, 2009, pp. 521-531.

Tuttle G. An Overview of Amdo (Northeastern Tibet) Historical Polities // Mandala collections of the University of Virginia. URL: <https://texts.mandala.library.virginia.edu/text/overview-amdo-northeastern-tibet-historical-polities#> (дата обращения: 03.09.2024).

Wu Lan. Refuge from Empire: Religion and Qing China's Imperial Formation in the Eighteenth Century. Diss. ... of Doctor of Philosophy. N.-Y., 2016, 223 p.

EKATERINA A. GIRCHENKO

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

ekaterina.girchenko@gmail.com

Institutionalization of Political Power of the Qing Dynasty in the Amdo Region in the 17th-18th Centuries

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: This article presents the results of the investigations of the policies of the Manchu Qing Dynasty towards the multi-ethnic region of Amdo in the west of the empire. It examines primarily the political innovations undertaken during the reign of Yongzheng Emperor after the suppression of the rebellion against the Qing Empire in 1724. It reveals that the Manchus generally retained the system of positions introduced by the Mongols in the 16th-17th centuries, but reorganized the tax system in the region by reducing the number of monks in monasteries, depriving monasteries of the opportunity to collect taxes directly from the population, and requiring all monks to register with the Chamber of External Relations Lifanyuan, which supervised the dependent Mongolian and Tibetan territories.

Keywords: Amdo, New Age, Qing Dynasty, Tibet Buddhism, political power.

УДК 94(510) + 294.321

DOI 10.25205/978-5-4437-1701-2-34

ВАН ТИН

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

t.van14@g.nsu.ru

ЕЛЕНА ЭДМУНДОВНА ВОЙТИШЕК

Университет иностранных языков Киото

Киото, Япония

Институт культурного наследия

Нара, Япония

e_voitis@kufs.ac.jp

Специфика распространения тибетского буддизма на Северо-Востоке Китая

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: Данная статья посвящена изучению истории религиозных верований Северо-Восточного Китая и особенностей распространения тибетского буддизма. Проанализированы этапы распространения тибетского буддизма в регионе, основные районы его бытования, формы религиозной практики и ее влияние на местное общество, культуру и фольклор. Исследование показало, что в процессе историко-культурного развития Северо-Востока Китая на фоне многоэтнического сосуществования в регионе сформировался разнообразный религиозный уклад. Распространение тибетского буддизма не только обогащает разнообразие местной религиозной культуры, но и способствует культурным обменам и интеграции с различными этническими группами. Этот процесс отражается не только на уровне религиозных убеждений, но и проявляется в местной социальной структуре, оказывая влияние на экономическое развитие и культурную самобытность региона.

Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, история, тибетский буддизм, распространение буддизма.

© Ван Тин, Е. Э. Войтишек

Введение

Религиозная история Северо-Восточного региона Китая сложна и разнообразна. Здесь существуют и давние шаманские верования, и различные религии — такие, как буддизм, даосизм и ислам, христианство, которые в ходе историко-культурных контактов постепенно интегрировались с местными верованиями. Такая модель сосуществования множества религий создает почву для распространения тибетского буддизма.

В данной работе основное внимание уделяется анализу особенностей истории и развития религий Северо-Восточного региона, а также предпосылок их многоконфессионального сосуществования. Путем изучения распространения тибетского буддизма на Северо-Востоке Китая, его основных ареалов бытования и форм религиозной практики можно получить более глубокое представление о динамике распространения и механизме влияния тибетского буддизма в регионе и проанализировать специфику многоэтнической культурной интеграции.

Религиозный и исторический фон Северо-Восточного Китая

Северо-Восточный регион (Дунбэй) с давних времен был местом, где встречались различные религии и культуры. При этом Дунбэй отличался заметной спецификой жизненного уклада северных кочевников, который в некоторой степени был близок к культурным реалиям жителей Тибетского региона. Это заложило прочную основу для укрепления тибетской буддийской культуры. Более того, в ходе культурного развития Северо-Восточный Китай всегда демонстрировал уникальную тенденцию к межэтнической интеграции.

В развитии религиозных верований обитателей Северо-Восточного региона можно выделить несколько основных этапов, отражающих специфику историко-культурных процессов.

Первобытные верования. На этапе существования первобытного общества люди обладали слабой способностью покорять и преобразовывать природу. Испытывая священный трепет перед силами природы, они стали поклоняться различным проявлениям небесной воли. К типичным этническим группам на Северо-Востоке Китая, глубоко чтившим силы природы, обычно относят

народ *уцзи*¹, в традиционном укладе которого сформировались обряды поклонения горе Чанбайшань (长白山)² со всем ее животным и растительным миром.

Тотемизм и поклонение предкам. С постепенным развитием общества люди стали поклоняться тотемным животным. Так, орочоны, эвенки, нанайцы и другие этнические группы Северо-Восточного региона издавна поклонялись медведям и другим животным, полагая, что те связаны с их собственными родственными группами. С переходом общества на стадию патриархальных родственных отношений постепенно возникло поклонение предкам, отражающее возросшую способность людей покорять природу и их уважение к семейной истории.

Возникновение и развитие шаманизма. Шаманизм — это примитивная религиозная вера многих коренных народов Северо-Восточного Китая, распространенная в основном в Хэйлунцзяне, Цзилине, Ляонине и некоторых других местах. Считается, что самая ранняя религиозная деятельность на Северо-Востоке была связана именно с шаманизмом, ее становление датируется примерно концом III в. н. э. Система верований и ритуальная деятельность шаманизма широко распространены среди всех этнических групп Северо-Восточного региона. Шаманы как посредники общения между людьми и божествами берут на себя множество обязанностей, проводя ритуалы жертвоприношений, сложные обряды гадания и исцеления. В шаманской системе верований все природные силы обладают некой духовностью: поскольку в горах, реках, в животном и растительном мире обитают свои божества, люди должны уважать законы природы и подчиняться им. Эта концепция веры не только сформировала экологическую концепцию благоговейного отношения жителей Северо-Востока к силам природы и их гармоничному симбиозу, но и глубоко повлияла на их этику и нормы социального поведения. Шаманы традиционно занимали высокое положение в обществе — изгоняя злых духов и исцеляя болезни, они молились о благословении и мире для людей посредством жертвоприношений, молитвы, танца и других

¹ Народ *уцзи* — древняя этническая группа на северо-востоке Китая и предки тунгусских племен. Их называли илоу (挹婁) в эпохи Хань и Цзинь (III в. до н. э. — IV в. н. э.), *уцзи* (勿吉) во времена Южных и Северных династий (V–VI вв.) и мохэ (靺鞨) при династиях Суй и Тан (VII–X вв.).

² Гора Чанбайшань расположена в юго-восточном регионе провинции Цзилинь, граничит с провинцией Хэйлунцзян на севере и провинцией Ляонин на юго-западе, а также соседствует с Северной Кореей на юго-востоке и Россией на востоке.

ритуальных действий. В целом за свою долгую историю развития в Северо-Восточном Китае шаманизм оказал глубокое влияние на культуру и обычаи жителей региона.

Сосуществование нескольких религий. В истории Северо-Восточного региона за долгое время постепенно сформировалась ситуация сосуществования нескольких религий. Помимо шаманизма здесь также прижились буддизм, даосизм, ислам, католицизм, христианство и другие религиозные верования. Распространение раннего буддизма на Северо-Востоке восходит ко второй половине IV в., тогда как его история насчитывает тысячи лет.

Китайские исследователи обращают внимание на тот факт, что с объединением всех монгольских племен в 1206 г. и основанием Тэмуджином (кит. 铁木真 Темучжэнь) «Великого монгольского государства» произошло очередное укрепление шаманизма. В дальнейшем, со времени династии Юань (1271–1368), известной своим стремлением покорить внешний мир, монгольские правители старались подобрать подходящую религию для управления обширной территорией и многочисленным населением. Это также создало возможность для распространения тибетского буддизма под монгольским владычеством. Со времени правления династии Юань ханьский буддизм и ханьская культура постепенно пришли в упадок в Северо-восточном регионе, тогда как тибетский буддизм, наоборот, только укрепился в Дунбэе, оказав глубокое влияние на обычаи в районах проживания монголов. В периоды правления династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) был основан ряд крупных тибетских буддийских монастырей. Тибетский буддизм в Северо-Восточном регионе имеет как тибетские, так и монгольские и ханьские особенности, и обычно это четко отражается в архитектурном стиле и статуях храмов [Чжан Цзялинь, 2019, с. 24].

Интеграция религиозных верований с национальной культурой. В процессе взаимодействия шаманизма с другими религиями и культурами постепенно наметилась тенденция к взаимной интеграции религиозных верований. В свою очередь, те также оказали влияние на фольклор, искусство, язык, духовные и идеологические аспекты развития региона, сформировав колоритную национальную культуру. Распространение буддизма также придало новую жизненную силу религиозной культуре Северо-Восточного региона, поскольку буддийские учения, философия, храмовая архитектура прочно интегрировались в местные традиции.

Следует отметить тесную взаимосвязь религиозной деятельности на Северо-Востоке Китая с общей социально-политической ситуацией. В период политической турбулентности в начале XX в.

народные религии стали инструментами политической борьбы, их развитие не приветствовалось также и японское марионеточное правительство. В период Китайской Республики и «культурной революции» положение священнослужителей было крайне тяжелым: большинство храмов оказалось закрыто, монахи были высланы, дворцы разрушены, а ценные культурные реликвии сожжены. Только в конце XX в., в период проведения «политики реформ и открытости» монахи начали пользоваться равными гражданскими правами. Храмы при этом стали получать государственное финансирование на ремонт и реконструкцию.

Распространение и влияние тибетского буддизма в Северо-Восточном Китае

Согласно общепринятому мнению, тибетский буддизм в основном проник на Северо-Восток Китая через Монголию. Этот процесс распространения буддийских тибетских верований оказался тесно связан с историей миграции и расселения монгольских племен в регионе. В результате такого взаимодействия тибетский буддизм постепенно стал важной частью местного мультикультурализма.

Монголы на северо-востоке долгое время сохраняли свою веру, чему в немалой степени способствовала культурная политика маньчжурской династии Цин. В исторических источниках упоминается множество тибетских буддийских храмов, основанных во времена династии Цин. Элементы национальной религии Бон (苯教 бэньцзяо) в тибетском буддизме имеют глубокие корни в шаманской культуре, и это сходство, в частности, отражено в вере в так называемых «великих бессмертных» (大仙 дасянь)³ в провинции Хэйлунцзян. Кроме того, особенности культурного разнообразия Северо-Востока сделали местное население более открытым для восприятия иностранной культуры. Религиозное вероисповедание в этом регионе подразумевает не только наличие традиционных верований буддийского и даосского характера, но также и православных идей, находящихся под влиянием

³ Вера в «великих бессмертных», о которых известно на Северо-Востоке, в основном относится к пяти животным, которые пользуются особым уважением и почетом в народных верованиях. Их называют «пятью великими бессмертными Северо-Востока» (东北五大仙 Дунбэй у дасянь). Эти бессмертные соответствуют следующим пяти существам: 黄仙 Хуан Сянь (Лиса); 胡仙 Ху Сянь (Ласка); 白仙 Бай Сянь (Еж); 柳仙 Лю Сянь (Змея); 灰仙 Хуэй Сянь (Мышь).

русской культуры. В то же время здесь немало верующих католиков и христиан [Чжан Янь, 2013, с. 119]. Этот фон разнообразных верований в целом обеспечивает хорошую почву для распространения идей тибетского буддизма в регионе.

В настоящее время тибетский буддизм распространяется на Северо-Востоке Китая в основном через религиозную деятельность и устное обучение среди верующих. Являясь важным символом национальной культуры Северо-Восточного Китая, тибетский буддизм демонстрирует глубокое и многовекторное слияние с местной культурой. Многие буддийские строения в регионе имеют явные монгольские и тибетские национальные черты. В большинстве тибетских буддийских храмов Дунбэя сутры исполняются на тибетском языке, но в некоторых храмах сутры исполняются и на монгольском языке. Например, храм Ваньмяо (王爷庙) в городе Уланхот активно занимается переводом, чтением и распространением монгольских буддийских сутр [Ван Цзя, 2015, с. 180–181].

Заключение

Таким образом, распространение и влияние тибетского буддизма на Северо-Востоке Китая представляет собой весьма динамичный процесс. С течением времени и развитием общества культурный и идеологический статус тибетского буддизма в регионе также постоянно меняются. Учения, практики и художественные стили тибетского буддизма привнесли новые краски и оттенки в религиозную культуру Северо-Восточного региона и еще больше обогатили его культурное разнообразие.

Религиозный и культурно-исторический фон Северо-Восточного Китая чрезвычайно разнообразен, сложен и многолик. Здесь встречаются, интегрируются и развиваются различные культуры, образуя уникальный религиозно-культурный ландшафт, сочетающий в себе различные местные верования и обычаи. Распространение тибетского буддизма на Северо-Востоке Китая является результатом переплетения множества исторических факторов, обусловленных особенностями хозяйственных, культурных, географических условий формирования всех этносов, населяющих регион.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Цзя.** Дандай дунбэй дицюй цзанчуань фоцзяо сяньчжуан дяоча [王佳. 当代东北地区藏传佛教现状调查]. Исследование тибетского буддизма в современном Северо-Восточном Китае // Хэйлунцзян миньцзу цункан, 2015. С. 180–186. (на кит. яз.).
- Чжан Цзялинь.** Дунбэй дицюй ханьчуань фосы юй цзанчуань фосы дэ кунцзянь юй шэнхуаньцзин бицзяо яньцзю [张嘉琳. 东北地区汉传佛寺与藏传佛寺的空间与声环境比较研究]. Сравнительное исследование пространства и акустической среды ханьских буддийских храмов и тибетских буддийских храмов на Северо-Востоке Китая. Ляонин: Северо-Восточный университет, 2019. 93 с. (на кит. яз.).
- Чжан Янь.** Дунбэй дицюй цзанчуань фоцзяо синьян чжуанкуан фэньси [张岩. 东北地区藏传佛教信仰状况分析]. Анализ статуса тибетских буддийских верований в Северо-Восточном Китае // Сюэлилун, 2013. С. 119–120. (на кит. яз.).

WANG TING

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
t.van14@g.nsu.ru

ELENA E. VOYTISHEK

Kyoto University of Foreign Studies
Kyoto, Japan
Nara Institute of Cultural Heritage
Nara, Japan
e_voitis@kufs.ac.jp

The specifics of the spread of Tibetan Buddhism in Northeastern China

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024–0028 “Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity”.

Abstract: This article is devoted to the study of the history of religious beliefs in Northeast China and the features of the spread of Tibetan Buddhism. The stages of the spread of Tibetan Buddhism in the region, the main areas of its existence, forms of religious practice and its influence on local society, culture and folklore are analyzed. The study shows that in the process of historical and cultural development of Northeast China against the background of multi-ethnic coexistence in

the region, a diverse religious order has formed. The spread of Tibetan Buddhism not only enriches the diversity of local religious culture, but also promotes cultural exchanges and integration with various ethnic groups. This process is reflected not only at the level of religious beliefs, but also manifests itself in the local social structure, influencing the economic development and cultural identity of the region.

Keywords: Northeast China, history, Tibetan Buddhism, Spread of Buddhism.

Яо Сун

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, России

yaosong0311@mail.ru

Влияние китайской буддийской философии и мировоззрения на русско-китайские отношения (на материале русской литературы)

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния китайской буддийской философии и мировоззрения на русскую литературу. В работе рассматриваются ключевые буддийские концепции, такие как духовное просветление, карма, реинкарнация и единство человека с природой, и их отражение в творчестве русских писателей. Особое внимание уделено произведениям Льва Толстого, Андрея Белого, Сергея Есенина и Михаила Булгакова. Анализируется, как буддийские идеи способствовали формированию литературных тем и мотивов, а также их влияние на мировоззрение и философию русских авторов. Статья демонстрирует культурный обмен между Востоком и Западом, обогащающий русскую литературу новыми духовными и философскими перспективами.

Ключевые слова: китайская буддийская философия, русская литература, духовное просветление, карма, реинкарнация, Лев Толстой, Андрей Белый, Сергей Есенин, Михаил Булгаков, культурный обмен.

© Яо Сун

Китайская буддийская философия, представляющая собой одну из древнейших духовных традиций мира, оказывает значительное влияние на различные культуры и литературы. Буддизм не обошел стороной и русскую литературу, где его идеи и мотивы нашли отражение в творчестве многих известных

авторов. В этой статье мы подробно рассмотрим, как китайская буддийская философия и мировоззрение повлияли на русскую литературу, какие элементы и мотивы буддизма проникли в русские литературные произведения и как они трансформировались в контексте русской культуры.

Буддизм начал проникать в Россию в XVII в., когда бурятские, тувинские и калмыцкие народы присоединились к Российской империи. Эти народы исповедовали буддизм, и их культура оказала влияние на русскую духовную и культурную жизнь. Присоединение бурятских, тувинских и калмыцких земель к Российской империи привело к культурному обмену и распространению буддийских идей среди русского населения. С начала XIX в. буддизм стал объектом интереса среди русских интеллигентов и философов. Важную роль в популяризации буддизма сыграли востоковеды, такие как Василий Васильев и академик Фёдор Щербатской, чьи труды по буддийской философии привлекли внимание к этой теме.

В XIX в. буддизм начал активно изучаться российскими учеными и философами. Василий Васильев, один из первых русских востоковедов, посвятил свою жизнь исследованию буддизма. Его труды по истории буддизма и переводы буддийских текстов внесли значительный вклад в понимание этой религии в России. Академик Фёдор Щербатской продолжил дело Васильева, посвятив свою научную деятельность изучению буддийской философии и её влияния на мировую культуру. Его работы стали основополагающими для многих поколений исследователей буддизма.

Лев Толстой был одним из первых русских писателей, проявивших глубокий интерес к буддизму. В своих дневниках и письмах он неоднократно упоминал о своем интересе к буддийской философии и этике. Л. Н. Толстой видел в буддизме не только религиозное учение, но и философскую систему, предлагающую ответы на вечные вопросы бытия. В его произведениях, таких как «Воскресение» и «Отец Сергей», можно найти элементы буддийского мировоззрения, такие как отказ от насилия, стремление к духовному просветлению и идея кармы.

В «Воскресении» Л. Н. Толстой исследует идею нравственного очищения и перерождения, что перекликается с буддийскими концепциями кармы и реинкарнации. Главный герой романа, Дмитрий Нехлюдов, проходит через внутренние испытания и духовное перерождение, стремясь искупить свои грехи и найти истинное просветление. Л. Н. Толстой использует буддийские идеи для критики современного общества и поиска путей к его духовному возрождению.

В «Отце Сергии» Л. Н. Толстой также обращается к буддийским мотивам. Главный герой, князь Степан Касатский, отрекается от мирской жизни и уходит в монастырь, стремясь к духовному просветлению и избавлению от страстей. Его путь напоминает буддийскую практику отречения и медитации, направленную на достижение внутреннего покоя и просветления.

Русские символисты, такие как Андрей Белый и Александр Блок, также черпали вдохновение в буддийской философии. Их произведения полны символов и метафор, характерных для буддийского учения. Например, в поэзии А. Блока часто встречаются образы колеса сансары и нирваны, которые символизируют цикличность жизни и стремление к освобождению.

Андрей Белый в своем романе «Петербург» использует буддийские мотивы, такие как идея иллюзорности мира и стремление к духовному освобождению. Герои Белого проходят через внутренние метаморфозы, отражающие буддийские представления о карме и перерождении. В «Петербурге» А. Белый исследует тему двойственности и недвойственности, характерную для буддийской философии. Главные герои романа сталкиваются с иллюзорностью мира и проходят через духовные испытания, стремясь к просветлению и пониманию истинной природы бытия.

Сергей Есенин, один из самых известных русских поэтов XX в., также был подвержен влиянию буддийской философии. В его стихотворениях можно найти элементы буддийской медитации и созерцания природы. С. Есенин часто использовал образы, напоминающие буддийские медитативные практики, такие как спокойствие, гармония с природой и глубокое внутреннее умиротворение.

В поэме «Чёрный человек» С. Есенин исследует тему духовного кризиса и поиска внутреннего покоя, что перекликается с буддийской практикой медитации и самопознания. Его стихи наполнены образами природы, которые символизируют единство человека и окружающего мира. Буддийские мотивы также присутствуют в его стихотворениях, где природа выступает как источник мудрости и гармонии.

В своих поздних стихотворениях Есенин обращается к буддийской концепции пустоты (шуньяты), исследуя её через образы пустынных пейзажей и тихих вечеров. Его поэзия становится медитативной, наполненной спокойствием и глубокими размышлениями о жизни и смерти.

Михаил Булгаков, автор знаменитого романа «Мастер и Маргарита», также использовал буддийские мотивы в своем творчестве. В его произведениях можно найти элементы буддийской философии, такие

как идея кармы и реинкарнации. В романе «Мастер и Маргарита» тема духовного просветления и освобождения от мирских страстей переплетается с буддийскими представлениями о жизни и смерти.

Главный герой, Мастер, проходит через внутренние испытания и достигает духовного прозрения, что напоминает буддийский путь к просветлению. Воланд и его свита, несмотря на свою демоническую природу, выполняют роль кармических агентов, приводящих к справедливому возмездию и перерождению. Булгаков также исследует тему иллюзорности мира, характерную для буддийской философии, показывая, как персонажи его романа сталкиваются с миром иллюзий и обманов.

Современные русские писатели также продолжают исследовать буддийские идеи и философию. Например, Виктор Пелевин в своих произведениях часто использует буддийские мотивы и символы. В его романе «Чапаев и Пустота» главный герой проходит через буддийские медитативные практики и достигает состояния просветления. В. Пелевин мастерски соединяет буддийские учения с современными реалиями, создавая уникальный синтез восточной и западной философий.

Роман «Чапаев и Пустота» полон буддийских символов, таких как пустота (шуньята) и недвойственность. Главный герой, Петр Пустота, проходит через духовные метаморфозы, исследуя природу сознания и иллюзорность мира. Буддийские мотивы также присутствуют в других произведениях В. Пелевина, таких как «Generation П» и «Священная книга оборотня», где исследуется тема трансформации сознания и духовного освобождения.

В. Пелевин использует буддийские идеи для критики современного общества и поиска путей к духовному возрождению. Его герои проходят через внутренние испытания и метаморфозы, стремясь к просветлению и освобождению от иллюзий. В «Священной книге оборотня» В. Пелевин исследует тему перерождения и кармы, показывая, как буддийские идеи могут быть интегрированы в современный контекст.

Борис Акунин, известный своими историческими детективами, также обращается к буддийской философии в своих произведениях. В романе «Ф. М.» он исследует тему духовного просветления и внутреннего роста через призму буддийских учений. Главный герой, Эраст Фандорин, проходит через внутренние испытания, стремясь к самопознанию и духовному развитию.

Б. Акунин использует буддийские мотивы для создания многослойных персонажей и сложных сюжетных линий. В его произведениях можно найти элементы буддийской медитации, кармы

и реинкарнации, которые помогают героям достигать внутреннего просветления и преодолевать жизненные трудности.

Русские поэты XX и XXI вв. также активно обращаются к буддийским идеям и мотивам в своем творчестве. Например, Иосиф Бродский в своих стихотворениях часто использовал образы, напоминающие буддийские медитативные практики и философию. Его поэзия наполнена размышлениями о природе времени, иллюзорности мира и поиске духовного покоя.

В стихотворении «Венецианские строфы» И. Бродский исследует тему иллюзорности мира и временности человеческого существования, что перекликается с буддийской концепцией майи. Он использует образы воды и света, чтобы показать изменчивость и эфемерность бытия, характерные для буддийского мировоззрения.

Китайская буддийская философия оказала значительное влияние на русскую литературу, принесла с собой идеи духовного просветления, кармы, реинкарнации и единства человека с природой.

YAO SONG

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
yaosong0311@mail.ru

The Influence of Chinese Buddhist Philosophy and Worldview on Russian-Chinese Relations (on the Material of Russian Literature)

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: The article is dedicated to the study of the influence of Chinese Buddhist philosophy and worldview on Russian literature. The paper examines key Buddhist concepts such as spiritual enlightenment, karma, reincarnation, and the unity of man and nature, and their reflection in the works of Russian writers. Special attention is given to the works of Leo Tolstoy, Andrei Bely, Sergei Yesenin, and Mikhail Bulgakov. It analyzes how Buddhist ideas contributed to the formation of literary themes and motifs, as well as their impact on the worldview and philosophy of Russian authors. The article demonstrates the cultural exchange between the East and the West, enriching Russian literature with new spiritual and philosophical perspectives.

Keywords: Chinese Buddhist philosophy, Russian literature, spiritual enlightenment, karma, reincarnation, Leo Tolstoy, Andrei Bely, Sergei Yesenin, Mikhail Bulgakov, cultural exchange.

КСЕНИЯ ИГОРЕВНА ДЕДЮХИНА

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

k.dedyukhina@g.nsu.ru

Образ обезьяны как политический символ в Южной Азии

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: Статья знакомит с результатами исследования восприятия образа обезьяны через призму религиозных концепций, характерных для буддийской традиции в Китае и сопредельных странах. Автор дает краткую характеристику образу обезьяны в системе китайских верований, развивающимся от примитивных представлений о животных до формирования его в самостоятельный культ. В статье также рассматриваются конкретные примеры проявления буддийских, даосских и конфуцианских представлений, связанных с образом обезьяны в китайской литературной традиции.

Ключевые слова: буддизм, даосизм, образ обезьяны, Сунь Укун, культ обезьяны, «Путешествие на Запад», читта.

© К. И. Дедюхина

В древних мировоззрениях мир животных был некой моделью жизни человеческого общества в природе, поэтому человек мог переносить часть своих духовных качеств на животных. Зооморфные образы часто воплощаются в самых различных аспектах жизни любого народа, включая религиозную и даже политическую сферу.

В странах Южной Азии культы животных оказали огромное влияние на формирование их религиозных систем. В частности, в религии народов Индии четко прослеживается процесс развития образа божества от животного к человеку, но

с животным-спутником: от образа обезьяны Ханумана до бога Шивы в сопровождении быка и кобры [Соколова, 1972. С. 173].

Особое место образ священной обезьяны занимает в непальском индуизме, поскольку она является символом безграничной божественной силы и преданности. Непальцы особенно чтут Ханумана, поскольку героиня «Рамаяны» Сита, согласно преданию, родилась именно на непальской земле. Более того, местная легенда гласит, что людской род произошел именно от обезьяны: бог-творец Пхабачангреси сначала помирил богиню леса Досим Дольма с обезьяной, а потом заключил между ними брачный союз [Альдебиль, 2009. С. 115].

Одним из ярких примеров проявления образа «священной» обезьяны как политического символа в Непале выступает королевский дворец Хануман-дхока в столице Катманду, где находится каменная статуя Ханумана, возведенная по приказу короля Пратап династии Маллов, правившей с 1200 г. по 1768 г. У входа в королевский дворец в городе Бхактапур также находится статуя этого божества. Более того, возведенный при Маллах в 1644–1673 гг., Хануман Гат имеет множество изображений Ханумана [Там же. С. 116–117].

Стоит также обратить внимание и на атрибуты, с которыми часто изображается Хануман. Ключевым является булава, выступающая одновременно оружием и своеобразным символом власти, что увеличивает интерес политических сил в использовании образа обезьяноподобного божества в своей деятельности и символике. Так, например, индийская ультраправая партия и общественная организация Баджранг дал выбрала в качестве своего названия и эмблемы имя и изображение Ханумана с булавой (в переводе название партии звучит как «Армия Ханумана»).

Иногда политические партии используют религиозные образы божеств и в качестве регулировочного инструмента своей деятельности. К примеру, в 2003 г. лидер ныне одной из ведущих общенациональных партий Индии, Бхаратия джаната партии, Ума Бхарати, в рамках своей предвыборной кампании в Мадхья Прадеш в окружении официальных лиц совершила воспевание Ханумана в Бходжшале. Это вызвало некоторое противоречие, поскольку храмовый комплекс якобы был посвящен Сарасвати, «но зато соответствовало пропаганде воинствующего индуизма, сделавшего Ханумана одним из своих главных символов» [Смирнова, 2013. С. 394–395].

Интересно, что это божество в воплощении «пятиликого Ханумана», или Панчамукхи Хануман, служило покровителем династии Маллов, поэтому его изображения часто встречались

в королевской атрибутике. Этим же объясняется изобилие изображений Ханумана в стенах непальского дворцового комплекса. Очевидно, что такой статус Ханумана не мог не возвысить его роль в религиозной сфере.

Поклонение Хануману как божеству, возможно, началось в конце периода Гуптов (320–535 гг. н. э.) в Индии. Согласно одной из гипотез, популярность Ханумана как божества могла быть связана с приходом мусульманских захватчиков в Индию, в результате которого были разрушены многие индуистские храмы и захвачены священные места для установления памятников ислама [Walker, 1998, p. 44]. Результатом реакции на подобную религиозную экспансию стали попытки сохранить и вознести индуистскую религиозную культуру, поэтому на первый план выдвигались различные индуистские божества, и Хануман оказался одним из них. Вскоре он стал божеством не только индуистских правителей, но и народных масс. В Ханумане они нашли божество, которое было не только великим воином, но и никогда за свою жизнь не потерпело ни одного поражения и всегда было готово защитить своих близких [Nagar, 1995, p. 239–240].

Для многих индуистов Хануман считается их иштадэватой, то есть личным божеством, которое они выбирают самостоятельно из общего пантеона той ветви индуизма, какой он принадлежит, и которому поклоняются наряду с местными и семейными божествам. Поклонение иштадэвате обычно совершают на домашнем алтаре, отдельно от посторонних глаз, а также часто носят при себе маленькие изображения этого божества [Индуизм..., 1996. С. 37].

Изображения, храмы и статуи, посвященные этому обезьяно-подобному божеству, можно встретить во многих регионах стран Южной Азии: его изображения можно найти даже в шиваитских храмах. Одной из основных причин поклонения ему в индуизме является то, что Хануман является одним из нескольких проявлений Шивы. Согласно шиваитским традициям в Пуранах, Шива принял облик Ханумана с явным намерением помочь Раме уничтожить Равану. Например, К. Арьян отмечал, что Хануман занял особенную нишу в религиозной системе по всей Индии и в других регионах Азии, где его почитают за его храбрость, мудрость, интеллект и другие добродетели: «ибо Хануман — это воплощение преданности и самоотверженного служения» [Aryan, 2000, p. 88]. Он вдохновляет своих приверженцев «моральным мужеством, способностью преодолевать препятствия в жизни, и прежде всего, согласно распространенным и широко распространенным верованиям, это

божество дарует материальные блага» [Ibid.]. Однако чаще же его канонические изображения встречаются в храмах, посвященных Вишну и Раме. Более того, встречаются и скромные святилища, где Хануману часто поклоняются в неканонических образах, таких как камни или земляные холмы. Любопытно, что в Гималаях или Махараштре маленькие часовни Ханумана настолько же популярны, как и культовые сооружения Ганеши.

В конце хотелось бы отметить, что образ Ханумана, символизируя такие благородные качества как преданность и верность, благодаря своему высокому священному статусу смог не только стать одним из ведущих индуистских богов-покровителей королевских династий, но и глубоко проникнуть в повседневную жизнь Индии и Непала.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбедиль М. Ф.** Образы божественной обезьяны в индуизме // Бестиарий IV. Земля и небо в традиционном универсуме. СПб.: Изд-во Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2017. 210 с.
- Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. М.: Республика, 1996. 576 с.
- Смирнова Е. В.** Особенности политики секуляризма в Индии. Проблема религиозного радикализма // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности. СПб.: Студия НП-Принт, 2013. С. 388–407.
- Соколова З. П.** Культ животных в религиях / Отв. ред. В. Н. Насилов. М.: Наука, 1972. 215 с.
- Aryan K. C.** Hanuman: Art, Mythology, and Folklore. New Delhi: Rekha Prakashan, 2000. 220 p.
- Nagar Shanti Lal.** Hanuman in art, culture, thought, and literature. New Delhi: Intellectual Pub. House, 1995. 417 p.
- Walker H.** Indigenous Or Foreign?: A Look at the Origins of the Monkey Hero Sun Wukong // Sino-Platonic papers. 1998. Vol. 81. 110 p.

KSENIYA I. DEDYUKHINA

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

k.dedyukhina@g.nsu.ru

The Monkey Image as a Political Symbol in South Asia

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 "Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity".

Abstract: The article presents the results of a study of the perception of the image of a monkey through the prism of religious concepts characteristic of the Buddhist tradition in China and neighboring countries. The author gives a brief description of the monkey image in Chinese belief system, developing from primitive ideas to its formation into an animal cult. The article also examines specific examples of the manifestation of Buddhist, Taoist and Confucian ideas associated with the image of a monkey in the Chinese literary tradition.

Keywords: Buddhism, Taoism, monkey image, Sun Wukong, monkey cult, "Journey to the West", citta.

Алина Витальевна Зинченко

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

alinazin1998@gmail.com

Трансформация японского чайного действия в период Эдо (1603–1868)

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Аннотация: В данной статье рассматривается трансформация чайного действия в Японии в период Эдо (1603–1868). После временного упадка в IX в., чайная традиция возродилась благодаря влиянию дзэн-буддизма и монаха Эйсяя. В период Эдо, с ростом городской культуры чайная церемония постепенно стала утрачивать религиозный характер, что ознаменовало переход чайного действия в светскую сферу. Расширение экономического благосостояния и социальных изменений привело к популяризации чайного действия среди различных слоев общества, а также к появлению новых форм и методов обучения.

Ключевые слова: чайное действие, эпоха Эдо, чайная церемония, дзэн-буддизм.

© А. В. Зинченко

Чай появился в Японии приблизительно в VIII в. в результате распространения континентальной культуры. Однако из-за прекращения дипломатических отношений с Китаем в конце IX в. в Японии обычай пить чай практически исчез.

Еще одной причиной, задержавшей развитие чайных церемоний в Японии, стал тот факт, что в отличие от Китая, где питье чая стало практически повсеместным, в Японии чайное действие оставалось прерогативой монахов, за пределами монастырей идеи дзэн нашли свое отражение по большей части только среди военной аристократии (самурайства), которое было немногочисленным и неоформленным [Игнатович, 1997, с. 22].

Интерес к чайному действу в Японии вновь возник только в XIII в., т. к. вышедшее на политическую арену военное дворянство основным образом опиралось на «новые» буддийские школы. К этим школам относились: амидаизм, нитирэнизм и дзэн. Амидаизм и нитирэнизм не оказали какого-либо значительного влияния на становление чайной церемонии в Японии в отличие от третьего направления — дзэн. В первую очередь, стоит отметить, что в рамках дзэнского направления в Японии возникли две школы — Риндзай и Сото. Возрождение интереса к чаю в Японии произошло благодаря деятельности первого патриарха школы Риндзай, принадлежащего к ветви 建仁寺 кэннин-дзи, Эйсай (栄西, 1141–1215) [Игнатович, 1997, с. 24].

Эйсай изложил свои взгляды на чай и чайную церемонию в трактате «Записки о питии чая и поддержании жизни» (喫茶養生記 Кисса ё: дзё: ки). В своем трактате Эйсай рассуждает о явлении, которое он называет «концом Дхармы». В упрощенной трактовке это понятие можно трактовать как конец света. В тоже время Эйсай определяет чай как «целительное средство святых, которое может поддержать жизнь в конце мира, способное продлить жизнь человека». При этом необходимо подчеркнуть, что понятие «продление жизни» касается не столько заботы об улучшении физического состояния, сколько спасения жизни в век «конца Дхармы».

В своем трактате Эйсай подчеркивает важность вкусовых ощущений, т. к. они напрямую влияют на работу «пяти главных человеческих вместилищ» — сердца, печени, легких, почек и селезенки (Цит. по: [Игнатович, 1997, с. 28]). Взгляды Эйсай на чай в дальнейшем были преобразованы в базовые концепты чайной церемонии.

Тем не менее, чайное действие вплоть до эпохи Эдо оставалось ритуалом скорее религиозным, а не светским. Проведение чайной церемонии в большей степени оставалось прерогативой монахов и аристократии, а обучение чайной церемонии, как правило, проводилось индивидуально.

Однако, начиная с начала эпохи Эдо, в результате социальных изменений чайное действие претерпело значительные трансформации. Подобная трансформация стала возможна благодаря сочетанию двух факторов, а именно — расцвету системы школ искусства и распространению чайного искусства на класс горожан.

Рассмотрим подробнее первую причину. Под системой школ искусства подразумевается система 家元制度 *измото сэйдо* (букв. «система глав дома»).

Предпосылки для создания подобной системы возникли еще в период Хэйан (794–1185), однако свой расцвет она получила именно

в период Эдо. По своей сути *изомото* представляет собой семейное обучение тому или иному виду искусства, в т. ч. чайной церемонии.

Изначально обучение представляло собой достаточно закрытый процесс — в секреты мастерства посвящались либо исключительно члены семьи, либо приходящие ученики, которые становились ее частью, проживая в доме мастера. Количество подобных учеников всегда было небольшим и, как правило, они были представителями либо аристократической прослойки общества, либо класса самураев.

Однако в период Эдо произошло расширение этой системы, которое привело к большему количеству учеников в рамках школ и изменило их социальный состав. Эти изменения, с одной стороны, были вызваны экономическим возвышением сословия горожан, что будет рассмотрено позже, с другой стороны, целенаправленными действиями правительства сёгуната Токугава.

Одной из целей сёгуната Токугава было поддержание социальной стабильности в стране путем строгого определения обязанностей всех сословий. Следовательно, возникла необходимость контроля за населением. Система *изомото* выступила одним из наиболее предпочтительных способов для этого.

Благодаря поддержанию этой системы, правительство обрело контроль над появляющимися школами искусств, ориентированными на большое количество учеников в отличие от индивидуального обучения искусствам, бытовавшему прежде (Цит. по: [Борисова, 2022, с. 56]).

Появившиеся школы быстро завоевывали популярность. Их главы были обязаны отчитываться перед властями о состоянии дел в руководимой ими школе: количестве учеников и уровне их подготовки.

Создание школ под руководством *изомото* поддерживалось властями, так как эта система соответствовала их политике контроля над городским населением и способствовала распространению государственной идеологии.

Более того, эпоха Гэнроку (1688–1704) была временем значительного развития товарной экономики, основанной на резком росте коммерческого сельского хозяйства в районе Кинай и повышении производительности различных отраслей промышленности [Стрельцов, 2018, с. 225].

Повышение экономического благосостояния привело к появлению большого числа новых торговцев и привилегированного класса горожан 町人 *тёнин*, которые начали превосходить самурайский класс в экономическом отношении. Это также отразилось

на культуре: тёнин стали влиять на культуру городов, и все больше людей начали заниматься чайной церемонией.

Тёнин начали оказывать влияние на культурные традиции городов, и всё больше горожан стало приобщаться к традиционным искусствам, включая чайную церемонию. Первоначально, чайная церемония была исключительно привилегией духовенства, придворной аристократии и самурайского сословия. Представители других социальных слоёв, как правило, не обладали достаточными финансовыми средствами и образованием для участия в этих практиках. Однако с ростом благосостояния горожан интерес к традиционным искусствам, включая чайную церемонию, заметно усилился, открывая её для всё более широкого круга участников.

Экономическое возвышение горожан и распространение чаепития на военное и торговое сословие стало ключевой предпосылкой для перехода чайной церемонии в светскую сферу. Еще до появления «Семи ритуалов»¹ стали широко практиковаться чайные поединки 闘茶 *то: тя* [Войтишек, 2016, с. 317]. Они являлись абсолютно новой формой чаепития, включающими в себя развлекательную составляющую. «Семь ритуалов», подобно чайным поединкам *то: тя*, представляют собой переходный этап от чаепития, несущего сугубо религиозное или медицинское значение, к чаепитию светскому.

В связи с вышесказанным необходимо еще раз отметить, что до начала периода Эдо в Японии не существовало школ традиционных искусств в том виде, как они существуют сейчас. Обучение обычно происходило в рамках одного рода либо учителя занимались со своими учениками в индивидуальном порядке, и широкого распространения искусств не предполагалось [Борисова, 2022, с. 60].

С ростом числа людей, увлекающихся чайной церемонией, увеличилось и количество учеников. Из-за этого форма обучения изменилась от индивидуальных занятий в малых комнатах к обучению в больших залах, где одновременно присутствовали несколько учеников и гостей. В результате, когда много людей собиралось вместе для тренировок, атмосфера зачастую становилась неподходящей для чайной церемонии, т. к. разговоры на посторонние отвлекали внимание гостей, что снижало их концентрацию. Для решения этих проблем и создания метода обучения,

¹ Чайный комплекс, созданный в середине периода Эдо. Представляет собой форму практики, которая, с одной стороны, включает отработку навыков чайного действия, с другой стороны, включает в себя элементы игры.

позволяющего одновременно обучать несколько человек, были разработаны новые системы обучения, примером которых может служить система «Семи ритуалов» [Каваками, 1991, с. 136].

Японцы преобразовали чайные церемонии, изначально существовавшие только в качестве буддийских практик, в подобие своеобразной «религии эстетизма» [Игнатович, 1997, с. 6], получившей английское название «тиизм» (от англ. tea — «чай») [Окакура, 2014, с. 31]. Благоприятным условием для распространения тиизма послужила затянувшаяся самоизоляция Японии от остального мира, создавшая благоприятные условия для анализа собственной культуры. При этом понятие тиизма распространялось не только на чайную церемонию, — японские дома и привычки, одежда и кухня, керамика, глазурь, живопись, даже сама литература, — все носило на себе отражение влияния «тиизма».

Таким образом, в период Эдо произошла значительная трансформация японского чайного искусства. С одной стороны, оно отвечало потребностям сёгуната Токугава, в результате чего произошел расцвет системы чайных школ. С другой стороны, распространение чайной церемонии на класс горожан создало необходимость создания новых форм обучения чайной церемонии, рассчитанной на большое количество людей. Подобным решением стали в первую очередь игровые формы чайного искусства, позволяющие сохранять интерес большой аудитории и задействовать всех гостей чайной церемонии.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисова А. А.** Историческое развитие системы измото (глав школ традиционных искусств) в Японии. Санкт-Петербург, 2022. 388 с.
- Войтишек Е. Э.** Интеллектуальные развлечения в традиционных восточных искусствах: новый взгляд на чайную церемонию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8. № 5. С. 316–321.
- Игнатович А. Н.** Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере чайного действия). Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. 288 с.
- Каваками Кансэцу.** Каваками Фухаку-но тя [川上太白の茶]. Чайная церемония Каваками Фухаку. Токио: Коданся, 1991. 195 с. (на яп. языке).
- Окакура К.** Чайная церемония в Японии. Центрполиграф, 2014. 110 с.
- Стрельцов Д. В.** История Японии: учебник для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018. 592 с.

ALINA V. ZINCHENKO

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
alinazin1998@gmail.com

The Transformation of the Japanese Tea Ceremony During the Edo Period (1603–1868)

Acknowledgements: The study was conducted within the framework of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. FSUS-2024-0028 “Axiological Potential of Buddhism in the Context of International Relations of Russia with the Countries of East Asia: History and Modernity”.

Abstract: This study examines the transformation of the tea ceremony in Japan during the Edo period (1603–1868). After a temporary decline in the 9th century, the tea tradition was revived through the influence of Zen Buddhism and the monk Eisai. During the Edo period, with the growth of urban culture, the tea ceremony gradually began to lose its religious character, marking the transition of the tea practice into the secular realm. The expansion of economic prosperity and social changes led to the popularization of the tea ceremony among various social groups, as well as the emergence of new forms and methods of teaching.

Keywords: tea practice, Edo period, tea ceremony, Zen Buddhism.

МАХФУЗА БАХРИДДИНОВНА МАМАТОВА

Каршинский государственный университет

Карши, Узбекистан

maxfuzamamatova@gmail.com

Роль чая в буддизме

Аннотация: В данной статье раскрывается связь чая и чайных церемоний с буддизмом, так как история чайной культуры отражает связь человека с природой. Чайная культура играл большую роль в развитии чаньбуддизма, который отвергал пышные буддийские ритуалы, заменив их питьем чая. Буддизм с чайной культурой распространился за пределы Китая и в Японии она называлась дзен-буддизмом. Японские монахи начали употреблять чай в своих медитаций, поскольку чай помогал справиться с сонливостью, рассеянностью мыслей и неправильном положении тела. Японская чайная церемония происходил своей сложный процесс формирования правил чаепития и завершился созданием классической чайной церемонии *тя-но ю*.

Ключевые слова: чай, чайная церемония, чайная культура, буддизм, Китай, Япония, монах, чань-буддизм, Бодхидарма.

© М. Б. Маматова

История взаимоотношений Буддизма и чая насчитывает уже не первое тысячелетие. Уже 3 тысячелетия до н. э. в «Каноне Шень-Нуна о питании» говорится, что чай «дает людям силу, хорошее расположение духа и решительность» [Цю Цзипин, 2023, с. 129], то есть улучшает настроение и настраивает на оптимистический лад.

Большую роль в формировании духовной основы искусства чаепития и его распространении по всей территории Китая сыграл чаньбуддизм. Это учение сложилось на юге Китая в V–VI веках на основе буддизма махаяны под влиянием даосизма и конфуцианства. Последователи чань отвергли пышные буддийские ритуалы, постепенно заменив их своими традициями и обрядами, многие из которых включали питье чая. Появление этого

обычая связывают с именем основателя школы чань, двадцать восьмого буддийского патриарха Бодхидхармы (китайский Дамо), который прибыл в Китай из Южной Индии в конце V — начале VI века н. э. В легенде о нем говорится о связи чая с буддизмом. Не зря, в Китае даже есть такая поговорка: «Чань и чай одного вкуса» [Ло Цзюнь, 2023, с. 119].

К VI веку «занятия чаем» вошли составной частью в буддийский монастырский распорядок. Во-первых, чай оказался идеальным нетоксичным возбуждающим напитком для усиления умственной деятельности и предотвращения сонливости во время медитации. Во-вторых, чай использовали в религиозных целях — в ритуальных подношениях, церемониях подтверждения общинного братства, официального введения в должность нового настоятеля и т. д. Например, в чайной церемонии, проводимой по случаю годовщины смерти Бодхидхармы, монах помощник преподносил еду и чай изображению патриарха, а затем передавал их главному монаху; последний брал немного еды, выпивал глоток чая и вновь передавал по кругу другим монахам с соответствующими приветствиями.

Бодхидхарма (китайский Дамо, японский Дарума) — первый монах чань-буддизма в Китае. Согласно традиции, он был индусом, в 470-е гг. он прибыл в Китай и недалеко от Лояна основал свой монастырь Шаолинь [Чай. Вино. Поэзия, 2015, с. 35]. У него большие, словно выпученные, круглые глаза, что связано с древней легендой о том, что он долго медитировал и несколько лет не спал. Но однажды, когда он устал, веки закрыли его глаза на несколько мгновений. Очнувшись, святой вырвал веки и отбросил их далеко от себя. Там, куда они упали, вырос чайный куст, настой листьев которого помогал монахам сохранять бодрость во время медитации. Впоследствии употребление этого тонизирующего напитка вышло за пределы монастырей и оформилось в ритуалы чайной церемонии в Китае и Японии, которые прочно связаны с именем Бодхидхармы.

По данным Ван Лина, «когда чань-буддизма появился, он приобретает китайские черты, и все его теории полностью сошлись с идеологией чайной культуры и она распространилась следующим образом: во-первых, она популяризировала практику чаепития. В первой половине VIII века на горе Тайшань монахи начали заниматься медитацией и им не разрешалось ни спать, ни ужинать, но они могли пить чай. Таким образом, каждый монах заварил себе чай и пил чай. Китайцы последовали их примеру, и скоро чаепитие вошло в обычай; во-вторых, из-за дороговизны чая

монахи начали выращивать чай и создавать своих чайных плантацией. Такие плантации находились рядом монастырей далеко в горах, где была отличная вода, плодородная почва и чистый воздух; в-третьих, монахи считали что надо подходить к искусству чая с позиций самопознания и создали буддийскую чайной церемонии. Чай помог оставаться спокойным и здравомыслящим во время медитации. Поэтому характерные свойства чая были сродни буддизму. Монахи пили чай не только чтобы освежиться и восстановить силы, также они соединяли свойства чая с теориями Чань и пришли к выводу, что истинная цель мира состоит в том, чтобы искать мира в душе» [Ван Лин, 2003, с. 59–60].

Чай впервые был привезен в Японию буддийскими монахами, которые в период с 630 по 894 год неоднократно бывали в Китае с посольскими миссиями. Это был прессованный чай в виде кирпича *дантя*, его дробили, добавляли некоторые ингредиенты, в частности соль, заливали кипятком и настаивали. Но питье чая пока ещё оставалось неким экзотическим действием, практиковавшимся в весьма узком кругу придворной аристократии и среди части буддийского духовенства, оставаясь совершенно неизвестным широким слоям населения страны [Игнатович, 2011, с. 21]. Затем связи с Китаем на некоторое время прервались и чай был практически забыт.

Следующий этап чайной экспансии связан с распространением в Японии дзэн-буддизма. Во второй половине XII века монах Эйсай дважды ездил в Китай, где познакомился с доктриной и практикой чань-буддизма (яп. дзэн-буддизма). Вернувшись в Японию, он основал дзэнскую школу Риндзай. В 1191 году Эйсай привез в Японию семена чая, которые были высажены в окрестностях Киото. Условия для выращивания чайных кустов оказались благоприятными, и в этом районе начали собирать листья чая высокого качества. Теперь уже пили маття — порошкообразный чай, почти такой же, какой употребляют сегодня.

Постепенно новый напиток начал распространяться за пределы дзэн-буддийских центров. Его оценили монахи других буддийских школ, поскольку он хорошо помогал справляться с «тремя отравками», мешавшими медитации: сонливостью, рассеянностью мыслей и неправильным положением тела [Игнатович, 2011, с. 44].

Вслед за монахами к чаю пристрастились представители разных сословий японского общества — от аристократических и военно-феодалных кругов до рядовых горожан. В XIV — первой половине XVI века существовали разные варианты чаепитий, и при организации светских церемоний руководствовались обычаями

и правилами своего социального круга. При императорском дворе получила продолжение давняя традиция эстетических состязаний, заключающаяся в отгадывании сорта чая. Крупные феодалы стали устраивать чаепития, которые давали возможность приглашать нужных гостей, как союзников, так и противников, для проведения переговоров и обсуждения политических проблем.

Горожанам пришлось по душе чаепития, во время которых можно было поговорить о разных торговых и городских делах. Проводились чаепития, где главной целью являлось представление дорогостоящей чайной утвари. В других случаях акцентировался эстетический аспект — участники таких действий любовались тонко подобранными предметами, наслаждались общением с единомышленниками. Устраивались и откровенно увеселительные пирушки. Таким образом, светские чаепития того времени имели по большей части развлекательную направленность.

Вплоть до второй половины XVI века происходил сложный процесс формирования правил чаепития, который завершился созданием классической чайной церемонии тяною (букв. «чайный напиток»). Среди большого числа чайных мастеров выделяются три знаковые фигуры, деятельность которых имела определяющее значение для сложения тяною: Мурата Сюко (1432–1502), Такэно Дзёо (1502–1555) и Сэн Рикю (1522–1591). Первые два мастера подготовили почву для создания классического типа чайного действия, что окончательно было завершено Сэн Рикю.

Мурата Сюко (или Дзюко) был монахом в одном из храмов Нара, где увлекался чаепитиями, проводившимися в монастыре. Затем он перешел в известный дзэнский храм Дайтокудзи в Киото, где стал учеником прославленного наставника Иккю Содзюна (1394–1481). Сюко под руководством Иккю осваивал дзэнский путь постижения истины, включив в этот процесс чайное действие, которое подверг основательному переосмыслению. Он значительно сократил площадь помещения для проведения чаепития, выделив отдельную комнату размером около девяти квадратных метров, что соответствовало размеру монашеской кельи. Было уменьшено количество утвари до необходимого минимума, что повышало их индивидуальную значимость. Дорогие изысканные китайские изделия, которые высоко ценились в то время любителями чая, Сюко заменил неказистыми грубоватыми образцами, среди которых были как китайские, так и японские вещи [Чай. Вино. Поэзия, 2015, с. 47].

Сюко претила бьющая в глаза красота и совершенство форм, лежащее, так сказать, на поверхности. Акцент переносился

на внутреннюю, в общем-то труднодостижимую обыкновенным человеком красоту вещи. Характерны в этом отношении слова самого Сюко, сохранившиеся в записках Нодзэ Тоумона: «Луна, которая не (проглядывает) сквозь облака, также неприятна»» [Игнатович, 2011, с. 88]. Для Сюко чаепитие было такой же дзэнской практикой, ведущей к просветлению, как и медитация. Известна легенда о том, что Иккю, наблюдая за Сюко, подумал, что тот чрезмерно увлекается чаем и пренебрегает медитативной практикой. Однажды Иккю увидел своего ученика наслаждающимся чайным напитком и, подойдя к нему, ударил палкой по чашке, которая выпала из рук якобы нерадивого монаха. Однако Сюко остался невозмутимым. И тогда Иккю воскликнул: «Дзэн есть в чае!» Идея о дзэне в чае («вкус дзэна и вкус чая един») стала основополагающей в классической чайной церемонии [Игнатович, 2011, с. 82].

Такэно Дзёо (1502–1555) профессионально занимался поэзией и был преподавателем сложившегося к XV веку поэтического направления рэнга («нанизанные строфы», названные так потому, что стихи слагали вдвоем, втроем, как бы передавая друг другу поэтическую эстафету из трехстиший хоку и двустиший хайку). После тридцати лет Дзёо обратился к буддизму и прошел обучение у настоятеля храма Дайтокудзи, увлекавшегося чайным ритуалом. Это оказало влияние на Дзёо, который, освоив чайное действие, продолжил его совершенствование.

Так же как Сюко, Дзёо основной акцент в чайной церемонии перенес на внутреннюю красоту и благородство действия. Отсюда возникло особое понимание красоты как чего-то безыскусного, лишённого эффектности и внешней привлекательности [Игнатович, 2011, с. 109].

Главной заслугой Дзёо было введение в эстетику чайной церемонии понятия ваби, которое первоначально связывалось с категориями одиночества, бедности и печали, а затем акцент был перенесен на созерцательное мировосприятие, на ощущение внутренней одухотворенности вещей и понимание красоты как простоты, естественности и непритязательности. Чайная церемония тяною как бы сконцентрировала в себе новую эстетическую доктрину ваби, сформировавшуюся в Японии в конце XVI века, не утратившую своего значения вплоть до сегодняшнего дня.

Основополагающее значение в церемонии *вабитя* (чай в стиле ваби) имело обретение просветления, которое невозможно достичь без «очищения сознания». Один из чайных мастеров определил этот процесс следующим образом: «Осматривая свиток-какэмоно в нише-токонома и цветы в вазе, очищают глаза; вдыхая аромат

благовоний, очищают нос; слушая (звуки) кипящей в котле воды и капель, падающих из бамбукового желоба, очищают уши; пробуя чай, очищают рот; беря в руки чайную утварь, очищают [орган осязания. Во время очищения шести «корней» сознание само по себе очищается от скверны] [Игнатович, 2011, с. 193].

Завершил создание классической чайной церемонии Сэн Рикю (1522–1591). Семья Рикю жила в Сакаи, богатом торговом городе, где обитало много чайных мастеров. Отец его был преуспевающим торговцем, а дед Сэнъами состоял на службе при сёгунах (военных правителях) Асикага в качестве знатока произведений искусства. Рикю, получивший от деда имя Сэн, с детства стал изучать чайную церемонию и к 16–17 годам достиг серьезных успехов. В это время он познакомился с Такэно Дзёо и стал его учеником.

Известна история, рассказывающая о том, как Такэно Дзёо велел своим ученикам убрать сад. Когда Сэн Рикю вышел в сад, то увидел, что все кругом тщательно выметено. Он почувствовал, что вычищенному пространству не хватает гармонии, и, недолго думая, тряхнул ствол ближайшего дерева, так что с дерева посыпались листья и в беспорядке легли на землю. Дзёо отметил поступок ученика. Этот сюжет наглядно выражает ощущение Рикю ваби и перекликается с идеальным представлением о вабитя, символически обозначенным как «горная хижина в городе» [Чай. Вино. Поэзия, 2015, с. 55]. Рикю так же, как и его учитель Дзёо, постигал учение дзэн-буддизма под руководством монахов из монастыря Дайтокудзи, стараясь с помощью дзэнского опыта проникнуться «духом чая».

Рикю было уже за 60 лет, когда он был назначен главным чайным мастером у Тоётоми Хидзёси, военного правителя, ведшего борьбу за объединение страны. Хидзёси был большим ценителем и знатоком тяною, но со своими собственными приоритетами, в числе которых были определенные политические цели, а также амбициозное желание продемонстрировать свою значимость и могущество [Игнатович, 2011, с. 148].

Это разительно отличалось от вабитя Рикю, который к этому времени стал наиболее авторитетным мастером в мире чая и завершил формирование чайной церемонии, четко обозначив как ее духовную содержательность, так и материальное выражение. Когда Рикю спрашивали, в чем суть искусства тяною, он отвечал, что нужно всего лишь вскипятить воду, заварить чай и выпить его. В этом — простота дзэнского пути постижения истины, когда ум совершенно спокоен и человек, соприкасаясь со своим истинным «я», способен достичь состояния

просветления (сатори). В своем утверждении дзэнских критериев и эстетики Рикю шел по пути своих предшественников, но он значительно преобразовал чайную церемонию, создав свою стройную систему правил.

Уже в XV в. в Японии чайную церемонию возвысили до религии чаизма (*teaism*). По данным К. Окакура, «чаизм это основанной на восхищении красотой в окружении мерзостей каждодневного существования и несущего с собой чистоту и гармонию, таинства общего милосердия и романтизма общественного устройства. По существу, это поклонение несовершенству, то есть мягкая попытка завершить то, что возможно во всем этом невозможном, которое мы понимаем как жизнь» [Какудзо Окакура, 2023, с. 6].

Таким образом, чайная церемония в Китае, Японии и Корее развивался благодаря буддизму в течение тысячи лет и распространился среди разных сословий общества. Сначала чайные церемонии проводились в монастырях, во время медитации и ретритов как бодрящий напиток, а потом в светских чаепитиях имела большей части развлекательную направленность. Формирования правил чаепития завершился созданием классической чайной церемонии для каждого народа мира.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Лин. Китайское искусство чаепития. М.: Центрполиграф, 2003. 240 с.

Игнатович А. Н. Чайное действо. М.: Стилсервис, 2011. 493 с.

Какудзо Окакура. Книга чая. М.: Издательство АСТ, 2023. 288 с.

Ло Цзюнь. Китайский чай. М.: Шанс, 2023. 205 с.

Чай. Вино. Поэзия / Составитель Е. С. Ермакова. М.: ГМВ, 2015. 200 с.

Цю Цзипин. «Канон чая» в иллюстрациях. М.: Шанс, 2023. 207 с.

MAHFUZA B. MAMATOVA

Karshi state university

Karshi, Uzbekistan

maxfuzamamatova@gmail.com

The Role of Tea in Buddhism

Abstract: This article reveals the connection between tea and tea ceremonies with Buddhism, since tea culture is inextricably linked with nature and society, while Buddhism called for achieving bliss in heaven. Chinese tea culture is full of optimism

and love for life, while Buddhism preached the value of solitude and trials. In the philosophy of Chan Buddhism, this contradiction was resolved, and as a result, the two approaches to tea culture came closer together and formed a single whole. The first preacher of Buddhism in Japan was also a great expert and founder of the Japanese tea ceremony. Japanese monks attached special importance to the unique features of the tea ceremony, common among Chinese Buddhists.

Keywords: tea, tea ceremony, tea culture, Buddhism, China, Japan, monk, Chan Buddhism, Bodhidharma.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**Лингвистика, литература
и преподавание восточных языков**

НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА КУТАФЬЕВА
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
Natasha7362@mail.ru

Глаголы со значением множественности в японском языке

Аннотация: В работе анализируется лексический способ выражения множественности с помощью двух групп глаголов. Первая группа объединяет глаголы со значением соединения предметов или живых существ (*ацумару* «собираться» — *ацумэру* «собирать»), вторая группа — глаголы со значением разъединения целого на части (*тиру* «разлетаться» — *тирасу* «разбрасывать, рассеивать», *кубару* «раздавать»). Изучаемые глаголы являются полисемантическими, поэтому при реализации их значений используются разные модели предложений. Также были проанализированы способы выражения множественности в предложениях с данными глаголами.

Ключевые слова: множественность, полисемантические глаголы, японский язык.

© Н. В. Кутафьева

В японском языке при отсутствии грамматической категории числа существуют морфологические, лексические и синтаксические способы выражения количества. В данной работе мы рассмотрим лексический способ выражения количества с помощью глаголов со значением множественности.

Материал для анализа был взят из «Словаря использования базовых глаголов японского языка», «Материалов с примерами предложений и вопросами по японскому языку», а также из корпуса современного письменного японского языка, созданного Государственным научно-исследовательским институтом японского языка¹.

¹ URL: https://shonagon.ninjal.ac.jp/search_form (дата обращения 23.06.2024).

Существуют две группы глаголов со значением множественности. Первая группа объединяет глаголы со значением соединения множественных предметов или живых существ, вторая группа — глаголы со значением разъединения целого на части.

Первую группу представлена глаголами 集まる *ацумару* — 集める *ацумэру*.

Непереходный глагол 集まる *ацумару* «собираться; быть сосредоточенным на; быть собранным» используется в трех моделях.

I. В первой модели существуют два разновидности, в которых реализуется значение глагола «собираться».

1. Модель со значением «собираться в каком-либо месте».

[живые существа, предметы] +*га* (NOM)/*ва* (TOP)+*ни* «где» (LOC) +*ацумару*

(1) 桜が咲くと、花見と称して人が集まったり、大騒ぎを繰り広げる。Сакура-*га* саку то, ханами то сё: ситэ хито-*га* ацуматтари, оосава-*ги-о* курихирогэру. «Когда цветет сакура, люди собираются, чтобы увидеть это, и очень шумят».

В японском языке по внешнему облику существительного невозможно определить число. В примере (1) используется сказуемое 集まる *ацумару* «собираться», следовательно субъект действия 人 хито «человек», используется в значении множественного числа.

2. Модель со значением «собираться для выражения чего-либо».

[люди, организации] +*га* (NOM)/*ва* (TOP)+*тамэ* «для»+*ни* «где» (LOC)+ *ацумару*

(2) 人が抗議のために市役所に集まった。Хито-*га* ко: ги но тамэ ни сиякусё-*ни* ацуматта. «Люди для протеста собрались в мэрии».

В примере (2) субъект действия 人 хито «человек» также имеет значение множественного числа.

II. Во второй модели со значением «человеческие чувства направлены на что-то» реализуется значение глагола «быть сосредоточенным на».

[интерес, дело]+*га* (NOM)/*ва* (TOP)+[люди, живые существа, вещи]+*ни* (LOC) +*ацумару*

(3) 人々の視線が新車に集まる。Хитобито-*но* сисэн-*га* синся-*ни* ацумару. «Глаза людей прикованы к новой машине».

В примере (3) подлежащее 視線 сисэн «взгляд, взор» имеет определение в виде редуцированного существительного 人 хито «человек», таким образом, предложение в целом передает значение множественного числа.

III. Третья модель имеет значение «дома и магазины сконцентрированы в каком-то месте», т. е. реализуется значение глагола «быть собранным».

[строения, организации] +*га* (NOM)/*ва* (TOP)+[место]+*ни* (LOC)+*ацумару*

(4) *しゃれた店が町のその一画に集まっている。Сярэта мисэ-га мати-но соно иккаку-ни ацуматтэиру.* «В этой части города сосредоточены модные магазины».

В примере (4) подлежащее используется в значении множественного числа, поскольку понятно, что сосредоточен не один магазин.

Далее рассмотрим переходный глагол *集める ацумэру* «собирать, сосредотачивать внимание на». Выделяются две грамматические модели использования.

I. В первой модели со значением «собирать в каком-то месте» реализуется значение глагола «собирать».

[люди, живые существа] +*га* (NOM)/*ва* (TOP) [место] + *ни* (LOC) [люди, вещи, живые существа] + *о* (ACC) + *ацумэру*

(7) *校長先生は生徒全員を講堂に集めた。Ко: тэ: сэнсэй ва сэйто дзэнъин-о ко: до:-ни ацумэта.* «Директор школы собрал всех учеников в зале».

В примере (7) используется приложение *全員 дзэнъин* «все», относящееся к прямому дополнению *生徒 сэйто* «ученик», в результате чего выражается множественное число «ученики».

II. Во второй модели со значением «направить чувства людей на» реализуется значение глагола «сосредотачивать внимание на».

[люди, организации, живые существа, вещи, дела] + *га* (NOM)/*ва* (TOP) [интерес]+*о* (ACC)+*ацумэру*

(8) *首脳会議は世界中の注目を集めた。Сюно: кайги ва сэкайдзю: -но тю: моку-о ацумэта.* «Саммит привлек внимание по всему миру».

В функции дополнения могут использоваться такие существительные, как *注目 тю: моку* «внимание», *関心 кансин* «интерес» и др., т. е. слова, описывающие чувства людей. Кроме того, в данном предложении опущен субъект действия, чье внимание было привлечено саммитом, т. е. люди. Таким образом, в приведенном выше предложении выражается имплицитное значение множественности.

Далее, в качестве места происходящего могут использоваться существительные с суффиксом *中 дзю:*, такие как, *世界中 сэкайдзю:* «по всему миру», *日本中 нихондзю:* «по всей Японии», с помощью которых также выражается имплицитное значение множественности.

Рассмотрим далее глаголы со значением разъединения целого на части.

Для нахождения антонимов мы использовали электронный словарь Weblio², в котором указаны следующие пары: 集まる *ацумару* — 散る *тиру*, 集める *ацумэру* — 散らす *тирасу*, 配る *кубару*.

Непереходный глагол 散る *тиру* имеет несколько значений «рассыпаться, разлетаться; расходиться и др.».

Значение «рассыпаться, разлетаться» при условии, что субъект действия выражен неодушевленным существительным, реализуется в модели со значением «предметы разделяются и падают или летят».

[место]+ни (LOC)[вещь] +га (NOM) /ва (TOP)+*тиру*

(9) 床にガラスの破片が散る。Юка-ни *гарасу-но хакэн-га тирu*. «По полу разлетаются осколки стекла».

В примере (9) глагол имеет значение «разлетаться», т. е. выражается значение множественного числа, следовательно и подлежащее, выраженное существительным 破片 *хакэн* «осколок», выражает значение множественного числа.

Значение «расходиться» при условии, что субъект действия выражен одушевленным существительным, реализуется в модели со значением «собравшиеся люди расходятся».

[человек, живое существо] +га (NOM) /ва (TOP) + [место]+ни /э (LOC / LAT) +*тиру*

(10) 見物人はいつの間にかどこかへ散った。Кэмбумудзин ва *ицуно-маника доко ка э титта*. «Экскурсанты мгновенно куда-то разошлись».

Переходный глагол 散らす *тирасу* имеет значения «разбрасывать, рассеивать (толпу)».

I. Значение глагола «разбрасывать» реализуется в модели со значением «разорвав предмет на части, разбрасывать эти части».

[человек, механизм, явление природы] +га (NOM) /ва (TOP) + [вещь] +о (ACC) + [место]+ни (LOC)+*тирасу*

(11) 子供が紙くずを床に散らした。Кодомо-га *камикудзу-о юка-ни тирасита*. «Ребенок разбросал обрывки бумаги на полу».

В примере (11) объект, подвергающийся действию, т. е. 紙くず *камикудзу* «обрывки бумаги», выражает множественное число. Однако, остается непонятным число субъекта действия.

II. Значение глагола «рассеивать толпу» реализуется в модели со значением «разделив собравшихся людей, животных разогнать их».

² URL: <https://www.weblio.jp/content/> (дата обращения 21.06.2024).

[человек, живое существо, транспорт] +*га* (NOM)/*ва* (TOP) + [человек, живое существо] + *о* (ACC)+*тирасу*

(12) 暴れ馬が羊の群れを四方に散らした。 *Абарэума-га хицудзи-но мурэ-о сихо:-ни тирасита*. «Норовистая лошадь разогнала стадо овец во все стороны».

Объект действия 群れ мурэ «стадо» выражает значение собирательного множества.

Таким образом, в предложениях с глаголом 散らす *тирасу* «разгонять, рассеивать» множественность выражается либо в объекте действия, либо с помощью обстоятельств со значением множества.

Глагол 配る *кубару* выступает антонимом глагола 集める *ацумэру* в значении «раздавать — собирать».

Значение глагола «раздавать» реализуется в модели со значением «раздавать что-то людям, группе в каком-то месте».

[человек]+*га* (NOM)/*ва*(TOP)+ [человек, группа, место] + *ни* (LOC) + [предмет] + *о* (ACC)+*кубару*

(13) 県内の高校にパンフレットを配った。 *Кэннай-но ко: ко:-ни памфурэтто-о кубатта*. «Раздали памфлеты в префектуральные школы».

В примере (13) значение множественного числа выражено существительным 県内 *кэннай* «в пределах префектуры», которое является определением к дополнению 高校 *ко: ко:* «школы высшего уровня».

Таким образом, в предложениях с анализируемыми глаголами множественное число выражается либо самим глаголом, либо эксплицитно выражается различными способами: определением к подлежащему, формами существительных со значением множественного числа, существительными с суффиксом *дзю:* «на протяжении», различными частями речи со значением множественности. Для реализации значений полисемантических глаголов используются разные модели предложений.

Список названий падежей:

- ACC — аккузатив
- INS — инструменталис
- LAT — латив
- LOC — локатив
- NOM — номинатив
- TOP — топик

ЛИТЕРАТУРА

- Иваока Тоёко, Окамото Кивами.** Нихонго рэйбун мондай сири: дзу. До: си [岩岡登代子、岡本きはみ。日本語例文・問題シリーズ。動詞]。Материалы с примерами предложений и вопросы по японскому языку. Глаголы. Токио: Аратакэ сьуппан. 1993. 189 с. (на яп. яз.).
- Словарь использования базовых глаголов японского языка [日本語基本動詞用法辞典]。Токио: Тайсю: кан сётэн. 1989. 584 с. (на яп. яз.).

NATALIYA V. KUTAFEVA

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
Natasha7362@mail.ru

Verbs Expressing Plurality in Japanese Language

Abstract: The work analyzes the lexical way of expressing plurality using two groups of verbs. The first group combines verbs with the meaning of connecting objects or peoples (*atsumaru* 'to gather' — *atsumeru* 'to collect'), the second group combines verbs with the meaning of separating a whole into parts (*chiru* 'desperse' — *chirasu* 'scatter', *kubaru* 'distribute'). The studied verbs are polysemantic, so different models are used to realize their meanings. In addition, various ways of expressing plurality in a sentence were analyzed.

Keywords: plurality, polysemantic verbs, Japanese language.

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА КИРЮХИНА

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

lyubabukhtulova@mail.ru

Подход Чэнь Чэнцзэ к проблеме «необычного функционирования» китайской лексики

Аннотация: На материале 《國文法草創》 «Говэньфа цаочуан» рассматривается подход 陳承澤 Чэнь Чэнцзэ к теоретическому осмыслению синтаксических возможностей лексических единиц китайского языка, в частности — употребления в функциях, свойственных разным частям речи. Приводятся примеры и пояснения автора указанной работы, снабжённые переводом на русский язык. С точки зрения терминологии для обозначенного явления используется вариант 活用 *хо юн* 'подвижное употребление'. Само внимание к данной проблеме не является новым в китайском языкознании: такую особенность китайской лексики учёные отмечали и ранее, однако Чэнь Чэнцзэ пытается дать этому научное объяснение.

Ключевые слова: китайское языкознание; грамматика; части речи.

© Л. В. Кирюхина

Сложности классификации лексического состава китайского языка, вызванные его типологическими особенностями как языка изолирующего типа, вынудили лингвистов разрабатывать различные подходы к научному объяснению возможности достаточно свободного функционирования китайской лексики. Вопросы употребления лексических единиц в несвойственных для них функциях¹ затрагивались исследователями уже на традиционном этапе развития лингвистической мысли в Китае [Кирюхина, 2014, с. 207–208],

¹ В отечественной синологии говорят, например, о «необычном употреблении отдельных частей речи» [Яхонтов, 1965], о «необычных функциях» [Никитина, 2005]; англоязычный вариант — «flexibility» [Zádrapa, 2011; Sun, 2020].

актуальны они остались и в современный период. Так, в «Грамматике Ма Цзяньчжуна» 1898 г., вызвавшей ранее невиданный интерес китайских филологов к грамматической стороне родного языка, автор уделяет значительное внимание этой проблеме, а для обозначения данного явления использует термин 假借 ㄐㄚ́ ㄐㄟ́ ㄓㄟ́ ㄓㄨㄢˊ ‘заимствование’ [Ма Цзяньчжун, 2010], поясняя, что в ряде случаев лексические единицы могут «заимствоваться» и использоваться в предложении нетипично для слов своего класса, однако подобные случаи заимствования в целом не препятствуют выделению частей речи. В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть точку зрения на эту проблему 陳承澤 Чэнь Чэньцзэ (1885–1922) — автора более поздней работы «Начала грамматики национального языка» (《國文法草創》 «Говэньфа цаочуан») 1922 г., относящейся к начальному периоду научного описания грамматики китайского языка² и выполненной на материале вэньяня, классического письменного языка.

Чэнь Чэньцзэ, как и Ма Цзяньчжун, считает, что каждая лексическая единица принадлежит конкретной части речи (字類 ㄓㄩˋ ㄌㄟˋ лэй). При определении отнесённости к части речи предлагается учитывать основное употребление (本用 бэнь юн), или типичное функционирование, данной лексической единицы. Чэнь Чэньцзэ указывает, что значение у лексической единицы одно, однако вариантов функционирования может быть несколько. В данном контексте говорится о случаях 活用 хо юн ‘подвижного употребления’. Свойства существительных (名字 мина́зы), глаголов (動字 ду́нзы), прилагательных (象字 ся́нзы), наречий (副字 фу́цзы) и т. д. различаются, в тексте лексические единицы каждой части речи занимают своё место [Чэнь Чэньцзэ, 1982, с. 18–19]. Например, согласно определению, существительные главным образом называют предметы/лица, а прилагательные — описывают. Это типично для лексических единиц данных классов. Однако в 君君 ㄐㄩㄥˊ ㄐㄩㄥˊ ‘государь [ведёт себя так, как подобает] государю’ или 臣臣 ㄔㄩㄥˊ ㄔㄩㄥˊ ‘подданный [ведёт себя так, как подобает] подданному’ 君 ㄐㄩㄥˊ ‘государь’ и 臣 ㄔㄩㄥˊ ‘подданный’ во втором употреблении представляют собой описание (‘вести себя так, как подобает государю’, ‘вести себя так, как подобает подданному’), т. е. существительное функционирует как прилагательное. Также существительное может употребляться

² Отметим, что Чэнь Чэньцзэ в своих «Началах грамматики...» ссылается на труды предшественников и высказывает свои замечания относительно отдельных положений их грамматических теорий, в частности, на работы Ма Цзяньчжуна [Ма Цзяньчжун, 2010] и Чжан Шичжао [Чжан Шичжао, 1935] (издана в 1907 г.). Данный факт позволяет предположить, что их «Грамматики...» могли оказать влияние на формирование грамматических взглядов Чэнь Чэньцзэ.

как глагол. Например, существительное 雨 юй ‘дождь’ в 天雨 тянь юй ‘идёт дождь’ (досл. ‘небо дождит’) по сути — непереходный глагол (自動字 цзыдунцзы), а в 夏雨 雨人 ся юй юй жэнь ‘летний дождь капает на людей’ второй 雨 юй — переходный глагол (他動字 тадунцзы).

Лексические единицы, относящиеся к классу прилагательных, могут употребляться в функции глаголов: прилагательное 高 гао ‘высокий’ в 高其閘閘 гао ци каньхун ‘высокими построены его ворота’ употребляется в значении ‘построить высоко’; 厚 хоу ‘толстый, прочный’ в 厚其垣牆 хоу ци юаньцян ‘прочными возведены его стены’ — в значении ‘построить толстыми, прочными’; 白 бай ‘белый, седой’ при втором употреблении в 彼白而我白之 би бай эр во бай чжи ‘он седой, поэтому я считаю его седым’ — в значении ‘считать белым, седым’. Обычно прилагательные, как отмечает Чэнь Чэнцзэ, характеризуют существительное, это их основная функция. Однако они могут описывать действие или состояние (что свойственно наречиям), это необычное для прилагательных функционирование: 明 мин ‘ясный’ в 明知 мин чжи ‘точно знать’ называет степень 知 чжи ‘знать’, 高 гао ‘высокий’ в 高飛 гао фэй ‘высоко лететь’ показывает уровень 飛 фэй ‘лететь’; причём в подобных случаях зачастую возможно перестроить предложение так, чтобы характеризуемое стало подлежащим (主詞 чжуйюй), а собственно характеристика — предикатом (說明語 шоминьюй): 其知明 ци чжи мин ‘его знания точны’, 其飛高 ци фэй гао ‘его полёт высок’.

Употребление глаголов в необычных функциях может быть представлено такими случаями: в предложении 生死人而肉白骨 шэн сы жэнь эр жоу бай гу ‘воскрешать мёртвых’³ к непереходному глаголу 生 шэн ‘рождаться’ относится 死人 сы жэнь ‘умерший человек’; в предложении 天奪其魄 тянь до ци по ‘небо отняло его душу’ переходный глагол указывает на пассивность действия, исходное предложение можно перестроить (魄奪於天 по до юй тянь ‘душа отнята небом’).

Для наречий основной функцией является оформление глаголов и прилагательных, в связи с этим они и сами могут функционировать как прилагательные или непереходные глаголы. Так, наречие 慄 ли ‘боязливо’, для которого нормально употребление типа 慄然⁴ 危懼 лижань вэйцзюй ‘с трепетом бояться’, может

³ 肉白骨 жоу бай гу — досл. ‘[покрывать] плотью белые кости’, где 肉 жоу ‘мясо’ также выступает в несвойственной функции.

⁴ 然 жань — словообразовательный элемент, встречается и в составе наречий. На такое его свойство обращал внимание уже автор вероятно наиболее раннего словаря служебных слов китайского языка Лу Ивэй в «Юй чжу» 1324 г. [Лю Яньвэнь, 1986, с. 26].

употребляться как прилагательное (т. е. являться качественным сказуемым) в 某人慄然 моу жэнь лижань ‘кто-то испуганный’; 蹣跚 паньшань ‘нетвёрдой походкой’ в своей обычной функции (т. е. остоятельства) употребляется в 蹣跚前行 паньшань цянью син ‘нетвёрдой походкой идти вперёд’, а в 彼方蹣跚山谷間 би фан паньшань маньгу цзянь ‘кто-то ковыляет в ущелье’ 蹣跚 паньшань функционирует как глагол (является сказуемым).

Чэнь Чэнцзэ отмечает разницу между подвижным употреблением и изменением значения⁵ [Чэнь Чэнцзэ, 1982, с. 65–66], иллюстрируя её на примере существительного 風 фэн ‘ветер’: в 春風風人 чунь фэн фэн жэнь ‘весенний ветер овевает людей’ 風 фэн во втором случае употребляется как переходный глагол, а в 風示 фэнши ‘обнародовать’ происходит изменение значения, поскольку 風 фэн употребляется в значении 諷 фэн ‘декламировать’.

Итак, в своей грамматической концепции Чэнь Чэнцзэ использует термины 本用 бэнь юн и 活用 хо юн, рассуждая о функционировании лексических единиц. Однако в отличие от учёных традиционного китайского языкознания, также использовавших данные термины, само явление 活用 хо юн он разбирает довольно подробно и пытается дать ему чёткое научное объяснение. Чэнь Чэнцзэ опирается на положение, что каждая лексическая единица может быть отнесена к определённой части речи. При определении части речи он основывается на семантическом и функциональном критериях. В таком ключе не совсем понятно, каким образом это может соотноситься со свободным употреблением: где та грань, которая разделяет основное и свободное употребление. Тем не менее, сама попытка научного подхода к объяснению проблемы случаев «необычного функционирования» китайской лексики очень ценна и важна для дальнейшего развития грамматических исследований в Китае.

⁵ Ма Цзяньчжун также писал о том, что у одного слова может быть несколько значений, однако не подчёркивал разницу между изменением значения лексической единицы и «заимствованием» для функционирования в качестве другой части речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Кирюхина Л. В.** Грамматические исследования в китайском языкознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. №1 (26). С. 204–208.
- Лю Яньвэнь.** Юй чжу цзяо чжу [刘燕文。语助校注] «Юй чжу» с комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (на кит. яз.).
- Ма Цзяньчжун.** Ма ши вэнь тун [馬建忠。馬氏文通]. Грамматика Ма Цзяньчжуна. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2010. 473 с. (на кит. яз.).
- Никитина Т. Н.** Грамматика древнекитайских текстов. М.: Восток–Запад, 2005. 312 с.
- Яхонтов С. Е.** Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965. 115 с.
- Чжан Шичжао.** Чжундэн говэньдянь [章士釗。中等國文典]. Грамматика национального языка. Средний уровень. Шанхай, 1935. 284 с. (на кит. яз.).
- Чэнь Чэнцзэ.** Говэньфа цаочуан [陳承澤。國文法草創] Начала грамматики национального языка. Пекин: Шанъу иньшугуань, 1982. 82 с. (на кит. яз.).
- Sun L.** Flexibility in the Parts-of-Speech System of Classical Chinese. Berlin: Mouton de Gruyter, 2020. 283 p.
- Zádrapa L.** Word-Class Flexibility in Classical Chinese: Verbal and Adverbial Uses of Nouns. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2011. 256 p.

LYUBOV V. KIRYUKHINA

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
lyubabukhtulova@mail.ru

Chen Chengze's Approach to the Problem of Word-Class Flexibility in Chinese

Abstract: The approach of 陳承澤 *Chén Chéngzé* to the theoretical understanding of the syntactic possibilities of Chinese words is considered, in particular, using words in functions that are typical for different parts of speech. Examples and explanations by the author of this work are given, accompanied with translations into Russian. In terms of terminology, the variant 活用 *huó yòng* is used to indicate the phenomenon. The attention to this problem itself is not new in Chinese linguistics: scholars have noted this feature of Chinese words earlier, but Chen Chengze tries to give a scientific explanation for it.

Keywords: Chinese linguistics; grammar; parts of speech.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ПЕЛЕВИН

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

m.pelevin@spbu.ru

Агиография и политика: легитимация власти в литературе индо-афганской диаспоры

Аннотация: В статье анализируется идейно-политическое значение рассказов агиографической антологии, входящей в первую книгу по этноистории паштунов «История Ханджахана и афганская сокровищница» (1613). Некоторые житийные нарративы в ней косвенно утверждают легитимность политического лидерства паштунской племенной группы бетан, к которой относились династии Лоди (1451–1526) и Сури (1540–1555), правившие в Делийском султанате до образования могольской империи. Политические коннотации в рассказах антологии сопутствовали ее главной задаче, связанной с институционализацией конфессионального компонента идентичности паштунов.

Ключевые слова: паштунские племена; индо-афганская диаспора; исламская агиография.

© М. С. Пелевин

Первая книга по этноистории паштунов «История Ханджахана и афганская сокровищница» («*Тарих-и ханджахани ва махзан-и афгани*», 1613) сыграла ключевую роль в институционализации идентичности паштунов в начале Нового времени [Ni‘matallāh, 1960–62]. В ней впервые в письменном виде были сформулированы и детально описаны два критерия этой идентичности: генеалогический и конфессиональный [Barth, 1969, pp. 119–120]. Два другие критерия — язык и обычаи — получили обоснование позднее [Bakhtānāy, 1955, pp. 1–8].

Для наглядной иллюстрации конфессионального критерия — исконной приверженности паштунов исламу — в книгу,

написанную на персидском языке, был включен большой агиографический сборник с рассказами о паштунских духовных наставниках и благословенных людях. Этот сборник, как и генеалогический раздел книги, был составлен при содействии Хайбатхана Какара, представителя нобилитета индо-афганской диаспоры, которого официальный автор книги, придворный секретарь и хронист Ни 'маталлах Харави неоднократно называет своим вдохновителем.

Главная задача житийной антологии заключалась в том, чтобы подтвердить древность и прочность исламских традиций у паштунов. Эта идея, подкрепленная откровенными мифологемами, преследовала цель легитимации права паштунов на верховную власть в мусульманской Индии. Содержание некоторых рассказов антологии заставляет думать, что ее побочной, но не менее важной целью было доказать особый духовный статус паштунских племен группы бетан, одной из четырех ветвей паштунского генеалогического древа. Обе династии паштунского происхождения — Лоди (1451–1526) и Сури (1540–1555), правившие в Делийском султанате до возвышения моголов, относились к племенной группе бетан, как и формальный адресат книги Ни 'маталлаха — генерал Ханджахан Лоди (ум. 1631).

Провозглашение особого духовного статуса бетанов должно было подтвердить законность правления паштунских династий в Индии и легитимировать еще сохранявшиеся в начале XVII в. политические амбиции индо-афганской знати, надевавшейся на восстановление власти верховных правителей паштунского (бетанского) происхождения. В основу этой идеи были положены генеалогические предания об общем предке и эпониме паштунов-бетанов, который в агиографической традиции приобрел черты и функции житийного персонажа.

В житийном нарративе Бетан, в отличие от его родных братьев Сарбана и Гургушта, получил также почетное прозвище — «Шайх Байт». Второй компонент этого прозвища, вероятно, связан с исламскими терминами *байт ал-харам*, *байт-аллах*, *ахл ал-байт*, в которых арабское слово *байт* («дом») является обозначением главного мусульманского святынища в Мекке. В агиографической антологии Бетан (Шайх Байт) возглавляет список почитаемых духовных авторитетов племенной группы паштунов-бетанов. Однако в рассказе о нем нет выраженных признаков житийного жанра, связанных с чудесными деяниями. Этот рассказ почти целиком повторяет генеалогическую легенду о Бетане, лишенную религиозной исламской идеологии [Ni 'matallāh, 1960–62, v. 2, pp. 770–774].

В житийном рассказе Бетан изображен скорее как опытный и мудрый глава рода, *paterfamilias*, а не святой, творящий чудеса. По сюжету Бетан с семьей возвращается домой в горы весной после проведения зимнего сезона в более теплых районах предгорий. Попросив свою жену испечь хлеб, Бетан объясняет ей, что развести огонь в очаге будет нетрудно, поскольку в нем остались тлеющие угли. Это практическое знание, очевидно, должно было интерпретироваться как чудо святого — божественный дар предвидения.

Смысл основной части рассказа о Бетане состоит в том, что бы объяснить «причину» политического лидерства племенного подразделения лоди среди паштунов. Бетан просит своих внуков принести ему свежее испеченный хлеб. Его младший внук Ибрахим оказывается проворнее других детей и, опережая их, выполняет просьбу деда. За это Бетан делится с ним ломтем хлеба и в похвалу называет его «большим» («главным», «великим»). Это определение, приведенное в оригинале на пашто, в виде сочетания прилагательного с глагольной связкой (*loy day*), якобы тут же становится прозвищем Ибрахима и в редуцированной форме (*lodī*) скоро замещает само имя. Потомки Ибрахима затем тоже стали именоваться «лоди» и Бог наградил их правом верховной власти: «Всевышний Господь облагодетельствовал этот род властью над людьми и одал правом управления» [Ni ' matallāh, 1960–62, v. 2, p. 772].

Важным обстоятельством в этой легенде является то, что Ибрахим — сын дочери Бетана по имени Биби Мато, а происхождение его отца, якобы звавшегося Шах Хусайн, туманно возводится к правителям династии Гуридов (пр. ок. 1126–1215). Во-первых, упоминание гуридских правителей дополнительно усиливает обоснование права паштунов-лоди на верховную власть [Gommans, 1995, pp. 167–168]. Во-вторых, оно говорит о том, что в виде подобных легенд в фольклоре паштунов сохранялась историческая память об их полиэтническом происхождении. В-третьих, оно косвенно указывает на время возникновения этих легенд и подтверждает другие факты о том, что генеалогические традиции паштунов и представления об их этической общности стали формироваться примерно в XI–XII вв.

Особый статус бетанов подтверждается также рассказом об Исмаиле Сарбани, который в агиографиях представлен как первый духовный лидер у паштунских племен ветви сарбан. В рассказе генеалогического раздела утверждается, что Исмаил Сарбани на самом деле был не родным сыном Сарбана, родоначальника этой ветви, а его племянником, сыном упомянутого

Бетана. По легенде, Сарбан, старший брат Бетана, был бедным и неудачливым человеком, а возвысился и преуспел он только после того, как с разрешения младшего брата взял на воспитание, а затем и усыновил Исмаила, который с детства был наделен божественной благодатью [Ni 'matallāh, 1960–62, v. 2, pp. 587–590]. В рассказе о шейхе Исмаиле Сарбани сказано, что его могила находится в области с названием Вадихвах (*Wādikhwāh*). Нет сомнений, что это район Вазахва (*Wāzakhwā*) в провинции Пактика современного Афганистана. В этом районе до сих пор доминирует племя Сулайманхел, входящее в племенную конфедерацию гилзаев, которые, как и их близкие родственники лоди, относятся к паштунам-бетанам [Adamec, 1985, pp. 760–762, 804–805].

Еще одно явное свидетельство того, что авторы агиографической антологии в «Тарих-и ханджахани» стремились подчеркнуть духовный статус бетанов, — это явно искусственное введение в рассказ о шейхе Исмаиле Сарбани фигуры шейха Ахмада Сарвани, почитаемого духовного авторитета бетанского происхождения. Ахмад Сарвани — историческая личность, подвергшаяся мифологизации в агиографических нарративах. Судя по генеалогиям, он жил на восемь поколений позднее легендарного Исмаила Сарбани, причем уже в Индии. Ему и его потомкам в житийной антологии посвящены отдельные рассказы. Однако в рассказе об Исмаиле Сарбани шейх Ахмад Сарвани оказывается его современником и компаньоном. Они вместе осуществляют духовное руководство паштунами в Сулеймановых горах, а их совместное чудо связано с одной из главных функций паштунских святых — обеспечивать соплеменников едой. По легенде, каждый день на кухне Исмаила Сарбани и Ахмада Сарвани закалывали по 400–500 овец для кормления людей, а на следующий день животные благодаря божьему промыслу вновь оказывались живыми, поскольку шейхи намеренно сохраняли их кожу и кости [Ni 'matallāh, 1960–62, v. 2, pp. 721–722]. Кроме того, оба шейха названы учениками знаменитого Баха ад-Дина Закарийя (ум. 1262), отца-основателя суфийской общины Сухравардийя в Индии [Rizvi, 1978, pp. 190–194].

Косвенной целью житийной антологии в «Истории Ханджана» являлась конфессиональная легитимация права паштунов в целом и бетанов в частности на власть в Индии. Своеобразие ее нарративов состоит в том, что нередко ее житийные персонажи, паштунские шейхи, выполняют функции племенных вождей, демонстрируя в большей степени черты героев генеалогических преданий, а не традиционных агиографических рассказов.

ЛИТЕРАТУРА

- Adamec L. W.** Historical and Political Gazetteer of Afghanistan. Vol. 6. Kabul and Southeastern Afghanistan. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1985. XX, 859 p.
- Bakhtānay ‘A.** Paštani khouūna [Нравы и обычаи паштунов]. Kabul: Də nashriyāto loy mudiriyyat, 1334/1955. 86 p. (на яз. пашто).
- Barth F.** Pathan Identity and Its Maintenance // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference / Ed. F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969. Pp. 117–134.
- Gommans J. J. L.** The Rise of the Indo-Afghan Empire c. 1710–1780. Leiden; New York; Köln: Brill, 1995. 219 p.
- Ni ‘matallāh, Ibn Ḥabībballāh al-Harawī.** Tārīkh-i Khānjahānī wa Makhzan-i Afghānī [История Ханджаханана и афганская сокровищница]. Vols. 1–2 / Ed. S. M. Imāmuddīn. Dacca: Asiatic Society of Pakistan, 1960–62. 906, СХХII p. (на перс. яз.).
- Rizvi S. A. A.** A History of Sufism in India. Vol. 1. Early Sufism and its History in India to 1600 AD. Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1978. 468 p.

MIKHAIL S. PELEVIN

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
m.pelevin@spbu.ru

Hagiography and Politics: The Legitimation of Power in the Literature of Indo-Afghan Diaspora

Abstract: The article examines the ideological and political implications of the stories from the hagiographical anthology included in the first book on the ethnohistory of Pashtuns “Khanjahan’s History and Afghan Treasury” (1613). Several stories of this anthology indirectly proclaim the legitimacy of the political leadership of the Pashtun tribal group of Betan. The Pashtun Lodi (1451–1526) and Suri (1540–1555) dynasties, which ruled in the Delhi Sultanate before the formation of the Mughal empire, were of Betan origin. The political subtext of the anthology’s narratives accompanied its main objective related to the institutionalization of the confessional component of Pashtun identity.

Keywords: Pashtun tribes, Indo-Afghan diaspora, Islamic hagiography.

ИННА ВАЛЕРИАНТОВНА ЦОЙ

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

i.tsoy@spbu.ru

Использование метафорических карт как одного из универсальных инструментов в преподавании корейского языка на разных уровнях (на примере Кафедры корееведения СПбГУ)

Аннотация: В статье рассматривается использование метафорических карт в процессе обучения корейскому языку. Поскольку принцип наглядности до сих пор остается одним из ключевых в методике обучения иностранным языкам, визуальные изображения можно использовать для стимуляции мышления, воображения и самовыражения. В контексте изучения корейского языка эти карты могут служить эффективным инструментом для улучшения восприятия, запоминания и использования языкового материала. Автор представит преимущества использования карт и варианты их применения на разных уровнях обучения. В качестве иллюстративного материала берутся образцы устных выступлений и письменных аудиторных работ студентов второго года обучения.

Ключевые слова: метафорические карты, корейский язык, методика обучения.

© И. В. Цой

Принцип наглядности, сформулированный Я. А. Коменским в XVII в., и в наши дни остается важнейшим принципом дидактики [Осмоловская, 2009, с. 3]. Об этом же пишет и Е. Куварина, говоря о том, что «одними из наиболее эффективных способов освоения иностранного языка продолжают оставаться методы, основанные на принципе наглядности, который был сформулирован Я. А. Коменским и практически доказан К. Д. Ушинским» [Куварина, 2022]. Другими словами, наглядные методы обучения — это способы

целенаправленной совместной деятельности учителя и учащихся, нацеленные на решение образовательных задач наглядными средствами [Осмоловская, 2009, с. 3]. Однако, по словам И. Осмоловской, «наглядные методы обучения — это не универсальное средство решения всех проблем в образовании. Наглядные методы занимают свое место в учебном процессе и выполняют определенные дидактические функции. Избыток наглядных методов обучения на уроке так же, как и их недостаток, снижает эффективность образовательного процесса. Во всем нужна мера. Но там, где наглядные методы обучения нужны, они должны использоваться» [Осмоловская, 2009, с. 4].

В этом смысле использование метафорических карт в преподавании корейского языка на разных уровнях представляется интересным и эффективным методом, который может значительно обогатить учебный процесс. Метафорические карты — это визуальные изображения, которые используются для стимуляции мышления, воображения и самовыражения. В контексте изучения корейского языка эти карты могут служить эффективным инструментом для улучшения восприятия, запоминания и использования языкового материала. Важно отметить, что эти карты стимулируют ассоциативное мышление, позволяя студентам выражать свои мысли, эмоции и ассоциации через визуальные образы.

Каковы, на наш взгляд, преимущества использования метафорических карт в преподавании корейского языка? Ниже перечислим ряд плюсов:

- 1) развивается ассоциативное мышление. Карты помогают студентам связывать новые слова, фразы и грамматические конструкции с конкретными образами, что облегчает запоминание и понимание материала;
- 2) улучшаются коммуникативные навыки. Метафорические карты стимулируют диалог и дискуссию. Студенты могут обсуждать свои интерпретации карт, что способствует развитию навыков говорения и понимания речи на корейском языке;
- 3) повышается мотивация и вовлеченность. Визуальные методы часто более интересны и увлекательны, чем традиционные учебные материалы. Использование метафорических карт может сделать уроки более динамичными и стимулирующими;
- 4) присутствует гибкость использования на разных уровнях. Метафорические карты можно адаптировать для разных уровней владения языком. Для начинающих студентов карты могут служить стимулом для освоения базовых слов и выражений, а для продвинутых — инструментом для более серьезных дискуссий;

Илл. 1. Набор метафорических карт К. Крюгер «Я и все-все-все» (2016).

Илл. 2. Набор метафорических карт К. Крюгер «Он» (2021).

5) развивается креативное мышление. Карты стимулируют творческий подход к изучению языка. Студенты могут придумывать истории, диалоги или описания на основе изображений, что способствует более глубокому погружению в языковую среду. Как можно применять метафорические карты на разных уровнях обучения:

- 1) на начальном уровне это может быть изучение базового словарного запаса. На этом этапе метафорические карты могут использоваться для введения новых слов и фраз. Например, обучающиеся могут описывать, что они видят на картинке, используя простые слова и конструкции. Также может проводиться работа с базовыми эмоциями и чувствами. Студенты могут ассоциировать простые эмоциональные состояния с изображениями, что помогает лучше усваивать эмоционально окрашенные слова и выражения;
- 2) на среднем уровне это развитие грамматических навыков. Обучающиеся могут создавать более сложные предложения и описания на основе карт, практикуя при этом различные грамматические конструкции. В то же самое время можно развивать навыки повествования. Карты могут использоваться для создания историй или диалогов, что помогает развивать навыки связного изложения мыслей;
- 3) на продвинутом уровне можно развивать анализ и интерпретацию. На этом уровне карты могут служить основой для дискуссий на корейском языке. Обучающиеся могут обсуждать скрытые смыслы, метафоры и символику изображений, что способствует развитию критического мышления. Также можно организовывать тематические дискуссии. Карты могут использоваться для обсуждения сложных социальных или культурных тем, что помогает студентам углубить понимание корейской культуры и языка.

В качестве иллюстративного материала ниже представлены устные выступления и письменные работы студентов-историков второго года обучения на Кафедре корееведения в СПбГУ. В группе 7 человек, обучение проходило в 2023–2024 учебном году, в формате практических языковых занятий 3 раза в неделю по 90 минут. На занятиях использовались учебное пособие российских авторов и дополнительные материалы в виде метафорических карт или картинок из интернета. В процессе обучения были использованы следующие наборы метафорических карт: авторства К. Крюгер — «Она» (2013), «Он» (2021), «Я и все-все-все» (2016), «Все в моих руках» (2019); комплект карт «Цвета и чувства» автора Н. Жигамонт (2018), а также набор персонажей «Миньоны».

Илл. 3. Набор метафорических карт К. Крюгер «Я и все-все-все» (2016).

Илл. 4. Изображение Фила — персонажа анимационной комедийной франшизы «Гадкий Я» (2010–2024) производства компании Illumination и Universal Studios.

Илл. 5. Изображение персонажа анимационной комедийной франшизы «Гадкий Я» (2010–2024) в образе Росوماхи — персонажа комиксов издательства Marvel Comics, серии фильмов производства 20th Century Fox и медиафраншизы «Кинематографическая вселенная Marvel» производства Marvel Studios.

В случаях 1–3 обучающимся предлагалось выбрать метафорическую карту, символизирующую « семью ». В случаях 4–5 давалось задание составить рассказ, используя персонаж под названием « миньон ». Студенты в зависимости от уровня владения языком могли выбрать в качестве типа речевого высказывания описание, повествование или рассуждение либо комбинировать все три типа.

- 1) Баранова Татьяна (устное выступление) отработка пройденных прилагательных: (илл. 1): 이 그림에 보이는 여성들은 매우 닳은 사람이고 아마도 어머니와 딸인 것 같습니다. 그들은 밝은 붉은색 곱슬머리, 하늘과 같은 파란 눈과 통통한 볼을 가지고 있습니다. 하지만 어머니와 딸의 스타일은 다릅니다. 어머니는 클래식한 원피스를 입고 보석으로 만든 목걸이 차고 매고 모자를 쓰고 있는데 그런 원피스를 입은 딸은 어린 공주처럼 보입니다. 어쩌면 그들은 바닷가를 따라 걷고 있고 바다에서 불어오는 바람에 소녀의 머리카락이 휘날립니다. 어머니는 따뜻하고 사랑스러운 눈빛으로 딸을 바라보고 있습니다. 사실대로 말하면 엄마와 딸이 함께 시간을 보내는 것보다 더 좋은 것은 없습니다.
- 2) Навродская Елизавета (письменная работа в аудитории) отработка пройденных грамматических конструкций: (илл. 2): 내 앞의 그림에는 아늑한 데다가 마음이 훈훈해지는 가정이 보인다. 이 가족은 모두 네 명이고 강아지가 한 마리 있다. 아버지는 회색 바지와 셔츠를 입고 어머니는 예쁜 빨간색 드레스를 입었다. 자매들은 무늬가 있는 녹색 드레스를 둘 다 입었기 때문에 쌍둥이처럼 매우 비슷해 보인다. 강아지는 너무 귀엽고 작아서 아마도 태어난 지 2달 밖에 되지 않았을 것이다. 가족이 앉아 있는 파란색 소파는 편리한 데다가 크므로 식구들은 언제든지 푹 쉴 수 있을 뿐만 아니라 흥미로운 이야기를 나누면서 저녁 시간을 즐겁게 보낼 수 있으니까 감상점화라고 할 수 있다. 나는 이 그림을 볼 때마다 아늑한 분위기를 느끼고 생각을 정리한다.
- 3) Хотковская Эвелина (устное выступление): (илл. 3): 이 그림을 보면 나이가 먹은 의사와 의자에 앉아 있는 어린 소녀 그리고 소녀 다리 위에 앉아 있는 큰 고양이를 볼 수 있습니다. 이 소녀는 잠옷처럼 보이는 파란색 드레스를 입고 있습니다. 이 소녀는 조용히 앉아 있습니다. 그런데 다리 위에 앉아 있는 고양이는 모르는 사람을 본 듯 겁이 많은 것 같습니다. 아주 친절해 보이는 의사가 소녀의 머리를 어루만집니다. 이 소녀는 아픈 것 같고 그림에는 의사가 아픈 소녀를 방문하는 것 같습니다.
- 4) Навродская Елизавета (письменная работа в аудитории): (илл. 4): 나는 캐주얼 옷스타일을 좋아하는 작은 바련이라는 미니언이다. 어떤 사람을 나를 보면 내가 가난하고 이상한 사람인 줄 알 수도 있는데 틀린 생각이다. 사실은 내가 부자의 집에서 태어났다. 그리고 똑같은 이름을 가지고 있는 바련 형이 있다. 자유 시간이 생길 때 서커스에 다니는 것을 너무 좋아한다. 그리고 과학 공부가 내 취미인데 아직 뉴턴처럼 대표적인 과학자가 되고 싶은 꿈이 있어서 상징으로 머

리 위에 항상 사과를 한개 놓고 걸어다닌다. 기분이 변덕스러워서 나빠지다면 이 사과를 먹을 수 있다.

- 5) Климачев Денис (письменная работа в аудитории): (илл. 5): 내가 자수성가한 슈퍼히어로이다. 사람들이 대식가라고 부른다. 나는 크고 아름다운 도시인 시카고에 살고 있다. 나는 외계인의 침입으로 도시를 구하는 인기 있는 유튜브 동영상으로 인해 세계적으로 유명해졌다. 나는 군중 속에서 쉽게 알아채는 사람이다. 나는 큰 귀, 두꺼운 구레나룻, 날카로운 손톱을 가지고 있고 아주 간단하고 약간 더러운 옷을 입고 있다. 나는 착하고 용감하다.

* 단순하고 약간 지저분한 옷

В результате использования в процессе обучения метафорических карт студенты, изучающие корейский язык на начальном уровне (второй год обучения), стали лучше усваивать лексические единицы и грамматические конструкции. Обучающиеся получили возможность использовать визуальные образы для воспроизведения новой лексики, причем делали это с меньшими усилиями, опираясь на сами изображения и свои ассоциации. Их уровень успешности изучения языка повысился, и можно было ожидать, что и мотивация студентов также возросла.

Таким образом, метафорические карты являются одним из универсальных инструментов, который можно эффективно интегрировать в процесс преподавания корейского языка на различных уровнях. Они помогают разнообразить учебный процесс, сделать его более интерактивным и увлекательным, а также способствуют более осознанному усвоению языка и развитию различных коммуникативных навыков. При правильном использовании метафорические карты могут стать действенным средством для достижения образовательных целей, стимулируя творческое и критическое мышление у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

Куварина Е. Н. Метафорические ассоциативные карты как способ обучения говорению студентов на иностранном языке // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2022. № 07 (87). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/metaforicheskie-assotsiativnye-karty-kak-sposob-obucheniya-govoreniyu-studentov-na-inostrannom-yazyke.html> (дата обращения: 14.08.2024 г.).

Осмоловская И. М. Наглядные методы обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 192 с.

INNA V. TSOY

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
i.tsoy@spbu.ru

Using Metaphorical Cards as One of the Universal Tools in Teaching the Korean Language at Different Levels (Based on the Example of the Department of Korean Studies at St. Petersburg State University)

Abstract: The article discusses the use of metaphorical cards in the process of teaching the Korean language. Since the use of visual aids still remains one of the key principles in the methodology of teaching foreign languages, visual images can be used to stimulate thinking, imagination and self-expression. In the context of studying the Korean language, these cards can serve as an effective tool for improving the perception, memorization and use of language material. The author will present the advantages of using cards and options for their application at different levels of learning. Samples of oral presentations and written classroom work of second-year students are used as illustrative material.

Keywords: metaphorical cards, Korean language, methodology of teaching.

МАРИЯ МИЁСИ

Университет иностранных языков Киото

Киото, Япония

m_miyosh@kufs.ac.jp

Нетворческая работа с текстом на уроках японского языка как родного и как это затрудняет подготовку к субтесту «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1

Аннотация: Поводом к написанию данной статьи послужил опыт автора по преподаванию курса подготовки к субтесту «Письмо» уровня В1 экзамена ТРКИ (Тест по русскому языку как иностранному) в японском университете. В статье рассматривается актуальная проблема неразвитости в японских студентах навыков творческой работы с текстом, и делается попытка найти первопричину данного явления, затрудняющего процесс подготовки учащихся к заданию 1 вышеуказанного субтеста (письменный пересказ текста). В ходе исследования данной проблемы затрагивается вопрос о качественных различиях в методике пересказа как формы непродуктивной работы с текстом в постсоветской и японской образовательных традициях, что по мнению автора и является главным фактором, влияющим на отсутствие творческих элементов в выполняемых японскими студентами заданиях по пересказу текста при подготовке к ТРКИ.

Ключевые слова: Японский как родной, работа с текстом, пересказ.

© Мария Миёси

Введение

С 2021 г. по сегодняшний день автор статьи преподает курс подготовки к субтесту «Письмо» уровня В1 экзамена ТРКИ (Тест по русскому языку как иностранному) в Университете иностранных языков Киото (Япония). Главным отличием субтеста «Письмо» уровня В1 от того же субтеста предыдущих двух уровней — А1, А2 — заключается в том, что в В1 впервые появляется задание, предполагающее творческий подход к работе с текстом (задание 1 — краткий пересказ текста и, как правило, высказывание своего

мнения относительно всего либо конкретной части его содержания). В ходе подготовки студентов к данному субтесту автор статьи с удивлением для себя обнаружил, что японские учащиеся, независимо от их уровня и общей успеваемости, не обладают навыком пересказа текста (включая выделение его главной мысли, основных смысловых частей, ключевых пунктов и т. д.). В связи с этим изначальный план «натаскать» учащихся на сдачу субтеста «Письмо» путем просто оттачивания заданий на максимально доступном количестве текстов перестал быть актуальным, и автор вынужден был сделать шаг назад с целью понять первопричину отсутствия вышеуказанного навыка у учащихся, выявить отправную точку (навыки работы с текстом, с которыми студенты приходят в университет после 12 лет общеобразовательной школы) и достроить необходимую ступень (или несколько ступеней) на пути от данной отправной точки к конечной, коей является умение свободно, а также в сжатые временные рамки, письменно пересказывать адаптированный текст.

Таким образом, поскольку навык работы с текстом прививается, прежде всего, через родной язык, автор поставил перед собой задачу определить, какой именно багаж навыков дает учащимся обязательная школьная программа по японскому языку как родному и насколько данные навыки соответствуют тому, что требуется от экзаменуемых в задании 1 субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1. Для решения данной задачи автором были изучены актуальные Руководящие принципы Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии касательно учебной программы по японскому языку как родному в средней школе (7, 8 и 9 классы 12-летней общеобразовательной школы), а также учебные материалы для тех же классов, разработанные школой дополнительного образования Кумон (Kumon). Ниже представлены результаты анализа данных материалов, а также некоторые наблюдения относительно того, можно ли использовать данные результаты для оптимизации процесса подготовки учащихся к пересказу текста в рамках экзамена ТРКИ на основе имеющегося у них багажа навыков.

Содержание задания 1 субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1 и конкретные проблемы японских учащихся, связанные с его выполнением

Как уже было отмечено выше, заинтересованность автора вопросом неумения японских учащихся пересказывать (резюмировать) текст связана, прежде всего, с конкретным опытом ведения курса по подготовке последних к сдаче субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1. Данный субтест представляет собой два задания, из которых первое — прочитать текст и пересказать его по заданному плану (в котором, помимо прочего, присутствует пункт, касающийся личного опыта учащегося или его отношения к данной теме), а второе — написать письмо конкретному адресату также согласно заданному плану. При этом, в отличие от письма, где четко указан нижний предел количества предложений, для пересказа конкретных условий относительно объема производимого текста нет. На шкале самооценки по CEFR (Что я могу на уровне В1?) навык чтения выглядит так: «Я умею писать простые связные тексты на знакомые или интересующие меня темы. Я умею писать письма личного характера, сообщая в них о своих личных переживаниях»¹, — первая часть которого коррелирует с заданием 1 (пересказ), а вторая — с заданием 2 (письмо)².

Задание 1 субтеста «Письмо» может иметь, в частности, следующий вид (ввиду ограничения печатных знаков оригинальный текст в данной статье не приводится): «Вас интересует тема «Здоровый образ жизни». Прочитайте текст и письменно изложите все мнения, которые были высказаны по этой теме. Напишите, с чем Вы согласны или не согласны и почему. Ваше изложение должно быть достаточно полным, логичным и связным»³. Как видим, на выходе от соискателя требуется «достаточно полный», логичный и связный пересказ оригинального текста. Следует отметить, что в субтесте «Письмо» существует ограничение по времени — 60 минут на оба

¹ Сайт Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/webinars/webinar_4_test_rkib1.pdf (дата обращения 10.09.2024).

² Поскольку данная статья касается, в первую очередь, репродуктивной работы с текстом, продуктивная часть субтеста «Письмо», а именно задание 2, во внимание приниматься не будет.

³ Сайт Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/webinars/webinar_4_test_rkib1.pdf (дата обращения 10.09.2024).

задания, однако при подготовке данное ограничение на первых этапах не учитывается, поэтому в данной статье проблема беглого чтения также затрагиваться не будет.

Итак, с какими основными проблемами столкнулся автор в ходе подготовки японских учащихся к сдаче вышеупомянутого субтеста в рамках одноименного курса? Во-первых, у японских учащихся практически **отсутствует навык вычленения необходимой информации по ходу чтения** (причем, чтения с минимальным привлечением словаря ввиду ограниченности во времени). Данная часть работы для японских студентов представляет большую проблему, по крайней мере, пока они подробно не переведут весь текст. Можно было бы предположить, что корнем зла здесь послужила многолетняя практика грамматико-переводного метода преподавания иностранных языков, однако анализ учебных материалов по японскому языку как родному в государственных средних школах, а также в школе дополнительного образования *Kimon*, где, как оказалось, огромное множество заданий рассчитано на развитие навыка беглого чтения и моментального вычленения требуемой информации в потоке заведомо не знакомых иероглифов, слов и выражений, красноречиво говорит о том, что проблема отсутствия данного навыка актуальна не только в применении к иностранным языкам.

Вторая серьезная проблема японских учащихся при работе с текстом — **зависимость от шаблонов ответа** («шапок»). В частности, на примере задания о здоровом образе жизни (см. выше), студенты буквально не могут приступить к письменному пересказу текста без наличия шаблонов, как то: «Кто-то говорит, что ...», «Кто-то утверждает, что ...», «Я (не) согласен с кем-то», «Я (не) согласен с тем, что ...» и др. Анализ учебных материалов также показывает, что проблема уходит корнями в методику обучения работе с текстом в японских средних школах, о чем подробнее будет рассмотрено в следующем параграфе.

Наконец, третью проблему можно сформулировать как **неумение перефразировать**. Задание 1 субтеста «Письмо» предъявляет экзаменующимся еще одно важное требование, которое заключается в том, что при использовании отдельных связных отрывков текста в пересказе, данные отрывки не могут быть списаны с оригинала как есть, а должны быть как минимум «*перефразированы*»⁴.

⁴ Сайт Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/webinars/webinar_4_test_rkib1.pdf (дата обращения 10.09.2024).

III 52-b

■ 文章をよく読み、縮約しなさい。

(5 頁用き)

天体のように、はるか彼方(はるかた)にあって手にとることができない現象は、ひたすら望遠鏡を用いて観測するしかありません。観測結果の定量化を精確にするために、望遠鏡を大きくし、観測装置の精度を上げ、さらに大気圏外に出るという努力がなされています。例えば、今、私たちの頭上五〇〇キロメートル上空に、口径二・五メートルの望遠鏡が飛んでいます。ハッブル宇宙望遠鏡と呼ばれるのも、宇宙の彼方の素晴らしい像を送ってきています。私たちの自然認識の大きさを決めるものは、情報を受け手側の技術の進歩なのです。

天体のようにはるか彼方の現象については、望遠鏡を大きくし、観測装置の精度を上げ、さらにハッブル宇宙望遠鏡のよう^①に出て、観測結果の定量化を精確にするための^②。私たちの自然認識の大きさを決めるものは、情報を受け手側の技術の進歩なのです。

一方、地上における現象については、さらに進んで「実験」を行います。調べべき資料の作製、環境条件の設定、何らかの相互作用に対する反応の測定を行うのです。自然への能動的なはたらきかけといえるでしょう。実験を行うと、自然界に存在する物質にしろ、人間の手に合成された物質にしろ、その物理的性質(物質の組成や運動様式、熱的・電氣的・磁氣的性質など)や化学的性質(化合物の他の物質との反応性)を、総合的に調べることでできるようになります。これにより、物質の多様な性質を暴き出し、物質の根源にせまり、生活や生産に役立つ物質を合成し(例えば、薬品や半導体素子)、地球や生命の歴史をたどることができるようになります。

一方、地上の現象については、さらに資料の作製、環境条件の設定、反応の測定といった、自然への能動的なはたらきかけ、すなわち^③。そして物質の物理的・化学的^④。そして物質の多様な性質を暴いてその根源にせまり、役立つ物質を合成し、地球や生命の歴史をたどることができるようになります。

© 2011 Kumon Institute of Education, Jr. JP

Илл. 1. Примеры упражнений по работе с короткими текстами

Иными словами, проведя замену даже одного слова, выражения либо грамматико-синтаксической конструкции в оригинальном тексте на собственную, соискатель уже соблюдет данное условие. Однако, как показывает практика обучения японских студентов по аутентичным тренировочным материалам автора, заменить предложение «За умение необычайно ловко нырять и плавать её⁵ называли русалкой»⁶ на «Она необычайно ловко нырляла и плавала» для студентов уже довольно проблематично, не говоря уже о трансформации с переводом оригинальных слов в другую часть речи, как, например, в «Она была необычайно ловкой нырлящицей и пловчихой» (в данном случае глаголы нырять и плавать замещаются существительными нырлящица и пловчиха, а наречие ловко — прилагательным ловкая). Как будет рассмотрено в следующем параграфе, данная проблема также напрямую связана с той методикой обучения работе с текстом, которую предлагает японская средняя школа в рамках предмета «Японский язык как родной».

⁵ Речь идет об Анне Ахматовой.

⁶ Взято из авторских тренировочных материалов на основе книги Смешливой Е., Богомаз Л. «Чему я могу научиться у Анны Ахматовой» изд-ва «Альпина дети», 2020.

Нетворческая методика репродуктивной работы с текстом в японской образовательной традиции

Ниже будут рассмотрены примеры, дающие повод характеризовать методику репродуктивной работы с текстом в японских школах как шаблонную и нетворческую. При этом следует сказать, что несмотря на то, что шаблоны и отсутствие творчества в такой методике, на первый взгляд, должны были бы значительно затруднять подготовку изучающих русский язык японских студентов к сдаче задания 1 субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1, в качестве первого этапа они могут быть даже полезны. Прежде всего, следует сказать, что чтение и работа с текстом (художественным, научным и т. д.) как таковые в японской школе преподаются в рамках предмета 国語 (kokugo, досл. «японский язык как родной»)⁷. Ниже приведены несколько изображений, иллюстрирующих реальные упражнения по «пересказу» текста в том виде, в котором их предлагает учебное пособие для дополнительного школьного образования Kumon (илл. 1; 2; 3)⁸.

Подробное рассмотрение данных упражнений дает понять, что единственный способ репродуктивной работы с текстом, который японские школьники осваивают вплоть до окончания обязательного образования, это не пересказ в том смысле, в котором его требует ТРКИ, а т. н. «сжатие». Здесь необходимо прояснить разницу между понятиями «пересказ» (резюмирование) и «сжатие» (сокращение) текста. То, что в постсоветской образовательной традиции принято называть пересказом, в японском языке передается словом 要約 (yōyaku, **резюмирование**). То же, что выполняют японские школьники на уроках японского языка как родного, правильнее будет назвать 縮約 (shukuyaku, **сжатие**). Не зря именно такое название используется в материалах Kumon. Понятия 要約 (резюмирование) и 縮約 (сжатие) схожи тем, что в обоих случаях оригинальный текст становится короче (компактнее). Однако между ними (а, следовательно, и между соответствующими методиками репродуктивной работы с текстом) есть существенное различие, которое заключается в том, что резюмирование предполагает обязательное жертвование отдельными содержательными частями текста в пользу контекстно более

⁷ Иными словами, в японских школах не выделяют отдельно предмет «Родная литература».

⁸ Изображения 1–3 взяты из учебного пособия Kumon «I–II» (III класс средней школы, или IX класс в пересчете на двенадцатилетнее образование).

III 60-b

なく、社会との関係の中で選ばれますから、社会の変化に応じて技術の内容も変化するのはです。しかし、それが長い目で見て正しいのかどうか考える必要があるのでしよう。

例えば、かつては「丈夫で長持ち」型の製品が作られました。時計でもラジオでも、何十年も使ったものです。資源節約という目標が優先されたのです。現在は、「使い捨て」型の製品が主流になっています。数年で壊れると修理せずに買い替えるという、より大量に消費することが優先されているからです。私たちは、経済の論理で技術化の方式が決まっている場合があることをしっかりと押さえておく必要があると思います。環境破壊に、私たちにも責任があるからです。

① 線部を言い換えます。文章中から最適な語句を選んで書きなさい。(5点引き)

□□□□ にわたって蓄積した諸問題の悪い □□□□ をまとめて受ける

② 筆者は、科学の技術化にあたっては、どういうことが必要だと述べていますか。「……技術化するかを、……決めること。」という文型で、四〇〜五〇字で答えなさい。(10点引き)

(訂正用)

50	50
40	40

© 2011 Kumon Institute of Education, JP, Inc. Printed in Japan. X-2810

Илл. 3. Примеры упражнений по работе со сравнительно длинным текстом

утверждать, что тренировки лишь навыка сжатия, особенно в том виде, в котором его предлагает тренировать японская общеобразовательная школа, недостаточно для подготовки к заданию 1 субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1 (пересказ текста). Однако при этом нельзя не признать и тот факт, что менее творческий навык сжатия текста можно рассматривать как полноценный первый шаг на пути к овладению более продвинутым и более творческим навыком резюмирования (оно же пересказ). Иными словами, в процессе подготовки японских студентов к успешному выполнению задания по пересказу текста навык сжатия, каким бы он ни был шаблонным и сомнительно «творческим», можно и нужно использовать как переходную ступень к более продвинутому и однозначно более творческому этапу, коим является пересказ.

Выводы

Таким образом, изучение учебных материалов по предмету «Японский язык как родной» японской средней школы, а также школы дополнительного образования *Kimon* показало, что корень всех трех проблем японских студентов на пути к успешной субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1, а именно: (1) отсутствие навыка вычленения необходимой информации по ходу чтения, (2) зависимость от шаблонов и (3) неумение перефразировать, — напрямую связаны с методикой шаблонного и не предполагающего творчества обучения работе с текстом в японской образовательной традиции. Однако встает вопрос, почему работа с текстом преподается именно так, а не иначе, и какую роль в этом играют Руководящие принципы Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, раз в десять лет задающие главный вектор образовательного процесса в стране. В связи с этим своей ближайшей задачей автору видится проведение подробного анализа текста Руководящих принципов и выявление в нем прямой либо косвенной связи с вышеупомянутой ситуацией на уроках японского языка как родного, а также разработка аутентичных материалов для японских учащихся, помогающих им в ходе подготовки к сдаче субтеста «Письмо» экзамена ТРКИ уровня В1 безболезненно перейти к этапу *пересказа* (резюмирования) как формы репродуктивной работы с текстом через хорошо знакомый им по школьной скамье этап *сжатия*.

ЛИТЕРАТУРА

Презентация для вебинара 4 «Тестирование по русскому языку как иностранному — структура и содержание (Уровень В1)» // Сайт Центра языкового тестирования Санкт-Петербургского государственного университета. URL: https://testingcenter.spbu.ru/images/webinars/webinar_4_test_rkib1.pdf (дата обращения 10.09.2024).

Руководящие принципы Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии касательно учебной программы по японскому языку как родному в средней школе [中学校学習指導要領・国語編]. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, 2017 (на яп. яз.).

Смешливая Е., Богомаз Л. Чему я могу научиться у Анны Ахматовой. М.: Альпина дети, 2020.

Учебники по японскому языку как родному для 1–3 классов средней школы [国語 文部科学省検定済教科書 中学校国語科用]. т. 1–3 // Мицумура, 2020 (на яп. яз).
Учебные материалы Кумон [公文式国語教材]. G-I, G-II, H-I, H-II, I-I, I-II // Кумон, 2011 (на яп. яз.).

MIYOSHI MARIA

Kyoto University of Foreign Studies

Kyoto, Japan

m_miyosh@kufs.ac.jp

Automated “Creativity” in JNL (Japanese as a Native Language) Classes, or How We Get Uncreative Students

Abstract: The impetus for writing this article was the author’s experience in teaching the preparation course for the Writing subtest at the B1 level of the TORFL (Test of Russian as a Foreign Language) at a Japanese university. The article addresses the pressing issue of underdeveloped creative text processing skills among Japanese students and attempts to identify the root cause of this phenomenon, which hinders the preparation process for Task 1 of the aforementioned subtest (written retelling of a text). In the course of researching this issue, the article discusses the qualitative differences in the retelling methodology as a form of unproductive work with texts in post-Soviet and Japanese educational traditions. The author believes that this is the main factor influencing the lack of creative elements in the retellings completed by Japanese students in their preparation for the TORFL.

Keywords: Japanese as a native language, working with text, retelling.

ORIENT-FOCUS: Current Issues in the Study of History, Foreign Relations and Culture of Asian Countries: Proceedings of the 7th Scientific Conference (Novosibirsk, 4-5 October, 2024)

This compilation presents works of the participants of the international conference titled 'ORIENT-FOCUS: Topical Issues around Studies of History, International Relations and Cultures of Eastern Countries', hosted on 4-5 October 2024 at the Department of Oriental Studies of the Institute for Humanities of Novosibirsk State University.

The conference received wide public and international support. This can be seen not only by the geographical reach as a result of participants from large oriental centres in Russia, Israel, Uzbekistan, and France, as well as universities in China, Korea, Japan, but also by the scientific status of speakers, specialists in fields of history, culture, international relations and political science of Middle Eastern, Central and East Asian countries. For the first time, the conference program included a Round table devoted to Buddhist issues.

Научное издание

**ВОСТОК-ФОКУС: актуальные вопросы
изучения истории, международных отношений
и культур стран Востока**

VII Международная научно-практическая конференция
(Новосибирск, 4–5 октября 2024 г.)
Сборник материалов

Орфография и пунктуация в авторской редакции

Верстка — А. В. УЛЬВЕРТ

В оформлении обложки использована фотография интерьера
буддийского храма Сандзю:сангэн-до: (Киото, Япония), размещенная
на официальном сайте храма. URL: <https://www.sanjusangendo.jp>
(дата обращения 17.12.2024).

Шрифты: Literata, STEELFISH

Электронное издание.

Подписано в печать 20.12.2024.
Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 7,8. Усл. печ. л. 9,1.
Заказ № 241.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2